СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ПОИСК ОТВЕТОВ

Сборник научных трудов

Краснодар
2025

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ПОИСК ОТВЕТОВ

Сборник научных трудов

Под общей редакцией Т. А. Хагурова

Краснодар
2025

УДК 30; 316.7
ББК 60.5
С 69

Редакционная коллегия:
М.В. Донцова, А.Ю. Рожков, Т.А. Рунаев, Е.С. Студеникина,
Л.В. Усова

С 69 **Социология риска и безопасности: актуальные угрозы и поиск ответов**: сборник научных трудов / под общей редакцией Т.А. Хагурова; ответственный редактор А.Ю. Рожков; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – 317 с. – 500 экз.

ISBN 978-5-8209-2679-2

В сборнике представлены научные труды, подготовленные ко II Всероссийской научно-практической конференции «Социология риска и безопасности: актуальные угрозы и поиск ответов», состоявшейся в Кубанском государственном университете 30 октября 2025 г. В материалах сборника получил отражение анализ основных рисков и угроз (глобальных, локальных, глоболокальных) безопасности современного общества, их видов, источников и последствий для всего человечества, проблем и перспектив отечественной социологии риска и безопасности в современных условиях.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 30; 316.7
ББК 60.5

ISBN 978-5-8209-2679-2

© Кубанский государственный университет, 2025

Т. А. Хагуров

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ – 2025: К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЁ ГАРАНТАХ

Современный мир стремительно меняется. В том, что масштабы и глубина этих изменений необычайно велики согласны все. В оценках же содержания изменений и вызываемых ими социальных, культурных, политических и иных последствий - согласия меньше. Обобщая, можно выделить две основных линии: «оптимистическую» и «пессимистическую». Первая обычно связывается с технологическими и экономическими новациями. «Футурошок» Э. Тоффлера первым выразил главную идею такого «оптимизма»: изменения могут шокировать, но они неизбежны, несут много позитивного и к ним нужно адаптироваться, если не хочешь остаться за бортом современности. К пессимизму чаще тяготеют ученые, занятые исследованиями трансформаций культуры и внутреннего мира человека, хотя не только они.

В числе наиболее заметных новаций, меняющих привычный мир, ключевая роль принадлежит информационно-коммуникационной революции, создающей невиданные ранее возможности в сфере распространения и получения информации. В числе её последствий – резкое возрастание скорости технологических и социальных изменений, «ускорение времени», «информационная перегрузка» общественного и индивидуального сознания. Параллельно наблюдается интенсивная консьюмеризация различных сфер жизни, ранее функционирующих по другим законам: образования, здравоохранения, культуры и искусства, семейных и детско-родительских отношений. Это всё происходит на фоне возрастающей индивидуализации (по З. Бауману) общества и сопровождающими её процессами усиления мобильности, отказа от привычной нормативности, множественности возможных идентичностей.

Очевидно, что сами по себе перечисленные тренды создают одновременно сумму рисков и возможностей, которые в своём влиянии на дальнейшее развитие общества и человека могут быть

реализованы по-разному. Задача ученых – прогнозировать и предлагать модели предупреждения рисков и способы реализации возможностей.

Ниже мы попробуем наметить контуры обсуждения одной интересной группы рисков, порождаемых перечисленными процессами: риски утраты когнитивной безопасности социума.

От Гуттенберга к Кафке: проблематизация «понимания»

Классическая триада целей образования, сформулированная в Античности, предполагала последовательное формирование у учащихся способностей к *пониманию*, *целеполаганию*, *деятельности*. Считалось, что сначала нужно научить человека понимать окружающий мир – т.е. снабдить его знаниями и интеллектуальными инструментами, позволяющими этими знаниями пользоваться. Затем – сформировать ценностную позицию, ибо целеполагание основано на ценностях, выбор целей – это всегда выбор тех или иных ценностей. Ценности же теснейшим образом связаны с понятием «идентичность». И лишь затем – научить действовать, снабдить инструментами практической реализации целей. Быть образованным означало понимать окружающий мир, быть способным к ценностному выбору и уже потом – к эффективной деятельности.

Сегодня в пространстве образования наблюдается всё более явный отказ от этих принципов. Чем это обусловлено и что происходит в результате этого отказа?

Первый фактор, проблематизирующий «понимание» – это информационная перегрузка, порожденная информационной революцией. Современный человек, в том числе студент или школьник перегружен разнообразной информацией, огромная доля которой не несет «полезной нагрузки», а носит либо развлекательный (музыка, фильмы, огромная доля интернет-сайтов, социальные сети), либо побудительный (реклама, маркетинг, политика) характер. Если взрослый человек, получивший классическое образование, способен к более-менее осознанной фильтрации этих информационных потоков и ориентации в них, то подростки и молодежь часто не способны на это в принципе. Ребенок, воспитанный мультфильмами и компьютерными играми приобретает стойкую привычку к информационно-эмоциональной стимуляции. Переходя к учебе,

главным образовательным инструментом он делает компьютер. Последний же не воспитывает способность к пониманию, он тренирует навыки распознавания и комбинаторики. Понимание сложных вещей тренируется книгой, размышлением над прочитанным и обсуждением прочитанного, компьютер для этих целей попросту неудобен. С другой стороны, на подобное чтение у молодежи просто «нет времени» - оно забирается развлекательной и стимулирующей информацией и т.н. «общением» в социальных сетях. В результате у огромного числа современных студентов оперативность в написании рефератов и курсовых работ обратно пропорциональна способностью понять и обсудить принесенный преподавателю текст. Лозунг «Зачем учить, если есть Интернет» работает. В результате «Википедия» становится конечным авторитетом, а вменяемый сравнительный анализ различных точек зрения с обширной источниковой базой – это уже чуть ли не интеллектуальный высший пилотаж, доступный немногим аспирантам. Формируемое таким образом сознание отличается принципиальной зависимостью (при наличии иллюзии самостоятельности) от внешних подсказок и крайне слабой способностью к самостоятельному анализу получаемой информации. Подчеркнем – речь идет о тенденции, отнюдь не отменяющей наличия множества отдельных и ярких исключений.

Как следствие включается *второй фактор,* еще больше проблематизирующий «понимание» – фрагментация картины мира. Собственно, эту проблему обсуждают последние 150 лет – с тех пор как проявила себя возрастающая специализация. Однако, в условиях информационной перегрузки и отказа от чтения ситуация приобретает качественную новизну, заставляя ностальгически вспоминать деление на «физиков» и «лириков». Сегодняшние гуманитарии практически совсем не знакомы с естествознанием, а естественники – с историей и литературой. Более-менее цельным схематичным представлением (на уровне советской общеобразовательной школы) о том, как устроен окружающий мир в его основных измерениях (физическом, биологическом, политическом, географическом и т.д.) обладают единицы. Но проблема еще глубже: в силу интенсивной прагматизации образовательных мотивов общетеоретические курсы, формирующие фундамент профессионального

мировоззрения, воспринимаются как ненужная «лирика» и часто фактически игнорируются. Следствие – кризис профессиональной культуры. Картина мира, в том числе профессиональная становится не просто неполной, она приобретает принципиально «мозаичный» и/или узкоспециальный характер. Это резко затрудняет возможности самостоятельного ориентирования и принятия решений в хаосе информационных потоков, усиливая зависимость от «информационного сопровождения» в лице глобальных информационных систем.

В результате действия указанных факторов образовательный процесс в университетах стремительно абсурдизируется: широкое использование информационных технологий вместо совершенствования учебного процесса ведет к его массовой имитации. Исключений, повторим, много, но тенденция именно такова.

Современные дискуссии об образовании фокусируются на двух типах вопросов. Во-первых, вопросах понимания: какие знания, какие интеллектуальные инструменты и в каком объеме нужны обучающимся. Во-вторых, вопросах деятельности: общих и профессиональных навыках и умениях, способности решать конкретные деятельностные задачи. Попытка объединить понимание и деятельность в пространстве компетентностного подхода означает на практике сокращение пространства понимания на фоне углубления пространства деятельности.

От служения к потреблению: проблематизация «целеполагания»

Следующим фактором является консьюмеризация и маркетизация деятельности системы образования и её последствия для «целеполагания». Начиная со второй половины XX в. в силу целого комплекса причин происходит интенсивный перенос рыночных принципов в образование. Идеальной моделью университета становится «предпринимательский университет» в основе которого лежит идея бизнес-школы и научной фирмы. Как следствие возникает опасный перекос в целях образовательной и воспитательной деятельности, суть которого определяется понятием «экономоцентризм». Это порождает две группы последствий: 1) стремительную утрату идеальной мотивации (мотивов любви к профессии и осознания её смысла,

общественной и иной значимости), являющейся критически важной для полноценного овладения сложными видами труда (труд врача, педагога, управленца и т.п.); ведущими мотивами выпускников становятся деньги и статус, что становится одним из мощнейших факторов массовой депрофессионализации; 2) утрату многих неутилитарных аспектов деятельности университетов – от читаемых курсов по истории античной эстетики до исследований средневековой поэзии; интеллектуальный и культурный потенциал университета «схлопывается» до горизонтов, определяемых рынком.

Все перечисленное ведет к утрате субъектности, которая вовсе не противоречит индивидуализации (причем часто второе принимается за первое). Субъектность предполагает, прежде всего, наличие идентичности, ценностной позиции, затем свободы и ответственности. Индивидуализация же означает эмансипацию эгоизма и потребностной сферы. Сказанное, кстати, относится и к образовательной субъектности, часто подменяемой индивидуализацией: индивид выбирает образовательные траектории, удобные ему, но далеко не всегда позволяющие получить полноценное образование.

Последствия

Главным последствием становятся нарастающие риски *утраты когнитивной безопасности социума* – способности общества формировать и поддерживать адекватную реальности картину мира и правильным образом эту реальность интерпретировать. Это неизбежно приводит к деструктивным последствиям, имеющим многомерный и системный характер.

В тоже время, будущее не гарантировано и в значительной степени может корректироваться из нашего «сегодня», причем университеты могут выступить в роли таких «корректоров», чтобы во взаимодействии с государством попытаться реализовать иную сумму возможностей, заложенную в современных трендах.

Что делать?

Возможные пути развития университетского образования, могущие быть реализованными только во взаимодействии со школой и государственной политикой, в первом приближении сводятся к трем взаимосвязанным стратегиям.

1) Сохранение фундаментальности и целостности университетского образования. Недопущение фрагментации образовательной программы за счет безоглядной вариативности. Ограничение прагматизации содержания программ и курсов и опора на общетеоретическую подготовку (по крайней мере, на младших курсах). Ориентация на формирование у слушателей цельной научно-отраслевой и общенаучной картины мира. Недопущения превращения преподавателя в «оператора интеллектуального сервиса», сохранение за ним задач по эмоциальному и интеллектуальному вовлечению в предметную область, что возможно лишь при «живом» общении.

2) Создание в университетах «интеллектуальных лакун», свободных от информационной перегрузки. Университетские аудитории и лаборатории должны оставаться пространством формирования и тренировки способности к пониманию через книги, лекции и дискуссии. При этом именно средневековая технология диспута, как одного из ведущих средств интеллектуального развития студента, сегодня нуждается в реанимации. Необходимо возрождение культуры диспута, как формальной (риторической) так и содержательной, предполагающей опору не на «я так считаю» (самый распространенный аргумент среди современных студентов), но на системную аргументацию. Необходимо сохранение или внедрение (там, где уже или еще нет) на всех направлениях подготовки курсов по истории философии, логике, риторике и теории аргументации, истории и философии науки, теории и методологии научного исследования.

3) Создание условия для формирования пространства ценностей, идеальной мотивации (основанной на любви к профессии и служении) и личностной, профессиональной и гражданской идентичности. Выпускник университета – это завтрашний представитель интеллектуальной элиты общества, который будет формировать это самое завтра. Соответственно, требования к его профессиональным, нравственным и гражданским качествам должны быть исключительно высокими. Здесь у нас есть богатый позитивный (равно как и негативный) опыт воспитательной работы, включающий и некоторые современные подходы и советские и более ранние корни. При этом

университеты, сохраняя интеллектуальную свободу, должны служить центрами сохранения национальных культурных богатств.

Все сказанное относительно вопроса «Что делать?» – предельно схематично и требует отдельного разговора. Однако, именно в этих (или похожих) стратегиях нам видится путь к тому, что будущее напоминало не сюжеты антиутопий, а строилось по мотивам гуманистической фантастики А. Беляева, И. Ефремова и К. Булычева.

Всё сказанное – только одно из многочисленных направлений поисков и обсуждений в рамках нашей очередной конференции. Искренне надеемся, что объединение ученых и практиков вокруг темы риска и безопасности поможет внести свой скромный вклад в поиск ответов на острые вопросы современности.

А. В. Баранов

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ ДОНБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)

Аннотация. Статья содержит результаты самостоятельного исследования, проведённого коллективом под руководством автора в Донецкой и Луганской Народных Республиках в августе – октябре 2024 г. Определено состояние российской национально-государственной идентичности студенчества Донбасса по итогам фокус-групповых дискуссий. Автор аргументирует вывод о сложносоставном типе российской идентичности донецкого студенчества. Отмечены факторы, помогающие и препятствующие укреплению российской идентичности в Донбассе.

Ключевые слова: российская идентичность, студенческая молодёжь, Донбасс, фокус-групповое интервью.

A. V. Baranov

THE RUSSIAN IDENTITY OF THE STUDENT YOUTH OF DONBASS (BASED ON FOCUS GROUPS' MATERIALS)

Abstract. The article contains the results of an independent study conducted by a team led by the author in the Donetsk and Lugansk People's Republics in August –October 2024. The state of the Russian national-state identity of Donbass students was determined based on the results of focus group discussions. The author argues for the conclusion about the compound type of Russian identity of Donetsk students. The factors that help and hinder the strengthening of Russian identity in Donbas are established.

Keywords: Russian identity, student youth, Donbass, focus group interview.

Тема исследования обладает нарастающей актуальностью. В октябре 2022 г. состоялось воссоединение ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Россией. Воссоединение – это не одномоментное правовое решение, а длительный и сложный процесс. Реинтеграция Донбасса и Новороссии с Российским государством имеет не только экономическое, социальное и политическое, но и социокультурное измерение. Весомое преобладание российской национально-государственной идентичности в региональном сообществе Донбасса – вот фактор, который значительно ускорит и облегчит консолидацию нового статуса ДНР и ЛНР. В том числе, особо важна задача укрепления российской идентичности молодёжи Донбасса, которая в наибольшей мере вовлечена в современные формы онлайн-коммуникации и ещё не имеет столь прочных жизненных ценностей и ориентаций, как старшие поколения.

Цель исследования – определить состояние российской национально-государственной идентичности студенчества Донбасса по материалам фокус-групповых дискуссий.

Степень разработанности научной проблемы нельзя назвать высокой. В основном по теме пишут историки и философы, применяющие традиционные методы анализа источников. Сложилась и обширная публицистическая литература. Военные условия, существующие в Донбассе с апреля 2014 г. по наши дни, серьёзно затрудняют проведение социологических исследований. Тем не менее, следует упомянуть публикации луганских

социологов А.В. Герасимова, В.Б. Попова и историка И.Е. Татаринова [1], донецких политологов и языковедов К.В. Черкашина, В.И. Теркулова и Т.Ю. Тамерьян [2, с. 113–128]. Они приводят материалы анкетных опросов, самостоятельно проведённых в ДНР и ЛНР. Исследования донецкого философа Д.Е. Музы [3], политологов О.В. Онопко и М.В. Руденко [4], Е.В. Рябинина [5, с. 13–63, 192–213] построены иначе: они осмысливают опыт политики идентичности ДНР и ЛНР, степень эффективности данного курса в отношении различных слоев общества. Работы ростовских политологов Л.Б. Внуковой, С.П. Поцелуева, М.С. Константинова и этнолога Т.Ю. Власкиной построены иначе – на основе фокус-групповых дискуссий и интервью [6, с. 73–86; 7, с. 247–333]. По понятным причинам идентичность студенчества изучена лучше, чем старших поколений (см. работы Е.В. Бродовской и А.А. Азарова, И.В. Самаркиной и И.С. Башмакова [8, с. 49–53; 9, с. 87–102]).

Определённый интерес представляют работы украинских и западных авторов, описывающих конфликт идентичностей в Донбассе превратно и идеологизировано [10; 11]. Впрочем, изредка и в этих работах можно найти проблески признания реального состояния идентичности [12]. Подробнее критика украинской политической экспертизы идентичности Донбасса характеризовалась в статье А.В. Баранова и Ю.В. Костенко [13].

Тем не менее, остаются фрагментарно изученными степень сформированности и распространения российской идентичности среди студенческой молодёжи Донбасса, различия идентичности «ядра» территории ДНР и ЛНР, освободившихся от украинского нацизма в апреле 2014 г., и вновь освобождённых в 2022–2025 гг. местностей Донбасса.

Теоретической основой исследования выбран социальный конструктивизм применительно к проблематике коллективных идентичностей. Самосознание индивидов и социальных общностей не является «генетически» предопределённым, а созидается, воспитывается в течение всей жизни под воздействием не только повседневного опыта людей, но и целенаправленной политики идентичности, проводимой высокостатусными акторами – элитами, группами интересов, влиятельными партиями, массмедиа [14]. При этом важен политико-

географический подход к картографированию ареалов и осей влияния идентичностей [15]. Он позволяет понять, что в контактных и конфликтных зонах складываются сложносоставные, дуальные идентичности. Один и тот же человек может ситуативно проявлять то одну, то другую национально-государственную идентичность (не совпадающую с этнической и языковой) под влиянием информационных внушений, желания захватить власть, сохранить жизнь или других мотиваций. Степень осознанности своей идентичности, готовности проявлять её не только в словах, а в поступках, отстаивать в борьбе тоже проявляется неравномерно.

Наше исследование было выполнено под руководством автора в сентябре – октябре 2024 г. Организовано 2 фокус-группы (в Мариупольском государственном университете им. А.И. Куинджи и Луганском государственном университете им. В.И. Даля). В фокус-группах приняли участие 80 студентов младших курсов бакалавриата очной и заочной форм обучения – представители социальных и гуманитарных направлений подготовки (историки, педагоги, психологи, юристы, политологи). Длительность каждой из дискуссий составила от 75 до 90 минут.

В проведении фокус-групповых дискуссий и расшифровке видеозаписей приняли участие преподаватели кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета – канд. полит. наук, доц. Башмаков И.С., канд. полит. наук, доц. Костенко Ю.В., канд. полит. наук, доц. Сазантович А.Б., преп. Колозов Д.П. и преп. Кузьменко Н.П., которым мы признательны за сотрудничество.

В составе ценностей, предложенных организаторами исследования для иерархизации (нужно было выбрать 3 варианта из списка 10) чаще всего студенты упоминали справедливость, порядок, мир, развитие и стабильность. Некоторые из них, не разобравшись, перечисляли все 10 предложенных на выбор вариантов. Реже всего упоминались такие ценности, как «Приоритет духовного над материальным» и «Коллективизм», «Национализм», «Демократия» [16]. Это можно объяснить достаточно низким уровнем религиозности опрошенных (почти никто из них не назвал религиозные организации эффективными общественными институтами, способными играть позитивную

роль в укреплении российской идентичности), а также избеганием категоричных, политизированных (в восприятии студентов) терминов.

Респонденты также оценивали базовые ценности российского общества, упомянутые в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [17]. Программа исследования предлагала ранжировать именно эти ценности. Наиболее часто опрошенные называли самой значимой для себя такие ценности как «Жизнь», «Права и свободы человека», «Крепкая семья», «Достоинство» и «Патриотизм». Традиционные ценности общества назывались в положительной модальности. Часто российские ценности противопоставлялись западным, поскольку страны Запада, по мнению выступавших, в основном утратили традиционные ценности. Примечательна реплика: «Если взять Европу, то там вообще ужас» (при обсуждении вопросов миграционной политики). Респонденты отмечали, что они предпочитают жить именно в России (названы мотивации: «здесь комфортно, много возможностей, ближе по душе»). Студенты часто выражали желание путешествовать по «материковой» России, чтобы познакомиться с её историко-культурным наследием, достижениями, обучаться и работать в более комфортных, чем прифронтовые ДНР и ЛНР, субъектах федерации [16].

Для перепроверки данных одновременно был проведён пилотажный анкетный опрос посредством заполнения онлайн-формы, выборка составила 162 студента очной формы обучения в возрасте 17–35 лет (88 – в г. Мариуполе и 74 – в г. Луганске). Анкетный опрос показал, что считали своей страной только Россию 58,0% респондентов в Мариуполе и 67,6% в Луганске; считали своими «и Россию, и Украину» 9,1% в Мариуполе и 7,7% в Луганске, а «только Украину» – 3,4% в Мариуполе и 2,4% в Луганске. Примечательно, что только в Мариуполе 9,9% назвали в качестве страны «свой регион» (в Луганске таких не было). Остальные не дали отчётливого ответа [16]. Особенность подвыборки в Мариуполе – достаточно выраженное проявление отличий от жителей Донецка и ДНР в целом. Вероятно,

особенности идентичности мариупольцев объясняются сравнительно недавним освобождением от украинской оккупации.

Судя по фокус-группам, среди студенчества проявляется вполне прочный и развёрнутый по аргументации образ своего региона, который совместим с позитивным восприятием России. Донбасс наделяется положительными качествами (богатое историческое и культурное наследие, природные богатства, разнообразие народов и местностей, трудолюбивый и достойный характер). ДНР и ЛНР оцениваются как пространство сотрудничества и мира между многочисленными народами. Развернутая аргументация такого рода прозвучала не только от студентов – русских, но и от украинцев, греков, татар [16]. Образ будущей России, как и Донбасса, связан с представлениями о сильном государстве с процветающей экономикой и самостоятельной ролью в многополярном мире.

Но мы не должны идеализировать уровень сформированности российской идентичности студентов. Высказанные мнения – это результат достаточно ограниченного жизненного опыта. Студенты подчас «ретранслируют» типичные мнения, сложившиеся в референтных группах, а также в социальных сетях и онлайн-пространстве в целом. Особенно это заметно в высказываниях первокурсников.

Источники информации участников фокус-групп (по убывающей) таковы: российские телеграм-каналы, ТикТок, Ютуб, родители и родственники [16]. Среди общественных институтов, которые формируют идентичность и влияют на жизнь студентов, участники онлайн-опроса наиболее часто упоминали государство – в 28,1% ответов, образование – в 24,1% и семью – в 22,0% ответов. Наиболее редко опрошенные называли конфессиональные организации (7,1%), политические партии и общественно-политические объединения (8,1% ответов) [16]. Настораживает значительно более низкая оценка крымскими студентами региональных и местных СМИ как акторов формирования идентичности в сравнении с всероссийскими.

Итак, состояние российской идентичности студенчества Донбасса можно оценить как относительное преобладание национально-государственной идентичности над региональными, местными и этническими. Учитывая военные условия и крайне

тяжелую экономическую ситуацию, это является успехом проводимой политики идентичности. Российская идентичность донецкого студенчества сложносоставна: она не игнорирует, не подавляет региональную и местные приверженности, а вбирает их в себя. «Русское» и «российское» не разделяются, по крайней мере, в транскриптах проведенных фокус-групп. Факторами, помогающими укреплению российской идентичности в Донбассе, являются традиции интернационализма, урбанистический характер сообщества, русскоязычие, длительная борьба общественных объединений региона против принудительной украинизации, наличие географического «ядра» распространения российской идентичности – ареала, где власть ДНР и ЛНР не прерывалась с апреля 2014 г. В то же время, проявляются факторы, препятствующие укреплению российской идентичности: слабая осведомленность об институтах и правовом регулировании политики идентичности; недостаточная включенность респондентов в повседневные практики позитивного социального взаимодействия; влияние на часть респондентов политико-информационного пространства с антироссийским контентом. Отмеченные параметры делают насущным повышение эффективности политики укрепления российской идентичности.

Список источников

1. Идентичность населения в условиях российско-украинского пограничья: проблемы социального конструирования и динамика повседневных практик: Аналитический отчёт социологического исследования / под общ. ред. А.В. Герасимова: сост. А.В. Герасимов, В.Б. Попов, И.Е. Татаринов. Луганск: Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, 2019. 206 с.

2. Черкашин К.В., Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128.

3. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / предисл. С.Ю. Житенева; Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьёв А.В., 2016. 232 с.

4. Руденко М.В., Онопко О.В. Доктрина «Русский Донбасс»: идейно-теоретические основы и политическое значение // Вопросы национализма. 2021. № 1 (33). С. 126–133.

5. Рябинин Е.В. Украина против Донбасса. Война идентичностей. М.: Вече, 2025. 352 с.

6. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 73–86.

7. Русский Донбасс: фронты и фронтиры / Пупыкин Р.А., Поцелуев С.П., Константинов М.С. и др. Ростов н/Д; Таганрог: Южный федеральный университет, 2022. 404 с.

8. Бродовская Е.В., Азаров А.А. Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР // Власть. 2023. Т. 31, № 6. С. 49–53.

9. Самаркина И.В., Башмаков И.С. Политика формирования гражданской идентичности молодёжи в новых субъектах РФ: модели и технологии // Южно-Российский журнал социальных наук. Краснодар, 2023. Т. 24, № 4. С. 87–102.

10. Кармазіна М.С. Політичні ідентичності в сучасній Україні: міська громада Донецька. Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2016. 232 с.

11. Pakhomenko S., Tryma K., Francis J.A. The Russian-Ukrainian War in Donbas: Historical Memory as an Instrument of Information Warfare // The Use of Force against Ukraine and International Law. Hague: T.M.C. Asser Press; 2018. P. 298–312.

12. Haran O., Yakovlyev M., Zolkina M. Identity, War, and Peace: Public Attitudes in the Ukraine-Controlled Donbas // Eurasian Geography and Economics. London, 2019. P. 1–25.

13. Баранов А.В., Костенко Ю.В. Идентичность Донбасса в восприятии украинской политической аналитики (2014–2022 гг.) и конструирование образа врага // Проблемы постсоветского пространства. 2024. № 11 (4). С. 301–311. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-4-301-311

14. Barth F. (ed.). Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference. Bergen: Universitetsforlaget, 1969. 153 p.

15. Kaplan D.H., Herb G.H. How Geography Shapes National Identities // National Identities. London, 2011. Vol. 13, № 4. P. 349–360. DOI: 10.1080/14608944.2011.629424

16. Текущий архив кафедры политологии и политического управления ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

17. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 30.07.2025).

Д. А. Бибилашвили
Научный руководитель М. Ю. Горожанина

СЕКТАНТСТВО, АСТРОЛОГИЯ, МАГИЗМ – ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Автором представлен анализ основных постулатов и практик религиозных постхристианских направлений, которые в Новейшее время оформились в движение Нью Эйдж или Новой эры. Составными частями данного учения является целый конгломерат различных идей, таких как монизм, астрология, тарология, магизм. Были рассмотрены причины, по которым среди населения России получило распространение данное религиозные движение, основной же является доступность и простота входящих в него идей, примитивизм. Также автором был приведён материал, который подтверждает взгляд православного христианского учения, что данные идеи, продвигающиеся Новой эрой, являются ложными и подавляющими личность. На основе этого автором был сделан вывод, что данные направления являются основой для создания сект, деструктивных в своей основе, угрожающих обществу и государству.

Ключевые слова: сектанство, Новая Эра, астрология, магизм, Нью Эйдж, деструктивная секта, ньюэйджеры.

D. A. Bibilashvili
Scientific supervisor: M. Yu. Gorozhanina

SECTARIANISM, ASTROLOGY, AND MAGISM ARE THE MAIN THREATS TO THE SPIRITUAL LIFE OF RUSSIAN SOCIETY.

Abstract. The author presents an analysis of the main postulates and practices of religious post-Christian movements, which in recent times have taken shape in the New Age or New Era movement. The components of this teaching are a whole conglomerate of various ideas, such as monism, astrology, tarology, and magism. The reasons why this religious movement has spread among the Russian population were considered, but the main one is the accessibility and simplicity of the ideas included in it, primitivism. The author also provided material that confirms the view of Orthodox Christian teaching that these ideas, promoted by the New Era, are false and suppressive of personality. Based on this, the author concluded that these trends are the basis for the creation of sects that are destructive in nature and threaten society and the state.

Keywords: sectarianism, new era, astrology, magism, new age, destructive sect, new agers.

О проблеме появления ересей и различного рода отклонений в христианстве было известно ещё в древности, в начале становления данного религиозного учения. Тогда ещё апостол Павел предупреждал об этом явлении, например в Послании к Коринфянам говорится: «надлежит быть и разномыслиям (в греческом – ереси) между вами, дабы открылись между вами искусные» [1, с. 248]. Как такового единого, систематизированного христианского учения в I–III вв. ещё не было. Ярким примером является деятельность апостолов Петра и Павла. Проповедь Петра была направлена преимущественно к иудеям, опираясь на слова Христа: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». Тем самым утверждалась необходимость обрезания (согласно Иерусалимскому апостольскому собору 49/51 гг.). Это было продолжением традиции синагоги, по сути, иудаизм, но с уже пришедшим по пророчествам Мессией, что породило понятие «иудеохристианство». Проповедь же Павла распространялась и на язычников (необрезание), которые жили за пределами Иудеи, например в Антиохии, опираясь на другие слова Христа: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести…», тем самым продвигая идею об универсализме христианства, тогда же и рождается понятие «христиане» [2, с. 124]. Естественно, что с ходом времени расколы в учении могли увеличиваться, а это создавало угрозу как церкви, так и государству, в то время Римской империи, на территории которой христианство и распространялось, требовалось их преодолеть. Так, при содействии государственной власти в лице римского императора Константина в 325 г. в Никее начал работу I Вселенский собор, собравший множество епископов со всех концов Империи. Там принимаются основные догматы церкви и Никейский Символ веры, которым утверждалась вера в единосущность Иисуса Христа Богу Отцу, соединение в Нём человеческой и божественной природы [2, с. 195]. Таким образом, какие-либо отклонения от принятого Символа веры и догматов церкви, порождающие ереси и расколы, были запрещены. Уже тогда, в IV в. во времена Вселенских соборов, Василий Великий и формулирует сущность различных форм ересей: «еретиками называли совершенно отторгшихся и в самой вере

отчуждавшихся» [2, с. 129]. Ревизия учения, которая могла привести к образованию деструктивных групп, набирала силу ещё в древности.

Но какая же обстановка с различными религиозными направлениями в Новейшее время? Отличительной чертой современных сект является то, что они вбирают в себя как некоторые элементы христианства, восточного мистицизма, так и неоязычества. Речь идёт о таком движении как Нью Эйдж (New Age) – Новая Эра. В социокультурном смысле – Нью Эйдж является одним из выражений постхристианской цивилизации. Оно механически вбирает в себя сразу несколько разнородных идей, т. е. Нью Эйдж – это неоязыческое движение, основанное на довольно свободно сформулированной идеологической базе, это конгломерат различных спиритических и оккультических групп, культов, школ, сект и учений [3, с. 827]. Американский христианский писатель Филипп Свихарт пишет, что начинают вырисовываться очертания новой мировой религии, оккультной по своей природе…она будет содержать в себе элементы христианства, иудаизма, и, возможно, ислама, но в основе её восточный мистицизм [4, p. 39]. Но что за «восточный мистицизм»? По мнению российского сектоведа Александра Дворкина это то, что принято гражданами нашей страны на «ура», а именно такие понятия как «аура», «энергетика», «реинкарнация», «чакры», «мантры», «астрология», «гороскопы» т.е. те образы, которыми мыслит современное население [3, с. 832].

В самой основе Нью Эйдж лежит монизм – вера в то, что всё является единым, а именно, по Дворкину, берётся его наиболее крайнее проявление: ньюэйджеры верят, что вне человека нет Бога, сам человек есть Бог, он как бы находится внутри нашего существа, его надо открыть. Естественно, что данные постулаты дают основу для построения новых сект. Там какое-либо лицо, якобы раскрывшее Бога в себе, может привлекать в секту других людей, обещая им «помощь» в Его открытии. Ярким примером является секта Виссариона (Сергея Торопа), который создал секту под названием «Церковь последнего завета», и который считал себя пророком, предрекавшим апокалипсис. Также он, как сам утверждал, является воплощением Христа, создал свой посёлок в Красноярском крае, куда съезжались его последователи

(виссарионовцы), и где проводили свои ритуалы даже со смертельным исходом, за что Сергея Торопа арестовали и приговорили к заключению [5]. Это только один пример того, что секта является деструктивным образованием, не только искажающим сознание членам общества, но и причиняющим им физический вред. Христианство, естественно, отвергает всё вышеуказанное, человек не может быть самим Богом. Человек, в христианстве, творение Божье, призванное уподобиться Богу во всём своём трисоставном существе, в единстве духа, души и тела. Только через Христа, как говорил архимандрит Иустин (Попович), человек поднимается во всей своей полноте до уровня Бога, творчески осуществляя этот потенциал через путь обожения [2, с. 48–49]. Это же говорит и апостол Павел в Послании к Фессалоникийцам: Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей своей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа [1, с. 291]. Как видно, в христианстве не говорится о том, что сам человек есть Бог, наоборот, человек только благодатью во Христе поднимается до уровня Бога, усыновляется ему, но сам себя богом не назначает.

Но в чём же причина того, что люди вовлекаются в такие, казалось бы, совершенно абсурдные учения? Вот что пишет философ Алексей Соловьёв по данному вопросу: «человеку свойственна неутолимая духовная жажда. Раньше он обращался к религии или иным традиционным формам духовности. Казалось, что в XX веке научно-технический прогресс лишил поиски духовности смысла, но сегодня изобилие самых причудливых и экзотических практик ясно демонстрирует, что человек продолжает искать в них ответы на глубинные экзистенциальные вопросы. Однако на пути этого поиска он встречает множество мошенников-лжегуру…» [6, с. 172]. Из этих слов можно сделать микровывод, что популярность сект, различных духовных направлений связано с тем, что научно-технический прогресс, строящийся в основном на материалистическом объяснении объективной действительности, не ответил на вопросы духовного характера. Раньше, например, Фрэнсис Бэкон и Иммануил Кант говорили о мире, где благодаря науке и прогрессу будет господствовать научное знание, решающее все проблемы

человечества и обеспечивающее ему счастье, некое светлое будущее, как например в марксизме это коммунизм. С крушением всех этих тотальных представлений, метанарративов с устойчивыми ценностно-смысловыми ориентирами (по Жан-Франсуа Лиотару), связывающих в единый процесс прошлое, настоящее и светлое будущее, которые разделяло большое количество населения, произошла атомизация общества. У человека, который не относится к чему-то большему (идеологии, религии и т. п.), т. е. к метанарративу, под который он подстраивает свою жизнь, появляется неопределённость будущего в силу непредсказуемости событий, обусловленная общим развитием капитализма, с характерными для него экономическими кризисами, ведущими к ликвидации целых отраслей экономики, безработице, снижению уровня жизни. Это подталкивает человека на экзистенциальные поиски, дабы иметь хоть какое-нибудь представление о будущем, но нередко они приводят к «новой духовности», отличающейся мистическим сознанием, где к тому же человек не песчинка во вселенной или системе, а «бог». Естественно, что при таких обстоятельствах люди попадаются к мошенникам, предлагающим человеку, например, открыть «денежные чакры», поговорить «со Вселенной» и тогда точно дела пойдут в гору. Но используют они свои учения для собственной наживы.

Астрология наряду с другими проявлениями «Новой эры», указанными выше, также является популярной среди наших соотечественников. Пожалуй, никакой больше прогноз, кроме прогноза погоды, так широко не освящается как астрологический. Помимо интернета, он есть и в некоторых газетах, а также его показывают даже по телевизорам городского общественного транспорта. Вольно или невольно человек с этим сталкивается в повседневности. В древности же, в Вавилоне, астрология, например, выполняла гадательную функцию определения характера царей, когда их рождение совпадало с определённым положением звёзд на небе. Однако сам ход жизни современного общества показывает, что влияние звёзд на характер развития не оказывает какого-либо заметного воздействия, что отмечает наука и издревле говорят все основные религии. Сейчас астрологический прогноз якобы предрекает определённые

события не только в жизни отдельного человека, но и в обществе. Астрологи составляют гороскоп, где человеку заранее указывают путь, который якобы предопределён, чтобы он под него подстраивался (например, общаться или не общаться с тем или иным человеком, мол, он под другими звёздами родился). Какие-то события угадываются, а другие – нет. Всё потому, что даётся обобщённый образ будущего, как бы «обо всём и ни о чём». При всём этом, прогноз каждый день разный, что увеличивает «попадание». Но почему же такая большая популярность астрологии среди народа? Вот что пишет Александр Дворкин по данному вопросу: «причина популярности гороскопов в том, что они доступны всем… каждый может вычитать в нём хоть что-то вроде бы относящееся к нему. И наконец, с верующего в гороскопы снимается всякая ответственность: так уж расположились звёзды, ничего не поделаешь…звёздам не прикажешь». Да и «бороться с грехом и пытаться измениться к лучшему гораздо сложнее». «Он отказывает себе в свободе и становится рабом даже не звёзд, а … их толкователей» [3, с. 879–881].

Тарология, нечто похожее на астрологический прогноз, но заключающаяся в гадании на картах, только тут жизнь человека зависит не от того, как звёзды расположены, а якобы от того, как «карта ляжет», точнее, как таролог её положит. Председатель Миссионерского отдела Тверской епархии протоиерей Дмитрий Курдюков пишет: «гадания, (в том числе и на картах таро) вера в предопределённость судьбы лишает человека творческого развития и нравственного совершенствования… человек может и должен быть хозяином своего характера… христианство говорит, что для полного счастья важно единство с Богом, а единство это предполагает определённую ответственность человека», т.е. участие в своей судьбе [7].

Таким образом, гадания как по звёздам, так и по картам человека ни к чему не обязует, ведь всё за него предопределено. Христианство же учит, что человек призван ко спасению. Для реализации данного призвания человек должен развить в себе абсорбционную способность, т.е. усвоить себе таинства Бога, тем самым осуществляя процесс обожения, через жизнь во Христе, убратовление Ему, на протяжении всей своей земной жизни. При

этом перед ним возникает проблема выбора добра и зла, и для решения этой задачи человеку при Творении даны свобода воли и дар рассудительности, с помощью которых возможно побеждать зло добром, находя верный путь, т.е. спастись [2, с. 49–50]. Как видно, главное в жизни зависит от самого человека. От того, какие он будет совершать поступки зависит его спасение. Христианство учит, что человек должен отдавать себе отчёт в поступках, просчитывать свои дела, он не пассивный объект. Предопределённость же лишает человека этого, тут уже заранее одни «счастливы», а другие нет, что и вытекает из суждений приверженцев астрологии и тарологии. Кроме того, уже в Писании сказано о людях, продвигающих данные идеи: «И сказал мне Господь: пророки пророчествуют лжеимением Моим, Я не посылал и не давал им повеления, и не говорил им; они возвещают вам видения ложные и гадания, и пустое и мечты сердца своего» [8]; «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель. И многие последуют их разврату, и через них путь истины будет в поношении» [1, с. 209].

Ещё одним популярным на сегодняшний день явлением среди россиян является ношение различных оберегов. Действительно, рынок, ювелирные магазины переполнены данными вещами, а реклама в интернете предлагает на заказ сделать оберег якобы «своего рода». Но что такое оберег? По словам священноинока Луки (Кузьмина): «оберег – это какой-то предмет, который человек считает для себя охранительным, либо приносящим удачу, либо оберегающим от каких-либо явлений» [9]. Это именно вера человека в то, что данный предмет ему поможет. В науке религиоведении это называется «магизмом». Вот что пишет Г. Гегель про магизм: «самая первая форма религии… лишь единичное, случайное эмпирическое самосознание человека» [10]. Магизм – это примитивная дорассудочная ступень религиозного сознания, основанная именно на страхе, когда человек в силу своей слабости перед какими-то трудностями или явлениями пытается «договориться», воздействовать на них посредством данных предметов. Следует знать, что крест в христианстве, его ношение, выполняет функцию

своеобразного напоминания о том, что мы являемся христианами и выражением сочетания со Христом, нашего единения с Ним. Он является символическим образом искупившего всё человечество Христа, а не отгораживанием от каких-либо явлений, т.е. семиотическое значение здесь совсем другое.

В чём же причина того, что астрологические прогнозы, гороскопы, карты таро, обереги так популярны в нашем обществе? Вот что пишет философ Алексей Соловьёв по данному вопросу: «Нормализация галлюцинаторно-бредового восприятия жизни подтверждается высокими продажами инфопродуктов, делающих ставку на пристрастие к магическому мышлению у широких масс дезориентированных субъектов, склонных доверять чутью, судьбе, звёздам, и правильно составленной карте желаний больше, чем науке, активно расколдовывающей окружающую действительность. Изгнание духовных сущностей и материализация мира, как показывает рынок «духовных услуг», не увенчалась успехом» [11]. Наука, как указывалось выше, не смогла ответить на духовные запросы, а такие традиционные религии, как, например, христианство, которое учит смирению, рассуждению, богоуподоблению современному человеку-потребителю, сформированному рекламой и маркетплейсами, видятся слишком сложными для усвоения. В результате духовные потребности при отсутствии духовного труда и работы над собой приводят к мистике. Подобный спрос рождает предложение и в силу особенностей капитализма мистические услуги вовлекаются в рынок, где становятся средством наживы производителей и закрывает путь к развитию для потребителя.

Подводя итог, нужно сказать, что положение в духовной сфере российского общества не является стабильным. Различные практики, такие как астрология, тарология и др. и используемые в них понятия такие как «знаки зодиака», «астрологический прогноз», «энергетика» и т.п. глубоко проникли в нашу повседневную жизнь посредством вырезок из газет, масс-медиа (телевидение, интернет) и т.д., где данные вещи преподносятся обыденно. Продвижение символов, идей является своего рода подготовкой, первой ступенью, которой люди входят уже в основательную и систематизированную секту, пользующуюся этими же символами, привлекающими к себе будущих адептов.

«Проповедуемая» там система, согласно которой за человека всё предопределили звёзды, карты или обереги не просто отвлекает россиян от истинного просвещения, на которое направлено христианство и наука, но и попросту грабит народ, а также создаёт основу для создания других сект, которые могут быть также деструктивными, также угрожать обществу и государству, как и древние ереси. Поэтому важной задачей человека в обществе является всестороннее, систематическое просвещение, позволяющее не подпадать под влияние антинаучных идей, формировать у себя представление, что главные вещи в жизни зависят от поступков самого человека, самостоятельно строить свою жизнь, вне зависимости от примитивных верований.

Список источников

1. Новый Завет. Псалтирь. / под ред. Л.А. Емельянова. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. 472 с.

2. Симонов В. В. Общая история церкви / под. ред. С.П. Карпова. М.: Наука, 2017. 360 с.

3. Дворкин А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. / А.Л. Дворкин. Нижний Новгород: Христианская б-ка, 2008. 1020 с.

4. Swihart P. The Edge of Death. S. I., 1978. 96 p.

5. Балаян Е. Таёжный обман: за что лидер секты Виссарион получил 12 лет заключения // Центр Религиоведческих Исследований во имя священномученника Иринея епископа Лионского. М., 2025. URL: https://iriney.ru/postsovetskie/vissarion/novosti-o-sekte-vissariona/taezhnyij-obman-za-chto-lider-sektyi-vissarion-poluchil-12-let-zaklyucheniya.html (дата обращения: 30.06.2025).

6. Соловьёв А. Эпоха выгорающих супергероев: Как саморазвитие, превратилось в культ, а погоня за счастьем завела нас в тупик / под ред. А. Новресли. М.: Альпина Паблишер, 2025. 244 с.

7. Миссионерский отдел Тверской епархии. Астрология, гадания, оккультизм. Причины и духовные последствия // Центр Религиоведческих Исследований во имя священномученника Иринея епископа Лионского. – М., 2025. URL: https://iriney.ru/okkultnyie/obshhee-/-okkultizm/arxiv-soobshhenij-ob-okkultizme/astrologiya,-gadaniya,-okkultizm.-prichinyi-i-duxovnyie-posledstviya.html (дата обращения: 01.07.2025).

8. Библия. Книга пророка Иеремии / Азбука веры. М., 2025. URL: https://azbyka.ru/biblia/?Jer.14&r (дата обращения: 02.07.2025)

9. Священноинок Лука (Кузьмин). Почему обереги – это плохо? // Центр Религиоведческих Исследований во имя священномученника Иринея епископа Лионского. М., 2025. URL:

https://iriney.ru/okkultnyie/neoyazyichniki/pochemu-oberegi-eto-ploxo.html (дата обращения: 01.07.2025).

10. Гегель, Г. Философия религии. М.: Мысль, 1976. 532 с.

11. Соловьёв А., Кудряшов И. Время беспредельщиков: прощай нормальность? // Insolarance. URL: https://insolarance.com/modern-transgression/ (дата обращения: 17.07.2025).

В. Б. Большов

ВЫПУСКНИК ВУЗА: ВЫБОР ЖИЗНЕННОГО ПУТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема жизненных стратегий и жизненного выбора выпускников вузов в контексте самоопределения личности. Определены базовые характеристики и особенности развития жизненных стратегий молодежи в момент окончания вуза. Выделены причины и факторы, обуславливающие выбор магистерской формы обучения. Приведены результаты прикладного социологического исследования.

Ключевые слова: жизненный выбор, жизненная стратегия, неопределенность, риск, опасность.

V. B. Bolshov

UNIVERSITY GRADUATE: CHOOSING A LIFE PATH IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Abstract. The article examines the problem of life strategies and life choices of university graduates in the context of personal self-determination. The basic characteristics and features of the development of life strategies of young people at the time of graduation are determined. The reasons and factors determining the choice of a master's degree are highlighted. The results of applied sociological research are presented.

Keywords: life choice, life strategy, uncertainty, risk, danger.

В настоящее время для выпускников вузов становится актуальной проблема выбора и построения определенного типа жизненной стратегии, поскольку без осуществления этого выбора происходит социально-психологическая дезориентация личности в современных условиях неопределенности, характеризующихся полной свободой выбора. Матрицы социального поведения, предложенные старшим поколением,

уже не могут, как правило, предоставить «правильные рецепты» успешной адаптации современных молодых людей к изменившимся условиям жизни.

В подавляющем большинстве случаев именно элемент самоопределения и выбора является базовым в построении жизненной стратегии. Возникает проблема личного выбора при построении модели дальнейшей жизнедеятельности, привлекательной для молодого поколения. Однако молодежь лишена достаточного жизненного опыта, что значительно усложняет процесс как ценностного, так и профессионального определения. Поэтому понятие «жизненная стратегия» в целом и «жизненная стратегия молодежи» в частности становятся ключевыми понятиями современности.

Концепт «жизненная стратегия» был артикулирован в российской социологии в 90-е годы прошлого века и связан с именами таких исследователей, внесших существенный вклад в понимание данного концепта, как К.А. Абульханова-Славская, Т.Е. Резник, Ю.М. Резник, Е.А. Смирнов, Н.Ф. Наумова. С их точки зрения, понятие «жизненная стратегия» используется в тех случаях, когда необходимо охарактеризовать некую фундаментальную генеральную линию жизненного поведения личности. Выработка определенной жизненной стратегии является необходимым интегративным механизмом организации всего жизненного пути современного человека.

Специфика жизненных стратегий во многом зависит от специфики общества, в котором живут люди. Н.Ф. Наумова выделяет несколько важных тенденций развития стратегических ориентаций человека в условиях переходного общества: зависимость стратегий человека от его социальных и индивидуальных ресурсов; нелинейность в развитии жизненных ориентаций человека; стадиальность развития стратегий жизни людей [1].

Стратегия жизни человека, по представлениям К.А. Абульхановой-Славской, имеет ряд основных признаков: выбор основного для человека направления жизни, способа жизни, определение ее главных целей и этапов их достижения, соподчинение этих этапов; решение противоречий жизни, открытие для себя чего-то нового в достижении своих

жизненных целей и планов; творчество, созидание ценностей собственной жизни, соединение своих потребностей и жизни в виде ее особых ценностей.

Очевидно, что жизненная стратегия характеризует собственно способ жизни личности, будучи непосредственно связанной с основными жизненными ценностями, смыслами, целями, поэтому жизненные стратегии можно определить как обобщенные способы разрешения жизненных ситуаций и выбора значимых альтернатив [2].

В тоже время жизненная стратегия выстраивается в определенном социальном пространстве, определенной среде, – то, что феноменологи обозначили как «жизненный мир личности». Жизненный мир личности – это сфера сознательно регулируемой жизни человека и его совместного существования с другими людьми в общем для них жизненном пространстве и, как правило, в настоящем времени. Жизненный мир интерсубъективен, представляет предельно широкую сферу человеческого опыта. С одной стороны, жизнь человека имеет более-менее четкие параметры, с другой же, как отмечает Э. Гидденс, жизнь индивида конечна и необратима, соответственно, время жизни можно охарактеризовать как необратимое [3, с. 82]. Как точно отмечает по этому поводу чешский писатель Милан Кундера, «нам не дано знать, чего мы должны хотеть, ибо проживаем одну-единственную жизнь и не можем ни сравнить ее со своими предыдущими жизнями, ни исправить ее в жизнях последующих. Нет никакой возможности проверить, какое решение лучше, ибо не существует никакого сравнения. Мы проживаем все разом, впервые и без подготовки» [4, с. 15].

В контексте обсуждаемой проблемы стратегия жизни определяет способность личности к развитию своей уникальности и неповторимости в конкретных социальных проявлениях на протяжении всего жизненного пути. В тоже время жизненная стратегия согласовывает индивидуальные запросы и проявления с запросами социального окружения, конкретными жизненными обстоятельствами, формируя таким образом специфичность самореализации личности.

В конечном итоге можем предложить некую интегральную дефиницию. Жизненная стратегия – это идеальная модель, сформированная в сознании личности, определяющая систему ее целей и задач во всех направлениях жизнедеятельности, способы достижения целей, а также репрезентирующая смысл жизни. Базовым ядром жизненных стратегий выступает система ценностей и смыслов, определяющая направление внутренней активности человека, предопределяя его самореализацию.

Согласно В. Франклу, смысл жизни является основной движущей силой для человека. Стремление к смыслу и его поиск является главной целью жизни каждого человека. Человек реализуется, реализуя смысл собственной жизни. Смысл – это всякий раз также и конкретный смысл, смысл конкретной ситуации, поскольку в каждом шаге своей жизнедеятельности личность реализует определенную жизненную стратегию, определенный жизненный план, действуя, подчас неосознанно, в соответствии со смыслом. Состояние утраты или отсутствия смысла, размывание смысла характеризуется В. Франклом как «экзистенциальный вакуум» [5].

По своей внутренней природе жизненная стратегия человека дуальна. С одной стороны, социальное пространство определяет характер и направленность жизненного мира людей. Каждая историческая эпоха характеризуется событиями, определяющими базовые условия, в которых молодые люди выстраивают свои жизненные стратегии. В тоже время, индивидуальные проявления и специфические особенности личности способны оказать значительное влияние как на траекторию своей собственной жизни, так и на траекторию развития общества в целом. В современных условиях свободного выбора дальнейшего жизненного пути выпускники вузов на момент окончания бакалавриата в значительной степени оказываются в условиях неопределенности, поскольку, с одной стороны, затрудняются следовать традициям социальных институтов, с другой, - не имеют жизненного опыта и личностного потенциала для самореализации.

Определенную ясность в структурирование социальных практик молодых людей вносит Ю.А. Зубок. Она справедливо

выделяет ряд специфичных условий, в которых происходит самоопределение и самореализация современных молодых людей. Во-первых, это глобальная изменчивость реальности. Понимаемая как действительность социального мира, отражающая не только объективно существующие явления и процессы, но и субъективные представления о них, современная социальная реальность текуча, аморфна и пластична. Во-вторых, нарастание нестабильности, неопределенности и эскалация риска как следствие изменчивости, что означает для отдельно взятого человека принципиальную невозможность адекватно оценить результативность той или иной стратегии в образовании, на рынке труда, в построении карьеры или семьи. Происходит размывание социальных ролей и границ социальных статусов. Как результат либерализации социальных отношений исследовательница отмечает множество вариантов моделей развития молодежи. В этом случае рассматривается изменение характера взаимодействия между институтами, предлагающими определенные способы поведения, кризис доверия к ним со стороны молодежи и, как следствие, – расширение пространства для самостоятельного выбора жизненных ориентиров, возрастание роли субъектности молодежи в планировании и организации своей жизни, в связи с чем сама структура человеческой деятельности в данных условиях характеризуется открытым горизонтом возможностей.

Ю.А. Зубок считает, что молодые люди, желая справиться с нестабильным положением, вынуждены инвентаризировать доступные ресурсы и после их оценивания выстраивают цепочку рациональных с их точки зрения действий, направленных на адаптацию и совладание с неопределенными ситуациями.

Еще одним значимым фактором жизни современной молодежи отмечается расширение пространства реальности, под которым подразумевается совмещение и фактическое сращивание разных форм коммуникативной реальности – виртуальной и реальной.

Особое внимание обращено та то, что жизнь современного молодого человека выстраивается в сложном пространстве цифровых коммуникаций, радикально изменяющих способы смыслового обмена и формы

взаимодействия. Новые коммуникативные возможности обеспечивают успешную диффузию новых образцов поведения и смыслов, расширяя социальную базу их сторонников. Замещая собой традиционные механизмы расширения реальности – образование и путешествия, – современные коммуникативные технологии объединяют смысловое пространство непересекающихся в реальной жизни молодых людей [6, с. 8].

В целом в современных условиях жизни трансформируются смысловые основания реальности. Появляются новые смыслы и ценности, способствующие расширению представлений молодежи о смысле жизни, которые изменяют направленность ее жизненных стратегий. В результате в сознании молодых людей выстраивается некий синтез из традиционных и современных представлений, направленный на рационализацию жизненные стратегии с учетом изменяющейся реальности.

Многие исследователи обращают внимание, что у современной молодежи стратегия жизненного успеха пользуется наибольшей популярностью. Стратегии жизненного успеха соответствуют основополагающие ценности современного общества – дух индивидуализма, суверенитет личности, свободная конкуренция и плюрализм. Модели жизненных стратегий молодых людей носят, с одной стороны, адаптационный характер, с другой, – направлены на самореализацию и саморазвитие. Возможно, именно в связи с этим в последние десятилетия резко возрос интерес молодых людей к получению высшего образования. Следует отметить, что система высшего образования выступает в качестве вторичного этапа социализации, способствующего более эффективной и относительно безболезненной адаптации молодых людей к взрослой жизни.

Обучение в вузе в качестве этапа жизненного пути расширяет горизонты возможностей молодого человека, увеличивает шансы адаптации к быстро меняющимся условиям внешней среды, но, с другой стороны, увеличивает риски невостребованности знаний или неоптимального выбора дальнейших этапов самореализации. Российские вузы в условиях постоянной трансформации общества все в большей мере оказываются связаны с рынком

образовательных услуг, выполняя тем самым сервисную функцию и, таким образом, воздействуя на стратегии поведения молодежи, предлагая самый разнообразный спектр освоения специальностей – от самых престижных до не пользующихся особой популярностью.

Результаты эмпирического исследования. В качестве эмпирических данных по данной теме представлены результаты фокус-групповых дискуссий со студентами выпускных курсов обучения и магистрантами 1 курса обучения. Всего было проведено три фокус-групповых дискуссии. Основная проблема исследования – определить вероятные направления жизненных стратегий выпускников вузов в контексте возможного обучения в магистратуре. Был проведен сравнительный анализ мнений выпускников вузов и магистрантов относительно мотиваций и причин обучения в магистратуре.

Как показали результаты проведенного нами исследования, основная проблема перед выпускниками вузов состоит в выборе двух возможных стратегий поведения: продолжение образования либо выход на рынок труда. Другие варианты (вступление в брак, служба в армии и т.п.) в обсуждениях практически никак не были представлены.

Основное внимание в нашем исследовании было уделено мотивации продолжения обучения в магистратуре. В результате было выделено несколько позиций.

1. Потенциальные карьерные перспективы. Практически все респонденты обозначили именно этот фактор как базовый при поступлении в магистратуру. Обучение в магистратуре рассматривается как инструмент для продвижения на более высокие должности и получения конкурентного преимущества на рынке труда. В данном факторе реализуется преимущественно целерациональная составляющая мотивации студентов. Вот типичные ответы (стиль и пунктуация сохранены):

«Моя основная цель при поступлении в магистратуру – продвижение по карьерной лестнице. Я прекрасно понимаю, что всю жизнь сидеть на ставке главного специалиста я не собираюсь, и чтобы продвинуться как-то дальше мне нужна была магистратура» (магистрант, жен., 22 года);

«Магистратура мне нужна, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. На бакалавриат как второе высшее я не хотела идти, потому что очно еще 5 лет, поэтому пошла на магистратуру» (магистрант, жен., 30 лет);

«Для карьерного роста работодатели требуют магистратуру» (магистрант, жен., 22 года);

«Для меня магистратура это тоже просто вот конкурентоспособность на рынке труда» (выпускник, жен., 21 год);

«На самом деле, на данный момент она мне особо не нужна, но если рассматривать на дальнейшее, то это будет требовать на работе. Если я захочу куда-то как-то выше это повлияет. А вот если для себя хоть в какой-то степени, то я как бы репетитором работаю, и у меня помимо истории есть ещё общество» (магистрант, жен., 22 года).

В данном случае обучение в магистратуре рассматривается как приобретение дополнительных компетенций, которые могут пригодиться в будущей карьере, как отложенное использование диплома магистра.

2. Другим фактором продолжения обучения в магистратуре является повышение престижа и давление общества, социального окружения. Наличие степени магистра воспринимается как показатель высокого статуса в глазах окружающих. На момент окончания университета принятие решения о дальнейшей судьбе еще не является сугубо автономной прерогативой личности. Ближайшее окружение прямо или косвенно оказывают воздействие на принимаемые выпускником решения. В этом аспекте намерение завершить полный цикл обучения в большинстве случаев, как отмечали респонденты, поддерживалось и поощрялось со стороны родителей, родственников и друзей. Приведем типичные ответы:

«Влияние было больше не мамы, а дедушки. Старый совдеповский императив какой-то, что у тебя незаконченное образование. Это плохо. Ты никуда не устроишься. Ты никто! Нужна магистратура. У меня дедушка медик, который учился очень долго, поэтому для него бакалавр 4 года даже не считается корочкой какой-то. Скажем, чтобы дедушка с бабушкой были спокойны и довольны. Это повлияло» (магистрант, жен., 22 года);

«Мне родители сказали, что нужна магистратура. И собственно социальное давление оказало на меня очень сильное влияние поэтому я и пошла в магистратуру. Это была моя цель – избавиться от социального давления» (магистрант, жен., 22 года);

«Мама просто говорила, что нужно получить полноценное высшее образование. Она только хотела, чтобы я пошла на другое направление» (магистрант, жен., 22 года);

«Поставить самой себе галочку, что все я закончила образование, наконец-то могу больше не учиться, хотя бы в государственных учреждениях» (магистрант, жен., 22 года).

Иная ситуация у респондентов, которые пришли в магистратуру, отработав приличный трудовой стаж. В этом случае принятие решения носило преимущественно личностный характер, сообразуясь с внешними обстоятельствами (наличие маленьких детей, трудовая занятость, необходимость брать отпуск на работе в период сессии и т.п.).

3. Фактор личностного развития и получения новых знаний. Часть студентов видит в магистратуре возможность расширения своего кругозора, развитие аналитического мышления, расширение личностных навыков (skills):

«Если бы была моя воля, я бы только и учился» (магистрант, муж., 36 лет);

«Да, пополнение знаний, повышение своих скиллов. Естественно, как и предыдущие ораторы сказали, конкурентоспособность» (выпускник, жен., 21 год);

«Мне нравится учиться, мне нравиться, чтобы решать какие-то задачи. Это маленькая своя победа» (магистрант, жен., 30 лет);

«Саморазвитие – это всегда хорошо» (магистрант, жен., 22 года);

«Основная – это повышение квалификации, повышение уровня образования. Дополнительные – я давно хотел именно сюда поступить по работе с 2019 года» (магистрант, муж., 36 лет).

4. Финансовые и практические факторы обучения в магистратуре. Магистратура рассматривается как удобный вариант получения второго образования за короткий срок при возможности совмещения работы и учебы. Также как преимущества учитываются: незначительная стоимость обучения

на заочной форме; возможность обучения в нескольких магистратурах одновременно; наработка новых полезных связей.

Важным фактором выступает форма обучения в магистратуре. Подавляющее большинство выпускников предпочли бы заочную форму, предполагающую свободный график обучения, не требующую ежедневного присутствия в вузе. Отмечается определенная психологическая усталость от ежедневного очного обучения:

«Возможность поступить на бюджетное место – самая главная причина» (магистрант, жен., 30 лет);

«Предложили на работе оплатить обучение, но этого не понадобилось, поступила на бюджет» (магистрант, жен., 36 лет);

«Форма обучения даёт возможность работать, получение новой специальности в короткий срок» (магистрант, жен., 22 года);

«В принципе была готова платить, родители мне сказали, что это не проблема» (магистрант, жен., 22 года).

5. Фактор личностного решения, изменения рутинного образа жизни. Для некоторой части выпускников обучение в магистратуре является фактором двухлетней отсрочки от принятия других не менее важных жизненных решений – вхождение в трудовую практику, вступление в брак, рождение детей. Включенность в образовательные практики выступает как своеобразный психологический барьер для молодых людей, дает им сферу основной занятости:

«Магистратура – дополнительная возможность, опять же, последний вагон нахождения себя, то есть можно ещё что-то попробовать вот в эти 2 года магистратуры, если ты ещё на заочку поступишь, вообще класс, можешь найти работу и когда уже выпустишься ты такой, у тебя есть что-то стабильное в жизни» (выпускник, жен., 22 года);

«Я люблю учиться, хотелось что-то изменить в жизни, просто чего-то не хватало. Дополнительный пунктик – пожить в Краснодаре. Тимашевск надоедает, а тут две недели в Краснодаре можно пожить (магистрант, жен., 30 лет).

Магистранты старшего возраста видят в продолжении обучения возможность открытия новых жизненных горизонтов и изменения представлений о новых аспектах реальности:

«Чувствуешь себя моложе, это не актуально для девочек после вуза, а вот для нас кто постарше, ты чувствуешь себя реально намного моложе, потому что у тебя мозг работает, и он вообще там какие-то новые территории открывает, когда ты молодой, там все новое, все, что ты видишь, да. А когда ты уже старше становишься, ты по своим паттернам двигаешься, а тут ты пришёл учиться, и тут у тебя вообще какие-то новые горизонты, и это потрясающе» (магистрант, жен., 36 лет).

Таким образом, выбирая магистратуру молодые люди сочли возможным «потратить» время на продолжение профессионального обучения, что связано с более или менее осознанным выбором стратегии, основанной на авансировании социальных, экономических и культурных ресурсов, дающих определенный задел и более обеспеченный профессиональный статус в перспективе.

Подводя итог, отметим, что в современном мире система высшего образования рассматривается молодежью как получение своеобразных «жёстких навыков» (hard skills), наряду с другими полезными навыками и умениями (soft skills): коммуникативными, лидерскими качествами, развитие эмоционального интеллекта.

Список источников

1. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова, А.Г. Здравомыслов; отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.

2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

3. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации; пер: И. Тюрина. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.

4. Кундера М. Невыносимая легкость бытия: роман / пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2002. 346 с.

5. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 366 с.

6. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.

О. А. Голоснов

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ КОГНИТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ФАКТОРА КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы развития когнитивного социального капитала и процессов консолидации современного российского общества. Показано, что социальный капитал – это та польза, которую индивид, группа, организация могут вынести из вступления в социальные связи. Очевидно, что для этого подобные социальные связи должны отличаться определёнными качествами, среди которых прежде всего доверительность, предсказуемость взаимных действий, согласованность взаимных ожиданий и т.п., – что составляет в том числе и когнитивное измерение социального капитала. В настоящее время российское общество характеризуется низким уровнем подобного социального капитала, что отражается в наличии низкого доверия, как институционального, так и межличностного.

Ключевые слова: социальный капитал, когнитивный социальный капитал, доверие, консолидация.

O. A. Golosnov

THE PROBLEM OF COGNITIVE SOCIAL CAPITAL DEVELOPMENT AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

*Abstract***.** The article discusses the problematic issues of cognitive social capital development and the processes of consolidation of modern Russian society. It is shown that social capital is the benefit that an individual, a group, or an organization can gain from joining social networks. It is obvious that for this to happen, such social connections must have certain qualities, including trust, predictability of mutual actions, consistency of mutual expectations, etc., which are also part of the cognitive dimension of social capital. Currently, Russian society has a low level of such social capital, which is reflected in the low levels of both institutional and interpersonal trust.

*Keywords***:** social capital, cognitive social capital, trust, consolidation.

В настоящее время феномен социального капитала привлекает большое внимание исследователей в самых разных научных областях – социологии, политологии, экономике, социальной психологии, менеджменте, организационной психологии и др. Вполне очевидно, что интерес этот,

насчитывающий уже не один десяток лет и за весь период не ослабевающий, объясняется особенностями подобного капитала. Этот специфический вид капитала не имеет своим источником материальные, финансовые ресурсы. Он формируется посредством социальных взаимодействий. Проще говоря, социальный капитал – это та польза, которую индивид, группа, организация могут вынести из вступления в социальные связи. Очевидно, что для этого подобные социальные связи должны отличаться определёнными качествами, среди которых прежде всего доверительность, предсказуемость взаимный действий, согласованность взаимных ожиданий и т.п. Только в этом случае может возникать искомый социальный капитал как некий социальный клей, сплачивающий взаимодействующие стороны и позволяющий им формировать определённые ресурсы, которые в дальнейшем могут быть и монетизированы в том числе. Но главное – это наличие определённым образом выстраиваемых и поддерживаемых в устойчивом состоянии социальных связей, выступающих в качестве условий формирования такого капитала. Следовательно, чем выше уровень наличествующего социального капитала индивида, группы, организации и пр., тем больше предпосылок и для поддержания устойчивости существующего социального порядка, образно говоря, самой ткани социальности.

Сказанное подтверждается тем, как современными исследователями, развивающими подходы, начатые в работах П. Бурдье, Дж. Коулмена, Р. Патнема и др., трактуется феномен социального капитала. Так, по мнению ряда авторов, социальный капитал следует рассматривать в двух его взаимосвязанных формах – структурной и когнитивной. Структурный социальный капитал – это определённая структура взаимодействий между людьми, тогда как когнитивный социальный капитал – это их качественное наполнение, представленное прежде всего такими характеристиками, как наличие взаимного доверия, общего пространства понимания нормативно-ценностных оснований взаимодействия, определённого сходства аттитюдов и т.п. В частности, такие известные российские авторы, как Л.Г. Почебут, В.А. Чикер и др. считают, что в совокупности указанные формы социального капитала образуют некое общее смысловое пространство, объединяющее и сплачивающее людей для решения

различных задач, посредством формирования доверительности в отношениях, что, в свою очередь, повышает уровень приверженности людей неким общим целям и ценностям, а следовательно, повышает эффективность их совместной деятельности [1]. Несмотря на то, что указанные российские исследователи подобное видение социального капитала и его структурного строения применяли прежде всего к функционированию различных организаций, вряд ли будет ошибочным расширить его и на гораздо большее пространство устоявшихся социальных практик, областей взаимодействия и т.п.

Действительно, высокий уровень развития указанных форм социального капитала представляется принципиально важным с точки зрения процессов функционирования всего общества в целом как сложноорганизованной системы. Так, вполне очевидно, что формирование подобного общего смыслового пространства, включающего в качестве основных компонентов доверие, совпадение ожиданий и т.п. существенно минимизирует издержки, связанные с применением мер контроля (тем более что таковые попросту не в состоянии охватить максимально полно все ситуации, возникающие в реальной практике функционирования общества). Социальный капитал как общее пространство норм, ценностей, аттитюдов людей, повышающее возможности их взаимовыгодного взаимодействия, тем самым способен обеспечивать и поддерживать следующую последовательность процессов: доверие => сплочённость => взаимопомощь и поддержка => приверженность общим целям и ценностям => устойчивость и эффективность социального взаимодействия. Другими словами, формируются предпосылки для реальной, а не декларативной консолидации общества. И это – принципиально важный момент, на котором, собственно, и хотелось бы остановиться подробнее.

Важно понимать, что формирование и развитие социального капитала представляют собой единство процессов микро-, мезо- и макросоциального уровня и отражают ту «атмосферу», которая устанавливается в обществе в целом. И здесь многие отечественные исследователи, анализируя постсоветский период, отмечают наличие выраженного дефицита социального капитала российского общества вообще, прежде всего в части, касающейся

низкого уровня как институционального, так и межличностного доверия.

Доверие – это фундаментальная ценность, важнейший элемент системы взаимодействий «индивид – социальная среда». В социологической науке оно определяется, в частности, как уверенность (confidence) в надежности человека или системы [2]. В психологии доверие трактуется похожим образом: в целом его можно определить как чувство уверенности в честности, доброжелательности и открытости тех, с кем индивид взаимодействует в различных жизненных ситуациях. Указанное сходство вполне понятно, поскольку, так и ли иначе, доверие основывается на одной из базовых потребностей – в безопасности. Вполне очевидно и не требует никакого дополнительного обоснования то, что некая социальная среда, в которой индивиды не чувствуют себя в безопасности, крайне малопродуктивна с точки зрения возможности их эффективного взаимодействия и какого-либо позитивного исхода оного вообще. Соответственно, на социетальном уровне подобное влечёт за собой выраженные проблемы для функционирования всего общества в целом как социальной системы. Сказанное ещё раз подчёркивает высокую и труднопереоценимую значимость доверия в качестве, вне всякого преувеличения, ключевого элемента социального капитала (прежде всего, когнитивной его составляющей).

Как раз здесь и следует признать наличие выраженной проблемы, связанной с низким уровнем доверия. Согласно данным ряда исследований, в сравнении с другими странами Россия в последние годы отмечается довольно низким уровнем, в частности, межличностного доверия (рис. 1) [3].

Рис. 1 – Сравнительная характеристика уровня межличностного доверия в разных странах

Для столь категоричного и не очень оптимистичного вывода на данный момент имеются достаточные эмпирические основания. В частности, согласно данным ВЦИОМ, большинство россиян склонны соблюдать осторожность в общении с другими людьми. В июле 2024 года 73% респондентов заявили, что во взаимодействии с окружающими следует быть сдержанными, в то время как только 24% считают, что большинству людей можно доверять. Особенно высокий уровень недоверия отмечается среди молодежи: 88% в возрасте 18–24 лет и 83% в возрасте 25–34 лет придерживаются этой позиции [4]. Другими словами, в целом почти три четвери опрошенных попросту не способны доверять окружающим, во всяком случае, выходящим за пределы их ближайшего социального окружения. С учётом тех вызовов и рисков, перед которыми стоит современное российское общество, это, надо называть вещи своими именами, весьма удручающее обстоятельство. Подобные эффекты, свидетельствующие о низком уровне социального капитала, проявляются в самых разных сферах социального взаимодействия. Так, исследователи, анализирующие специфику общения в различных социальных сетях, где у многих россиян (особенно молодёжи) проходит зачастую значимая часть их жизни, обращают внимание на то, что они уже в течение достаточно долгого периода времени представляют собой, по сути, некую арену демонстрации как минимум социального недоверия, а как максимум – откровенного ресентимента, деструкции социальных связей; это даёт повод для опасений в

наступлении последствий в виде атрофии элементарных навыков солидарности, того, что называют социальным инстинктом, ведущих к замыканию людей в частной жизни, социально-психологической дезинтеграции общества [5].

Что же касается другой разновидности доверия – институционального – то уже в течение достаточно долгого времени, в частности, лишь только лично Президент Российской Федерации В.В. Путин вызывает доверительное отношение большей части россиян. Другие же институции и персоналии подобным не отличаются. По сути, это сейчас уже общеизвестный факт, на наш взгляд, не требующий дополнительного обоснования. В подавляющем большинстве своём различные институциональные структуры (учреждения, организации и пр.) у граждан не вызывают доверия, не дают ощущения безопасности, способности выступать её гарантом и т.п.

Подобные процессы по своему содержанию близки к одному из ключевых концептов научного девиантологического дискурса – социальной аномии, то есть безнормности, отсутствия ценностно-нормативной регуляции поведения индивидов. Так, в отличие от Э. Дюркгейма (возникновение нормативно-ценностного «вакуума» в ситуации резких и значительных социальных преобразований) и Р. Мертона (рассогласованность культурно акцентированных в обществе целей и институционализированных средств их достижения) на индивидуально-психологическом уровне аномию рассматривали такие известные авторы, как Л. Сроул, Р. Макайвер и др., трактовавшие её как состояние отсутствия чувства сопричастности индивида с другими, его отчуждённости от общества. Как отмечает Макайвер, подобный индивид «…становится духовно стерильным, ответственным только перед собой, не отвечающим ни перед кем…Аномия является состоянием ума, в котором человеческое восприятие социальной сплочённости – движущая пружина его морального состояния – разрушено или фатально ослаблено» [6]. На наш взгляд, вполне очевидно, что это самым непосредственным образом связано с низким уровнем межличностного и институционального доверия. Последствия для общества на микро-, мезо- и

макроуровне его функционирования, думается, столь же очевидны. Вполне возможно, указанные и подобные им результаты эмпирических исследований могут быть весьма неприятным открытием для тех, кто склонен полагать «аномичные» перипетии «лихих 90-х» как периода максимальной социальной разобщённости практически преодолёнными.

Таким образом, в настоящий момент одним из ключевых рисков для функционирования российского общества выступает в том числе достаточно низкий уровень социального капитала, прежде всего, когнитивной его составляющей (доверительность, предсказуемость взаимных действий, согласованность ожиданий и т.п.). Без этого компонента реальная, а не декларативная консолидация общества крайне проблематична. По сути, поиск консолидирующих оснований общественной жизни в России ведётся с начала постсоветского периода, но именно в последние годы складывающаяся ситуация многократно увеличивает актуальность скорейшего их нахождения. Соответственно, необходимо проведение комплекса исследований, позволяющих детально проанализировать всю совокупность фактов и условий, как препятствующих, так и способствующих этим процессам.

Список источников

1. Почебут Л.Г., Чикер В.А., Волкова Н.В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. 2018. Том 8. № 2. С. 47-71.

2. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

3. Лазукина А.О. Социологический анализ уровня доверия граждан: глобальный и региональный аспект // Наука. Культура. Общество. 2020. Т. 26. № 3. С. 19–28. DOI: 10.19181/2308829X-2020-3.2

4. ВЦИОМ: более 70% россиян соблюдают осторожность в общении с другими людьми. URL: https:///tass.ru/obschestvo/ 21651605?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.03.2025).

5. Бакшутова Е.В., Рулина Т.К. Война и мир сетевых дискуссий. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2021. С. 97–104.

6. Кузьменков В.А. Личностные факторы аномия // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 7. С. 71–72.

М. В. Донцова

ГРАЖДАНСКИЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, выполненного в контексте теории «общества риска» У. Бека. На выборке молодежи Краснодарского края (N=2600) методом структурного моделирования анализируются связи между социальными страхами, неизбежно возникающими в условиях неопределённости, продуцируемой обществом риска, и установками молодежи. Выявлена четырехфакторная структура социальных страхов: страх ограничения прав, страх потерь, страх нестабильности и страх быть обманутым. Установлено, что страх ограничения прав является самым значимым негативным предиктором, оказывающим влияние на гражданские установки. Латентный конструкт «гражданская ответственность» (интегрирующий заботу об экологии, помощь людям и служение Отечеству) выполняет интегративную функцию, выступая компенсаторным механизмом в рискогенной среде.

Ключевые слова: гражданские установки, общество риска, российская молодежь, социальные страхи, социальная неопределенность.

M. V. Dontsova

CIVIC ATTITUDES OF MODERN YOUTH IN A RISK SOCIETY

Abstract. The article presents the results of an empirical study carried out in the context of the theory of the "risk society" by W. Beck. Based on a sample of Krasnodar Region youth (N=2,600), the links between social fears that inevitably arise in conditions of uncertainty generated by the risk society and youth attitudes are analyzed using structural modeling. The four-factor structure of social fears is revealed: fear of limitation of rights, fear of loss, fear of instability and fear of being deceived. It has been established that the fear of restriction of rights is the most significant negative predictor affecting civic attitudes. The latent construct of "civic responsibility" (integrating concern for the environment, helping people and serving the Fatherland) performs an integrative function, acting as a compensatory mechanism in a risky environment.

Keywords: civic attitudes, risk society, russian youth, social fears, social uncertainty.

Современное общество, переживающее этап глубоких трансформаций, роста неопределенности и рисков, может быть описано в рамках парадигмы «общества риска», разработанной

У. Беком. Риски опасности, по мнению У. Бека, проявляются в виде «скрытых побочных воздействий» (нем. *Nebenfolgen*) [1], таких как социально- опасные ситуации, цивилизационные риски, риски природных и экологических катастроф и т. д. По мнению ученого, на смену традиционным детерминантам (таким как классовая принадлежность) приходят повсеместные и глобальные по своей природе риски (экологические, технологические, политические, экономические), которые коренным образом меняют логику социального действия и коллективной идентичности. Риск, в представлении У. Бека является объективным свойством изменяющегося общества, а «глобальные результаты текущих угроз выходят за пределы национальных границ и превращают «общество риска» в «общество глобального риска [2, с. 249].

Современное общество также можно описать понятием «поздней современности» Э. Гидденса, который рискогенность общества объяснял рефлексивной природой современной социальной активности: «Самоидентификация для нас формирует траекторию движения через различные институциональные условия современности на протяжении того, что раньше называлось «жизненным циклом» [3]. Динамичный характер современного общества, информационные технологии, которые глобализируют социальную коммуникацию, выводя ее за рамки локальных границ создают рискогенную среду или «среду риска», в которой действия актора происходят на грани социальных рисков, управляемых и неуправляемых [4].

Общество риска, создает континуум неопределенности, который неизбежно формирует социальные страхи, что закономерно приводит к состоянию перманентной рефлексивности, при которой общество вынуждено постоянно ставить под сомнение свои собственные основы и принципы развития. Социальный страх – это переживание тревоги и беспокойства перед лицом изменений в общественной структуре, экономических трудностей, преступности, терроризма и других угроз обществу. С.Ю. Мамонтов [5] рассматривает социальные страхи как следствие неуверенности личности в собственных возможностях и способностях. Такие страхи всегда предполагают боязнь негативного воздействия со стороны окружения, выражающуюся в угрозе быть отвергнутым, осужденным или

оскорбленным. Автор выделяет конкретные разновидности социальных страхов, среди которых особо отмечаются страх отвержения (боязнь отказа, непризнания, недооценки, осуждения, равнодушия) и страх потери (опасения разрыва личных отношений, увольнения, финансового краха и т.п.).

Современное общество, характеризующееся повышенной рискогенностью, детерминирует особую роль молодежи как социальной группы, наиболее чувствительной к трансформационным процессам. Молодежь выступает не только индикатором социальных изменений, но и агентом формирования будущего. В данном контексте успешное становление гражданских установок молодого поколения – системы ценностных ориентаций, моделей поведения и отношений к обществу, государству и собственной роли в них – приобретает ключевое значение для обеспечения социальной стабильности и устойчивого развития российского общества. В условиях «общества риска» гражданские установки молодежи формируются под влиянием диалектического взаимодействия двух групп факторов: наследуемых традиционных ценностей (гражданственность, патриотизм, коллективная солидарность) и требований современности, обусловленных необходимостью построения индивидуальных траекторий в нестабильной среде, что предполагает развитые адаптивность, гибкость и критическое мышление. Как отмечает В.С. Яковлев, «гражданские установки молодежи определяют ее гражданские диспозиции, ориентированность на ту или иную деятельность общественного характера, ее направленность (позитивная/ негативная), интенсивность, активность» [6, с. 99].

В монографии Ю.А. Зубок, Чупрова В.И., Зубок Ю.А., К. Уильямса «молодежь в обществе риска» отмечается, что одной из сопутствующих характеристик процесса становления молодежи, «вытекающей из самой природы общества риска, стала непредсказуемость и неопределенность. Степень неопределенности в современных условиях выше, чем та, которую испытывали предшествующие поколения. Более того, главными последствиями усилившейся дифференциации и социального исключения стало усиление социальной незащищенности молодежи в Европейских обществах» [7, с. 53]. Авторы

перечисляют типы ситуаций риска, которые связаны с различными проблемами неопределенности. Например, риски отрицательного демографического воспроизводства связываются с угрозой жизни и здоровью, а риски социальной дезориентации, аномии и риски разрыва с социальными институтами – с ценностно-нормативной неопределенностью [8, с. 82]. Учитывая, что данные выводы были сформулированы более двадцати лет назад, приобретает научную значимость эмпирическая верификация выявленных корреляций на современной выборке. В рамках данного исследования верификация указанных выводов осуществляется путем выявления социальных страхов молодежи и поиск их взаимосвязи с такими индикаторами, как уровень доверия к институтам власти, отношение к традиционным ценностям (как показателей ценностно- нормативной определенности), а также репродуктивными установками как показателя рисков отрицательного демографического воспроизводства.

Результаты эмпирического исследования. В данной статье использована база данных исследования, проведенного под эгидой общественной палаты Краснодарского края (n=6300). Из этой базы данных были отобраны молодые жители данного региона в возрасте от 18 до 35 лет в гендерном соотношением ~50/50. Общая выборка составила 2600 чел. (табл. 1).

Табл. 1. Половозрастной состав выборки (в % от n=2600)

Возраст, лет	Всего	Мужчины	Женщины
18–20	41,5	25,2	16,3
21–30	32,8	14,3	18,5
31–35	25,7	9,2	16,5
Итого	100	48,7	51,3

Субъективное представление о степени рискогенности общества определялась вопросом: «Беспокоит ли Вас что-то из перечисленного?» со следующими утверждениями, которые можно было выбрать в любом количестве. Результаты анализа ответов представлены в табл. 2.

Как видно из таблицы, наибольшее опасения у молодежи Краснодарского края вызывает распространение военных действий вглубь территории России, страх финансовой

несостоятельности и вероятный рост террористической активности на территории РФ.

Далее утверждения были подвергнуты факторному анализу для выявления латентных связей и дальнейшего анализа влияния социальных страхов на гражданские установки.

Табл. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Беспокоит ли Вас что-то из перечисленного?»

Список утверждений	% от n=2600
1. Я боюсь волнений, беспорядков внутри страны с разрушительными для нее последствиями	45,2
2. Я боюсь распространения военных действий вглубь территории России	60,8
3. Я боюсь финансовых проблем или даже нищеты в результате экономической нестабильности в стране (из-за ситуации в мире, введенных санкций, курса валют и т.д.)	56,6
4. Я боюсь, что будет расти число террористических актов на территории России	51,8
5. Мне страшно от того, что все больше молодежи вовлекается в деятельность радикальных групп, в том числе под эгидой украинских / западных спецслужб	34,0
6. Я боюсь стать жертвой интернет- или телефонного мошенничества	20,8
7. Я боюсь, что не смогу найти работу, которая обеспечит мне достойный уровень жизни или стать безработным	38,0
8. Я боюсь, что нейросети и искусственный интеллект скоро заменят людей	15,5
9. Я боюсь, что права и свободы будут ограничиваться все больше и больше	29,9
10. Я боюсь, что будет еще одна волна мобилизации	31,2
11. Я опасаюсь, что не смогу свободно путешествовать по миру из-за санкций и ограничений, связанных с негативным отношением к моей стране	19,8
12. Меня беспокоит увеличение количества мигрантов, разгул этнической преступности	35,9
13. Я боюсь, что закроют привычные мне социальные сети и интернет- ресурсы и я не смогу нормально общаться или зарабатывать деньги через интернет	22,3

14. Меня беспокоит огромное количество фейков о нашей стране, СВО, ситуации в мире. Мы не знаем где правда, а где ложь, это сбивает с толку	23,8
15. Я опасаюсь свободно выражать свою позицию (мнение) по поводу ситуации в стране и мире	14,4
16. Я переживаю по поводу будущего, которое ждет наших детей	40,3
17. Я боюсь эпидемий, появления новых болезней	28,0
18. Я боюсь дальнейшего роста цен и дефицита товаров и лекарств	38,3
19. Я боюсь потерять свой дом или что буду вынужден покинуть свой дом	27,3
20. Я боюсь сильно заболеть, стать инвалидом, недееспособным человеком	34,7

Тест КМО и критерий Барлетта показали очень хорошую пригодность данных для факторного анализа (85,6% при $p<0,001$). Анализ собственных значений выделенных компонент показал четырехфакторную структуру. В первый фактор, который имеет самую высокую объясняющую способность (w=2,033), вошли утверждения, отражающие опасения, связанные с ограничениями свободы реализации своих прав (гражданские права, свобода выражения своей позиции по поводу ситуации в стране и мире, свободное использование социальных сетей и интернет-ресурсов, путешествия и работа). Назовем этот фактор «страх быть ограниченным в правах и свободах». Во второй латентный фактор (w=1,663), который логично назвать «страх потери», вошли суждения, отражающие страх потери трудоспособности и ухудшения условий жизни (болезнь, инвалидность, потеря дома, рост цен и дефицит товаров, страх за будущее детей). Третий латентный фактор (w=1,330) включает суждения, которые указывают на страх дестабилизации в стране: протесты, усиление террористической активности, экономическая нестабильность и распространение военных действий вглубь территории России). Четвертый латентный фактор (w=1,04) содержит высказывания, касающиеся страхов воздействия на сознание со стороны радикальных групп, искусственного интеллекта, мошенников, распространения фейков о России. Назовем его «страх быть обманутым».

После проведения факторного анализа для каждого респондента были рассчитаны индексы выраженности страхов. Значение индекса для каждого латентного фактора представляет собой сумму ответов, свидетельствующих о согласии с соответствующими утверждениями (табл. 1), умноженную на весовой коэффициент данного фактора (w). Весовой коэффициент отражает значимость (силу) фактора в сознании респондентов. Результаты показывают, что выраженность страхов во многом зависит от возраста. Так, у молодежи от 30 лет сильнее, чем у других категория выражен страх потери, а молодые люди старше 20 лет сильнее опасаются нестабильности (рис. 1).

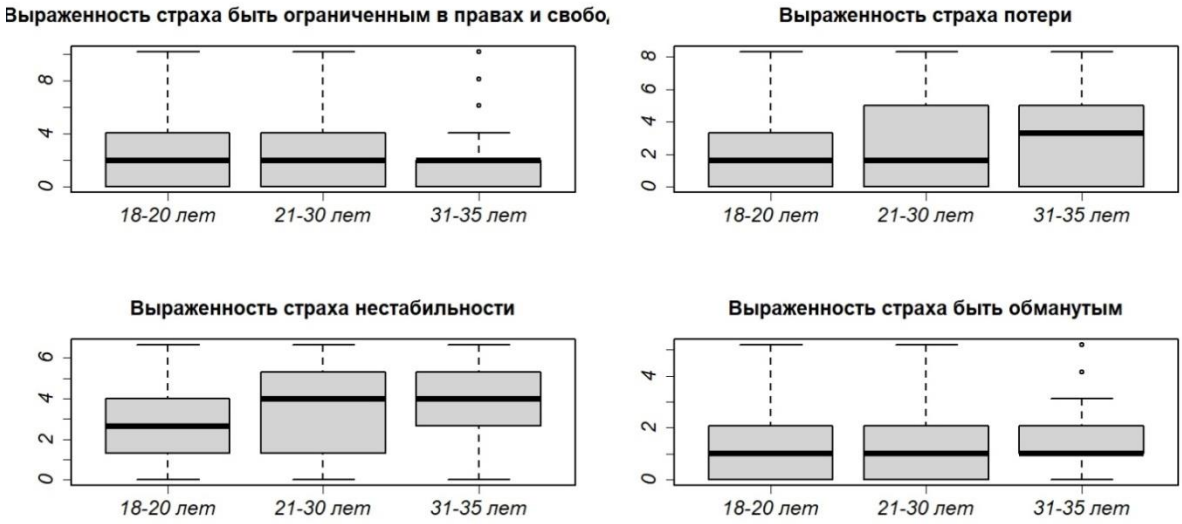

Рис. 1 – Выраженность социальных страхов в зависимости от возраста (медианное значение и квартили)

Следующим этапом применялась техника структурного моделирования для определения многомерной корреляции между выраженностью страхов и гражданскими установками молодежи. Кроме того, в рамках модели проверялась связь между социальными страхами и такими ценностями, как забота об экологии (Val5), помощь другим (Val7) и стремление внести вклад в развитие страны служение Отечеству (Val9). В процессе построения модели было эмпирически доказано, что данные ценности можно объединить в латентный конструкт, который по смыслу соответствует понятию «*гражданская ответственность*» (L1). Как отмечается в работе Д.А. Насыбулловой и др., «активная

гражданская ответственность (ценностная) относится непосредственно к деятельности граждан на пользу общества и к их достижениям в этой сфере, она носит предвосхищающий характер, направлена в непредсказуемость будущего и открыта с содержательной точки зрения» [8, с. 206].

Результаты показали, что верифицированная модель демонстрирует удовлетворительное соответствие эмпирическим данным: CFI = 0,945, что близко необходимому порогу отличного результата 0,95; RMSEA = 0,077 (90% CI [0.068, 0.086]) – доверительный интервал находится в зоне «приемлемой ошибки» (0,05–0,08); SRMR = 0,028 – значение значительно ниже строгого порога 0,05. Таким образом, все выводы, сделанные на ее основе, являются статистически обоснованными.

Приверженность ценностям, ассоциированным с гражданской ответственностью (L1), выступает смысловым звеном, которое опосредует и объясняет положительную связь между доверием к государству (ASI) и установкой на семью и деторождение (RA) (рис. 2).

Социальные страхи, особенно страх ограничения прав (Pravo) негативно влияют на все эти три блока, но между ними остается «остаточная» положительная связь, указывающая на существование общего мировоззренческого фундамента, объединяющего патриотизм, традиционность и альтруизм.

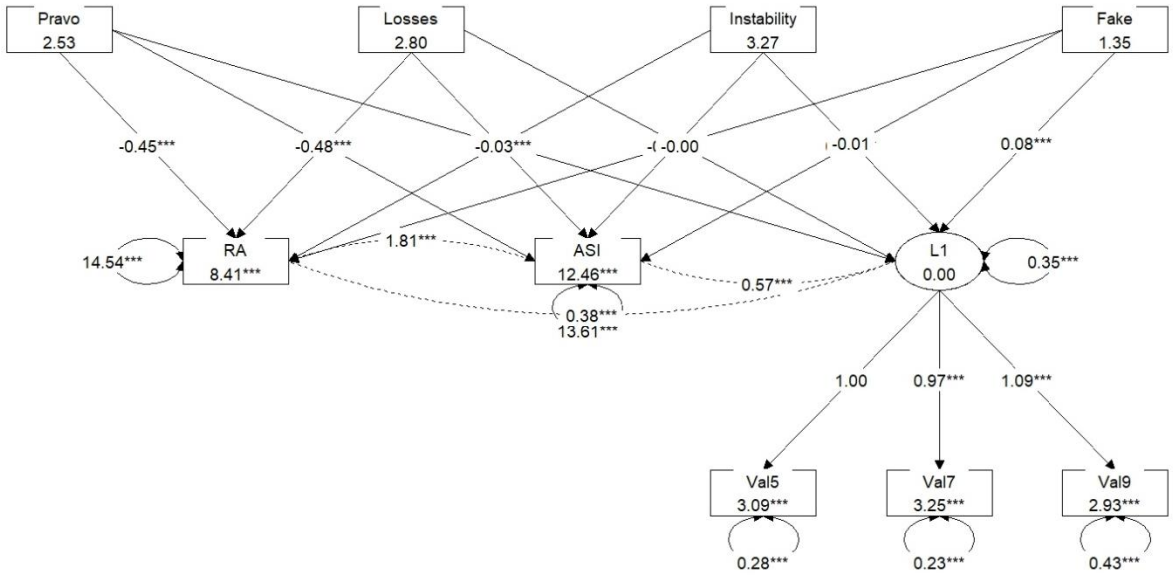

Рис. 2 – Граф модели структурного моделирования

Страх ограничения прав (Pravo) является значимым негативным предиктором. Чем сильнее индивидуум опасается ущемления своих свобод, тем менее значимой для него становится идея служения обществу и помощи другим. Также эмпирически доказано, что страх ограничения прав и свобод (Pravo) как проявление ценностно-нормативной неопределенности, является самым значимым негативным предиктором доверия к государственным институтам (ASI) (β = -0,349, $p<0,001$). Чем сильнее выражен страх ущемления прав, тем ниже уровень институционального доверия, что свидетельствует о социальной дезориентации. Также страх ограничения прав (Pravo) влияет на репродуктивные установки, то есть достоверно снижает желание иметь многодетную семью (RA) (β = -0,327, $p<0,001$).

Страх быть обманутым (*Fake*) прямо коррелирует с гражданской ответственностью. Несмотря на кажущееся противоречие, эта связь может указывать на то, что в условиях неопределенности, порождающей ожидания несправедливости и обмана, ориентация на альтруистические и просоциальные ценности может выступать компенсаторным механизмом, своего рода «нравственным убежищем» или способом восстановления субъективной веры в добро и справедливость.

В целом, построенная структурная модель выявила дифференцированное влияние социальных страхов:

– страх ограничения прав универсально негативно влияет на все компоненты системы (ценности, доверие к социальным институтам, репродуктивные установки);

– страх быть обманутым (*Fake*) проявляет амбивалентное влияние, потенциально выполняя адаптивную функцию;

– страхи потери (*Losses*) и нестабильности (*Instability*) не показали значимого влияния на зависимые индикаторы, что указывает на их второстепенную роль по сравнению с нарративными и ценностно-нормативными факторами риска.

Полученные результаты согласуются с концепцией «постматериалистических ценностей» Р. Инглхарта [9]: в условиях базовой экономической стабильности на первый план выходят риски, связанные с автономией личности и качеством среды.

Страхи потери и нестабильности, будучи «традиционными» экономическими рисками, уступают нарративным угрозам (страх ограничения прав) и экзистенциальным вызовам цифровой эпохи (страх быть обманутым). То есть, ядро социального риска в современном обществе в представлениях молодежи смещается из экономической плоскости в символическую и правовую, где ключевым ресурсом устойчивости становится не материальная защищенность, а способность влиять на социальную реальность через гражданское участие и доверие к институциональным механизмам защиты прав. Это актуализирует проблему усиления прозрачности институтов и развития медиаграмотности как факторов защиты против информационных манипуляций.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. Усманов Г.Р. Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ // ВЭПС. 2024. № 2. С. 247–250.

3. Гидденс Э. Современность и самоидентичность: Я и общество в эпоху позднего модерна: пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2023. 352 с.

4. Добрина О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. №1 (29). С. 100–108.

5. Мамонтов С.Ю. Психология социальных страхов: теоретические и прикладные аспекты: монография. М.: Прометей, 2013. 292 с.

6. Яковлев В.С. Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 6. С. 95–105. DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.7.

7. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 229 с.

8. Насыбуллова Д.А., Емельянов И.В., Устюгов А.В. Гражданская ответственность как явление в современном обществе // Социальные нормы в условиях современных рисков: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Челябинск, 18–19 мая 2017 г. Челябинск: ООО «Научно-исследовательский центр “Антровита”», 2017. С. 206–207.

9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 13–24.

А. В. Ермилова

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКОВ В СПОРТЕ ВЫСОКОГО УРОВНЯ ДОСТИЖЕНИЙ

Аннотация. Предлагается авторская методика проведения социологического исследования, посвященного рискогенной проблематике в спорте высокого уровня достижений с опорой на методологические разработки Н. Лумана (системная теория рисков), О. Ренна (концепция рационального риска), В.А. Ядова (стратегия реализации социологического исследования). Аргументируется, во-первых, необходимость изучения разнообразных категорий респондентов для более глубокого понимания сущности риска в сфере спорта, во-вторых, использование определенного набора методов исследования, позволяющих проанализировать природу рискогенности в спорте высокого уровня достижений.

Ключевые слова: методика, риски, спорт высоких достижений.

A. V. Ermilova

RISK RESEARCH METHODOLOGY IN HIGH-ACHIEVEMENT SPORTS

Abstract. The author's methodology for conducting a sociological study on risk-related issues in high-level sports is proposed, based on the methodological developments of N. Luhmann (systemic risk theory), O. Rennes (rational risk concept), V.A. Yadov (strategy for the implementation of sociological research). The author argues, firstly, the need to study various categories of respondents for a deeper understanding of the nature of risk in the field of sports, and secondly, the use of a specific set of research methods that allow analyzing the nature of risk in sports at a high level of achievement.

Keywords: methodology, risks, high-achievement sports.

Исследование рисков в спортивной сфере деятельности не снижает своей актуальности в современных условиях развития спорта в глобальном пространстве. Особенно остро рискогенная проблематика нависла над российскими спортсменами в связи с санкционным давлением со стороны представителей коллективного Запада, что вызвало резкое сокращение данной профессиональной общности [1], а, соответственно, угрожает ее существованию. Следовательно, к традиционным типам рисков в спорте высокого уровня достижений, связанным, например, с возможным физическим и психическим ущербом здоровью личности спортсмена, с вынужденным прерыванием спортивной

карьеры, с адаптационными проблемами в постспортивный период жизнедеятельности индивида, дополнительно присоединились критически нерешенные вопросы функционирования российских спортсменов на международной арене. В комплексе все это актуализирует новый цикл исследований рискогенной проблематики по отношению к спорту высокого уровня достижений в условиях российской действительности. Изменения, происходящие в данной сфере деятельности, требуют пересмотра методики исследования этой проблемы.

В ранее проведенных исследованиях, посвященных изучению рисков в спорте [2; 3; 4; 5], как правило, используется стандартная методика, в меньшей степени связанная с социологической направленностью. Данное обстоятельство актуализирует разработку авторской методики исследования рисков в спорте высокого уровня достижений, которая связана с методологическими разработками социологов: во-первых, системной теорией рисков Н. Лумана («теория решений») [8] по причине того, что спортсмены осознанно выбирают путь, связанный с потенциальными рисками; во-вторых, с концепцией рационального риска О. Ренна [6] в связи с его положением об обусловленности характера рисков от особенностей профессиональной деятельности человека; в-третьих, со стратегией реализации эмпирического исследования В.А. Ядова [7], разработки которого являются базой для выбора наиболее актуальных методов исследования в соответствии с поставленной целью.

Прежде чем говорить о методике исследования рисков в спорте высоких достижений следует понимать охват изучаемой совокупности респондентов, который должен быть весьма обширным по причине специфичности рисков, характерных для поля спорта. Мы полагаем, что для полного понимания рисков в спорте важно изучить взгляды разнообразных групп респондентов, в частности:

1) спортсменов на разных стадиях их профессионального пути, что позволит провести сравнительный анализ рисков;

2) спортсменов высших достижений, мнения которых помогают понять природу рисков в спорте высокого уровня;

3) юных спортсменов, чья интеграция в сферу физической культуры и спорта требует оценки потенциальных рисков и рисков, с которыми они столкнулись уже в детстве;

4) спортсменов, завершивших профессиональную карьеру, точка зрения которых помогает определить риски в процессе завершения реализации в сфере спорта, так и в постспортивный период их жизнедеятельности;

5) спортивных экспертов (менеджеры, судьи, медицинский персонал, юристы, функционирующие в поле спорта), разъясняющих характер рисков в любительском, профессиональном и спорте высших достижений;

7) родителей детей-спортсменов, имеющих опыт сопровождения своих отпрысков в поле спорта, а, следовательно, понимающих глубину переживаемых ими проблем;

8) наставников, тренирующих спортсменов на разных этапах профессионального становления, мнения которых помогут проанализировать суть рискогенной проблематики в зависимости от стажа интеграции в спорт;

9) учителей/преподавателей, взаимодействующих в сфере образования с учениками/студентами, имеющими опыт реализации в сфере спорта, для анализа проблемы двойной занятости подопечных (учеба/спорт).

Перечисленные категории респондентов, образующие основу для разработки выборочной стратегии социологического исследования, обусловливают комплексный подход к разработке авторской методики исследования рисков в спорте высоких уровней достижений. При определении оптимального способа выполнения работы необходимо учитывать следующие сложности, с которыми могут столкнуться социологи в ходе сбора социологической информации: во-первых, высокая степень мобильности и загруженности спортсменов высокого класса и их наставников, что является барьером для осуществления коммуникации специалистов (интервьюеров/анкетеров) с респондентами; во-вторых, дефицит времени у спортсменов высших достижений для участия в анкетировании/интервью; в-третьих, широкий разброс категорий респондентов-спортсменов и иных субъектов, участвующих в тренировочно-соревновательной деятельности; в-четвертых, сложности в передаче и приеме

информации вследствие социализации чемпионов преимущественно в границах поля спорта. Учитывая перечисленные нюансы осуществления социологического исследования на тему «Риски в спорте высокого уровня достижений», предлагается следующая методика его организации:

1. Контент-анализ имеющихся публикаций за последние 10-20 лет. Используются следующие типы публикаций: тезисы, статьи, доклады, сообщения на форумах. Ключевые слова: риски, травматизм, здоровье, заболеваемость, помощь, инвалидность, криминал, допинг, нагрузки, летальный исход, стресс, дискриминация, санкции.

2. Опросные методы:

– онлайн-анкетирование спортсменов на разных этапах карьерного продвижения, в том числе спортсменов высших достижений из-за их высокого уровня мобильности;

– глубинное, очное интервью с тренерами, детьми-спортсменами и иными агентами поля спорта; учителями/преподавателями, осуществляющими коммуникацию с учениками/студентами-спортсменами; родителями детей-спортсменов. Особенно не рекомендуется использование количественных методов исследования с такой категорией как тренерский состав и спортивные врачи, так как именно они в большей мере обладают ключевыми сведениями о специфике рисков в поле спорта, что требует более продолжительного и глубокого погружения в изучаемый вопрос. Следует иметь в виду, что данная группа респондентов склонна к удерживанию релевантных данных. Представленная ими информация, как правило, не отличается прозрачностью, что требует от интервьюера высокого уровня мастерства в проведении опроса, владения особыми техниками интервьюирования.

Ключевым моментом является уделение особого внимания детям-спортсменам, опрос которых осложняется их несовершеннолетним возрастом, что предполагает получение разрешения на проведение интервью их законными представителями. Из-за территориальных сложностей при проведении интервью с детьми, требуется согласование действий с администрациями спортивных школ/секций.

3. Биографический анализ историй жизни спортсменов высокого уровня достижений, преждевременно прервавших профессиональную карьеру. Особое внимание следует направить на спортсменов с тяжелыми телесными повреждениями для выявления причин травмирования, так как преобладающим фактором является риск негативного воздействия на физическое и психическое состояние спортсменов.

4. Метод наблюдения, который применяется в ходе тренировочно-соревновательного процесса. Предпочтительнее проведение включенного наблюдения, что требует от социолога более глубокого познания поля спортивной деятельности.

Представленная методика является своего рода рекомендательным пособием для проведения социологического исследования, посвященного изучению рисков в спорте. Причем, она может применяться как конкретному его виду, так и в комплексе. В зависимости от стратегии развертывания исследования методика допускает дополнение иными методами как качественными, так и количественными.

Список источников

1. Лапин: Россия теряет более 200 тыс. спортсменов ежегодно из-за травм и потери мотивации. URL: https://tass.ru/sport/16395601 (дата обращения: 15.08.2025).

2. Ткачева М.С. Психологические особенности рисков в спортивной деятельности // Ученые записки. Сер. Психология. Педагогика. 2011. Т. 4. № 2 (14). С. 55–60.

3. Бахмейер М., Смоленский А.В., Митюшкина О.А. Профессиональные риски в спорте высших достижений // Вестник новых медицинских технологий. 2015. № 3. С. 1–12.

4. Исмаилов А.И. Теоретико-методологические аспекты анализа риска в спортивной деятельности (1-я часть) // Спортивный психолог. 2016. №1 (140). С. 12–16.

5. Иванов В.Д., Петренко Е.С. Проблемные аспекты обоснованного риска в спорте // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т.3. № 3. С. 119–122.

6. Ренн О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–99.

7. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. М.: Наука. 1987. 248 с.

8. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1991. S. 9–40.

С. А. Калалва, Н. Н. Волченко

ПРОТЕСТ, ПОДДЕРЖКА ИЛИ АПОЛИТИЧНОСТЬ: КОМПЛЕКСНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии политического поведения российской молодежи, в частности «поколения Z», в контексте социологии риска и безопасности. Анализируются причины выбора радикальных, пассивных или поддерживающих государство форм участия, а также факторы, способствующие политической мобилизации в условиях современных вызовов. Особое внимание уделено трансформации политических настроений после начала СВО в 2022 г., когда значительная часть молодежи, включая ранее аполитичных или оппозиционно настроенных, переориентировалась на поддержку государства. Рассматриваются риски, связанные с поляризацией молодежи, и предлагаются механизмы вовлечения в политическую жизнь с учетом их ценностей и медиапотребления.

Ключевые слова: поколение Z, молодежь, аполитичность, радикализация, политическая поддержка, цифровой активизм, социология риска, молодежная политика, СВО.

S. A. Kalalva, N. N. Volchenko

PROTEST, SUPPORT, OR APOLITICALNESS: COMPLEX STRATEGIES OF POLITICAL BEHAVIOR OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article discusses the political behavior strategies of Russian youth, particularly Generation Z, in the context of the sociology of risk and security. It analyzes the reasons for choosing radical, passive, or state-supporting forms of participation, as well as the factors that contribute to political mobilization in the face of contemporary challenges. Special attention is given to the transformation of political attitudes following the onset of the Special Military Operation in 2022, when a significant portion of the youth, including those previously apathetic or opposition-minded, realigned themselves to support the state. The risks associated with the polarization of youth are examined, and

mechanisms for engaging them in political life are proposed, taking into account their values and media consumption.

Keywords: generation Z, youth, apoliticism, radicalization, political support, digital activism, risk sociology, youth policy, SVO.

Проблема общественно-политической активности молодёжи в контексте патриотизма и любви к своему отечеству является актуальной для любого современного общества, поскольку именно молодое поколение зачастую является локомотивом новых запросов на эволюцию общественной жизни, демонстрируют высокую динамику изменчивости, оперативно отзываясь на новые вызовы и угрозы. При этом условная «молодёжь» является неоднородной стратой, разделяясь на группы в соответствии с возрастом и особенностями социально-технологического уклада, оказавшего влияние на их формирование. Среди ряда современных видов классификации разных поколений общества одной из общеизвестных является так называемая «теория поколений», разработанная В. Штраусом и Н. Хау в 1991 г. Несмотря на то, что она исходно базировалась на данных об американском обществе, предложенная ими классификация оказалась работоспособной для многих государств с высокотехнологичным укладом, в том числе для России [1, с. 290]. В рамках настоящей работы нас интересует так называемое «поколение Z» – люди, родившиеся с середины 1990-х до начала 2010-х гг. Они формируются в условиях цифровой эпохи, где нормальными атрибутами жизни являются высокоскоростной интернет, гаджеты и беспроводные сети [2, с. 136]. Особенностям поведенческих моделей его представителей в российском социуме посвящены ряд отечественных исследований [3, с. 8].

Сформировавшись в условиях тотальной цифровизации, «поколение Z» выработало принципиально новые модели восприятия информации и социального взаимодействия. Их мышление носит клиповый характер – сложные аналитические тексты уступают место визуальным форматам (мемам, сторис, коротким тикток-роликам), а доверие к традиционным институтам (государству, официальным СМИ, политическим партиям) замещается авторитетом независимых блогеров и лидеров мнений. Это демонстрирует выраженный прагматизм и индивидуализм –

их запросы направлены не на абстрактные коллективные идеологии, а на персонализированные решения и конкретные, измеримые результаты. Именно эта системная установка на визуальный, быстрый и прагматичный контент, а также доверие к горизонтальным, а не вертикальным источникам информации, предопределило специфику их политической мобилизации после 2022 г., которая пошла по сетевому, а не институциональному пути. Такая система ценностей создает серьезный вызов для традиционных механизмов политической социализации, требуя принципиально новых подходов к коммуникации и вовлечению молодежи в общественные процессы.

Проблема политической активности российской молодежи долгое время интерпретировалась через упрощенную дихотомию: «протест», понимаемый почти исключительно как оппозиционная активность, состояние «против», или тотальная «аполитичность», подразумевающая полную индифферентность и отстраненность от общественной жизни. Однако в настоящий момент этот шаблон уже не соответствует действительной реальности. Положение на доске не просто изменилось – полностью сменились сама доска и правила игры. Для «поколения Z» политическое участие все чаще обретает форму мобилизации в поддержку национального курса, низовой самоорганизации в русле патриотических инициатив и активного цифрового активизма в защиту государственного суверенитета. Таким образом, мы наблюдаем переход от дихотомии «за/против» к сложной шкале политизированности, измеряемой степенью вовлеченности и неравнодушия к судьбе народа и Отечества.

Ключевую роль в этой трансформации играет мощный пласт новых смыслов и символов, консолидирующих общество. Как убедительно демонстрировал в своих работах один из основателей социологии Э. Дюркгейм [4, с. 272], коллективные представления и символы являются фундаментальным скрепляющим материалом любого общества, создающим солидарность из индивидуальных сознаний. В современном российском контексте этими символами стали лаконичные, но емкие маркеры коллективной идентичности: георгиевская ленточка, буква «Z», превратившаяся в универсальный знак поддержки армии, и слоган «Za наших»,

выражающий личную причастность и готовность к жертвенной поддержке.

К ним добавились и новые герои — киберворон, ставший цифровым символом стойкости и технологического превосходства в противовес старому образу «черного ворона», а также другие знаковые для молодежи образы: такие как мифологема «Русского мира», «русский космос» в творчестве А. Апачева, сообщество «Отряд 333» или эстетика группы «Врата Овертона» с их композицией «Цветет герань», которые создают альтернативный символический универсум, альтернативный западному.

Эти символы перестали быть абстракцией, глубоко проникнув в ткань массовой культуры и сформировав новый пласт современного фольклора для визуально-ориентированного поколения Z. В музыке это выразилось в мощной волне патриотического андеграунда: «Радио Тапок» с его историческими треками «Курская битва» и «Черный октябрь», Чичерина с проницательными текстами «Моя Спарта» и «На передовой», А. Апачев от негласного гимна ЧВК «Вагнер» «Лето и Арбалеты» до провокационной перепевке «Пливе кача», «Арбалет» с яркими антитезами «Киберворон» и «До Ла-Манша», и даже массовый феномен Шамана с вирусным манифестом «Я русский». Вместе они формируют новый культурный код, где идеи суверенитета и защиты Отечества вытесняют прежний протестный, эгоистический дискурс. Этот новый «культмас», распространяемый через стриминговые платформы, стал звуковой средой, формирующей мировоззрение «поколения Z», доказывая, что патриотизм может быть не государственным и официозным, а «своим», субкультурным и модным.

В литературном поле ключевую роль играет З. Прилепин – не только как автор «Ополченческого романса» о ДНР, но и как публичная фигура, командир и живой символ писателя-воина, чей образ героизирует новую реальность. К нему добавляется плеяда поэтов, чьи стихи стали голосом времени: А. Долгарева с пронзительными текстами из Донбасса.

Кинематограф активно включился в процесс современного создания смыслов, и одним из наиболее показательных примеров становится документальный сериал М. Фадеева «У края бездны».

Его значение выходит далеко за рамки простого художественного высказывания — это сложный идеологический конструкт, выполняющий несколько ключевых функций. Так, «У края бездны» становится важным кирпичиком в построении нового патриотического канона.

Таким образом, устаревшие шаблоны поведения «оппозиционер»/«аполитичный» диалектически снимаются, уступая место новым, более сложным и многообразным формам гражданственности. Они основаны на идее созидательного участия, коллективной солидарности и защиты традиционных ценностей, которые теперь воспроизводятся и тиражируются через самые современные и популярные культурные коды – от визуальных символов и мемов в цифровом пространстве до глубоких художественных смыслов в музыке и кинематографе. Именно эта адаптация (консервативных/государственных) ценностей под язык и эстетику цифровой эпохи позволила им стать ближе к «поколению Z».

До 2022 г. политическое поведение российской молодежи действительно укладывалось в условную дихотомию: аполитичное большинство противостояло активному оппозиционному меньшинству. Это привычное разделение казалось незыблемым, пока начало Специальной военной операции не стало точкой бифуркации, кардинально перекроившей всю карту молодежного участия. Старые аналитические модели рухнули, уступив место сложной и многогранной реальности, где привычные ярлыки потеряли свою актуальность. Для «поколения Z», не заставшего стабильных 2000-х и сформировавшегося в перманентном кризисе 2010-х, эта ситуация стала не шоком, а скорее продолжением и обострением привычной турбулентности, что отчасти объясняет их быструю адаптацию и мобилизацию.

Главным следствием произошедших событий стал крах упрощенной бинарной логики. Ей на смену пришла причудливая мозаика стратегий поведения, где искренняя поддержка государственного курса зачастую сочетается с низовой инициативой и критической позицией по отдельным внутренним вопросам. Эта эклектика и способность совмещать, казалось бы, противоречивые идентичности (патриот-критик,

государственник-волонтер) является родовой чертой «поколения Z», не мыслящего себя в рамках жестких идеологических систем. Эта трансформация выразилась в нескольких взаимосвязанных тенденциях, первой из которых стала массовая политизация в поддержку государства. Многие молодые люди, ранее демонстрировавшие нейтралитет или даже критическое отношение, активно включились в поддержку СВО через живые дела, а не лозунги. Их вовлеченность выразилась не через традиционные партийные структуры, а через непосредственное участие в волонтерских движениях, сборе гуманитарной помощи и создании арт-объектов для военных, что свидетельствует о переходе от слов к осознанной, деятельностной солидарности, основанной на чувстве защитной мобилизации. Это полностью соответствует их прагматичному запросу на конкретный, измеримый результат и прямую пользу, в противовес абстрактной политической риторике. Ярким примером является активная деятельность в поддержку СВО, реальная боевая работа участников различных общественно-политических объединений, в мирное время не проявляющих выраженной лояльности государственной системе – футбольных ультрас (ставших основой диверсионно-разведывательной бригады «Эспаньола»), внесистемных левых из последователей Э. Лимонова (группы «Интербригад», воюющих за Донбасс с 2014 г.) и других.

Параллельно расцвела мощная волна низовой самоорганизации, ставшая настоящим прорывом в гражданской активности. Социальные инициативы, направленные на помощь фронту и тылу, открыли уникальный канал для реализации гражданской энергии. Эта деятельность позволила молодым людям обойти формальные и зачастую не пользующиеся доверием институты, почувствовав свою реальную значимость и эффективность через конкретные, осязаемые результаты. При этом часть молодежи выбрала путь сознательного неучастия или эмиграции, однако важно отметить, что селективная аполитичность зачастую является не отсутствием позиции, а скорее формой молчаливого несогласия или тактикой минимизации рисков в условиях быстро меняющегося законодательства.

Сдвиг в массовых настроениях был вызван комплексом глубоких причин. Ключевую роль сыграла оборонительная психология, когда восприятие внешней угрозы национальной безопасности сработало как мощный консолидирующий фактор, сплотивший вокруг идеи защиты Отечества даже тех, кто ранее сохранял критическую дистанцию по отношению к власти. Этому способствовало появление новых форматов участия, ведь горизонтальные сети в Telegram, краудфандинговые платформы и спонтанная самоорганизация в соцсетях предоставили гибкие и понятные инструменты для выражения своей позиции, позволив обойти традиционные бюрократические барьеры. Это привело к феномену критической поддержки, когда значительный сегмент молодежи демонстрирует сложную, многослойную позицию, поддерживая СВО на геополитической арене как защиту национальных интересов, но сохраняя при этом вопросы и критическое отношение к отдельным аспектам внутренней политики. Эта «избирательная лояльность» является квинтэссенцией позиции современного «Zета»: он не принимает систему целиком, но мобилизуется вокруг конкретной, понятной и значимой цели, используя для этого привычные ему цифровые инструменты.

Новая реальность мгновенно породила уникальные, гибридные формы активизма, стирающие грань между субкультурой и политикой. Явление «Боевых анимешников» отряда «Керчь» стало ярким примером того, как сугубо субкультурные коды и эстетика аниме были успешно переплавлены в эффективный патриотический активизм по участию поклонников данной субкультуры в реальной боевой работе. Это на 100% поколенческий феномен: совмещение, казалось бы, несовместимых культурных пластов (японская анимация и российский патриотизм) является нормальной практикой для поколения, выросшего в глобализированном интернете. Цифровое пространство превратилось в новый фронт, где хэштеги #СвоихНеБросаем и #ZaПобеду быстро эволюционировали из простых меток в мощные символические маркеры коллективной солидарности, а вирусные флешмобы стали инструментом спонтанного создания общего эмоционального поля. Волонтерские движения в этой новой

парадигме стали настоящей школой гражданственности, предлагая не абстрактные лозунги, а конкретные, осязаемые задачи по помощи семьям мобилизованных и раненым, что оказалось гораздо ближе и понятнее поколению, ценящему практический результат.

Однако на этом новом пути сохраняются серьезные вызовы и системные риски, способные затруднить конструктивный диалог. Наиболее серьезной угрозой остается глубокая поляризация, ведь раскол между активно поддерживающими СВО и ушедшими в глухую оппозицию или вынужденную пассивность грозит долгосрочной фрагментацией общества и разрывом социальных связей. Усугубляет ситуацию эффект цифровой цензуры, когда жесткое регулирование интернета, направленное на борьбу с враждебным нарративом, на практике часто приводит к маргинализации любой альтернативной точки зрения и росту латентного недоверия среди наиболее образованной и подключенной к общественной деятельности части молодежи. Для поколения, считающего свободный доступ к информации базовой потребностью, такие ограничения являются особенно болезненными и могут дать обратный эффект, подпитывая подпольный интерес к запрещенным источникам. Существует и постоянная опасность инструментализации, когда живая, низовая активность рискует быть превращена в формальные, управляемые сверху «госпроекты», что неминуемо приведет к потере доверия, искреннего энтузиазма и в конечном итоге — к разочарованию в самой идее участия. Ценностный детектор «Zетов» безошибочно отличает искреннюю инициативу «снизу» от проплаченного или навязанного сверху мероприятия, и в случае фальши их поддержка будет мгновенно отозвана.

Таким образом, российская молодежь 2020-х гг. демонстрирует явный запрос не на слепую лояльность, а на реальное, созидательное участие. Ее политизация произошла не «благодаря», а во многом «вопреки» традиционным институтам, через прямое действие и цифровую солидарность. Дальнейшая интеграция этого мощного потенциала в общественно-политическую жизнь страны требует от власти и общества серьезной и тонкой работы. Необходимо развивать, а не зарегулировать горизонтальные форматы, такие как

краудсорсинговые платформы и независимые волонтерские инициативы. Крайне важно говорить с поколением на его языке, учитывая визуальное медиапотребление и работая через авторитетных блогеров, а не через официальные пресс-релизы. И самое главное – предлагать реальные возможности для влияния, избегая формализма и показных мероприятий, давая молодежи возможность влиять на конкретные решения на локальном и, в перспективе, национальном уровне. Игнорирование этой сложной, живой мозаики и попытка втиснуть ее в уже неработающий шаблон «лояльности vs протеста» станет крупнейшим упущенным шансом для диалога с тем самым поколением, которому предстоит строить будущее России в стремительно меняющемся мире.

Список источников

1. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290–295.

2. Зверева Е.А., Хворова В.А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. № 6. С. 131–140.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности: монография. М.: Норма. 2022. 304 с.

4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. 2018. 736 с.

А. Д. Калиниченко
Научный руководитель М. В. Шарпан

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МИРНОГО ВРЕМЕНИ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Данное исследование посвящено анализу деструктивного информационно-психологического воздействия в социальных сетях и мессенджерах, представляющего угрозу национальной безопасности РФ. Рассматриваются методы манипуляции общественным мнением, включая

дезинформацию и использование социальной инженерии. Выявлено, как локальные проблемы эксплуатируются для создания «социальных взрывов» и дестабилизации. Подчеркивается необходимость комплексного противодействия.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, социальная инженерия, информационная безопасность.

A. D. Kalinichenko
Scientific supervisor M. V. Sharpan

RESEARCH OF DESTRUCTIVE INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL IMPACT IN SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS THROUGH THE PRISM OF PEACETIME, EMERGENCIES AND MILITARY CONFLICTS

Abstract. This study focuses on analyzing the destructive information and psychological influence in social networks and messaging apps, which poses a threat to the national security of the Russian Federation. It examines the methods of manipulating public opinion, including disinformation and the use of social engineering.

Keywords: information and psychological influence, social engineering, information security.

Создание социальных сетей и мессенджеров позволило облегчить информационно-психологическое воздействие на разные слои населения: посредством данных технологий осуществляется агитация населения, происходит информирование, распространяется официальная государственная позиция. Однако начало Специальной Военной Операции максимально обнажило проблему распространения чужеродной и опасной для России информации в мессенджерах и социальных сетях. Чаще всего подобная информация публикуется неопределенными лицами из-за рубежа с целью дестабилизации российского общества, подрыва суверенитета страны и создания с их помощью реальной угрозы национальной безопасности Российской Федерации и в конечном итоге – угрозы существования самой России как единого государства. Подобные группы существуют, несмотря на все попытки законодателей запретить их деятельность. Необходимо исследовать эту деятельность для дальнейшего формирования мер борьбы. При

этом, не только технических, но и информационно-психологических. То есть таких мер, которые позволят нивелировать угрозу чужеродной информации.

Для начала необходимо рассмотреть определение «информационно-психологическое воздействие», которое будет нередко употребляться в данной работе. Согласно данным, предоставленным на официальном сайте МЧС России под информационно-психологическим воздействием понимается комплекс специальных психологических операций, мероприятий и акций, которые проводятся с помощью информации, пропаганды, агитации, подготовленной соответствующим образом и доводимой до объекта воздействия с помощью различных форм психологического воздействия (это могут быть печатные средства, радио- и телевещание, изобразительные средства, материальные акции, также могут использоваться информационные компьютерные сети) [1].

Информационно-психологическое воздействие классифицируют по средствам воздействия следующим образом: СМИ, литература, искусство, образование, воспитание, личное общение.

По времени получения результата классифицируют:

– с незамедлительным результатом;

– результат получен спустя определенный временной промежуток.

Также необходимо определить понятие «информационная безопасность», так как именно ей создается угроза при информационно-психологическом воздействии на население.

Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, «информационная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства» [2].

Информационно-психологическое воздействие осуществляется посредством социальной инженерии. Прежде чем

перейти к подробному рассмотрению примеров воздействия, связанных с использованием методов социальной инженерии, необходимо определить этот термин. В первую очередь он относится к социологии. В данной науке понятие определяется так: социальная инженерия – это совокупность подходов социальных наук, ориентированных на целенаправленное изменение организационных структур, которые определяют человеческое поведение и обеспечивают контроль над ним [3, с. 347]. Говоря о социальной инженерии в области информационной безопасности, данное понятие можно определить следующим образом: социальная инженерия – система способов психологического манипулирования или воздействия на людей для совершения ими определенных действий или разглашения необходимой конфиденциальной информации, владельцами которой они являются [4].

Стоит отметить тот факт, что группы в социальных сетях и мессенджерах ведут не только активную информационно-психологическую деятельность, но и скрытую, которая не воспринимается как попытка влияния на мнение. В связи с этим можно выделить две стадии у таких групп: пассивную и активную. Чаще всего причем действует пассивная стадия, а активная работает только в моменты возможного общественного резонанса на какие-либо события. Так, Долгов Максим Игоревич (аспирант кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета) в своей работе «Классификация информационно-психологических воздействий и оценка степени их угроз для общественного сознания» отмечает, что основным признаком информационно-психологического воздействия является степень завуалированности смысла специально подобранной информации. То есть смысл и значение информации могут быть представлены как открыто, так и завуалированно, то есть скрыты под открыто предоставляемой информацией. Таким образом, он выделяет явные и скрытые виды информационно-психологического воздействия [5, с. 49].

Явное воздействие не скрывается, а прямо передает смысл и значение предоставляемой информации. То есть эти смысл и значение должны быть очевидны для объекта воздействия.

Скрытое воздействие является более опасным, так как оно тщательно маскируется и действует на объект воздействия незаметно для него. Оно предусматривает корректировку суждений, мнений, убеждений путем распространения идей, теорий, скрытых под информацией, которая несет внешне другую смысловую нагрузку.

Перейдем к рассмотрению реальных примеров деструктивного воздействия на практике. Для примера будет взят телеграм-канал «Подслушано в Ейске» [6], в котором прекрасно прослеживается линия негативного информационно-психологического воздействия как в мирное время, так и при нестандартных ситуациях.

В мирное время используется скрытое воздействие, которое, как уже сказано выше, является более опасным. Его сложно заметить неопытному человеку, оно трудно доказуемо, как попытка негативного воздействия. Однако именно такие сообщения формируют общее настроение к какой-либо проблеме. Чаще всего это происходит через какие-либо новости. В данном случае – местного масштаба. Так, например, 21 апреля 2021 года в данной группе было выложено сообщение о том, что на руководителя ОМВД по Ейскому району была написана жалоба сотрудниками полиции, которые находятся у него в подчинении. В качестве подписи к фотографии с данной жалобой использовалась фраза: «очередное дно пробивает полиция РФ». Подобные фразы негативного характера формируют отношение читателей группы не к конкретной ситуации, а ко всем органам внутренних дел.

В подобных группах нередко осуществляются попытки очернения даже политической оппозиции. Так 20 июня 2021 года, комментируя резонансное для города преступление, повлекшее смерть человека, без какой-либо доказательной базы местная оппозиция обвиняется данной группой в «продажности» из-за встречи с обвиняемой стороной преступления. Никаких либо доказательств, кроме фотографий, нет. Однако, было навешено клеймо: «ейская оппозиция показало свое продажное лицо». Это является одним из методов психологического воздействия, который нередко называют навешиванием ярлыков.

Как сказано выше, в подобных сообщениях очень трудно распознать попытку информационно-психологического воздействия, что мы и прослеживаем в рассмотренных 2 примерах.

Однако, в доказательство того, что целью данной группы является именно деструктивное информационно-психологическое воздействие, необходимо рассмотреть второй вид воздействия – явное воздействие.

Данная группа стала оказывать явное воздействие на местное население города Ейска после признания Российской Федерацией суверенитета Луганской и Донецкой Народных Республик вечером 21 февраля 2022 г.

Так, начиная с 22 февраля, данная группа начала более активно выкладывать сообщения, одним из которых была видеозапись экрана некой переписки, где в аудиосообщении говорилось, что Россия обстреливает территорию ЛНР, а не Украина. Подтверждений данным сообщениям не было. Однако, обвинения шли в адрес российского правительства. Утром 24 февраля, в день начала Специальной Военной Операции, началась серьезная активность. Люди с пророссийской позицией назывались «ватой», а активных комментаторов, выражавших несогласие с позицией данной группы, стали блокировать. Об этом сообщалось в сообщениях от 24 февраля в 11:45, в 15:23… Была выключена возможность комментирования постов группы. Также осуществлялось распространение фейковой информации. Использовался тот же способ – информация от знакомых, подписчиков и так далее. Сообщалось таким образом о том, что в ближайшее время будет введено ограничение на снятие наличных денег с банковских счетов. Спустя 3,5 года можно с уверенностью отметить, что это была дезинформация, так как никаких ограничений никогда не вводилось.

Среди частично достоверной информации, но с негативным окрасом, периодически встречаются фейковые новости. Также спустя время удается распознать дезинформацию, нацеленную в том числе на вызов паники, тем самым вызывая социальную напряженность в обществе. Так в сообщении от 27 февраля говорилось, что ночью будет осуществляться бомбардировка Ейска, что оказалось откровенной ложью.

Учитывая вышеописанное, стоит отметить, что подобные группы нацелены на многие города Российской Федерации. С одной стороны, они осуществляют взаимодействие с местным населением, помогая в таких бытовых вопросах, как, например, поиск пропавших людей, вещей, поиск съемного жилья, за счет чего и обретают подписчиков, являющихся жителями данных населенных пунктов.

Далее уже осуществляется само воздействие на местное население посредством таких постов, как описаны выше, что в свою очередь может в некоторых случаях приводить к социальным взрывам. Таким примером может служить заблокированный за призывы к насилию телеграм-канал «Утро Дагестана», деятельность которого привела к беспорядкам в аэропорту Махачкалы 29 октября 2023 года. Тогда данный телеграм-канал вел явное воздействие на местное население, которое выражалось в использовании принципа социальной инженерии – принципа последовательности, то есть специально было выстроена неверная цепочка событий: если прибывшие беженцы – граждане Израиля, то они связаны с ведением в этой стране боевых действий и убийством детей в Палестине (на чем постоянно делался акцент для придания более негативной эмоциональной окраски описанным деяниям). При этом серьезное эмоциональное давление было направлено на высокий уровень конфессиональной солидарности среди мусульман, что в итоге и привело к необдуманным действиям со стороны части населения.

Одним из действенных способов борьбы с негативным информационно-психологическим воздействием станет формирование абсолютно таких же групп в социальных сетях, которые также будут осуществлять взаимодействие с местным населением, обсуждать локальные проблемы, но при этом будут предлагать способы решения, а не заниматься торпедированием органов местного самоуправления, исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Это действительно позволит снизить уровень влияния групп, целью которых является разложение российского общества.

Еще в качестве эффективного способа борьбы можно выделить агитацию российского населения, которая будет выражаться в распространении как с помощью цифровых

технологий, так и классических различных материалов о том, как распознать фейковую информацию, как отличать факт от чьего-то мнения. Можно использовать различные баннеры и плакаты для распространения информации в местах массового скопления людей. Также можно распространять информацию через различные социальные сети и видеохостинги (например мессенджер «Telegram», социальная сеть «ВКонтакте», видеохостинг «Rutube») короткую социальную рекламу, в которой будет подниматься проблема негативного информационно-психологического воздействия на население, объясняться способы противодействия ей и так далее.

В более долгосрочной перспективе стоит создавать также каналы, где будут исследоваться различные группы в социальных сетях на предмет наличия или отсутствия дезинформации в них. А в дальнейшем уже распространять результаты работы с исследованием, что позволит наглядно показывать гражданам России с доказательствами, какие группы честно выполняют работу, а какие работают против безопасности Российской Федерации.

Данное исследование показывает многогранность проблемы деструктивного информационно-психологического воздействия в социальных сетях и мессенджерах. Анализ показывает, что социальные сети и мессенджеры, созданные для облегчения обмена информацией, стали мощным инструментом для дестабилизации общества, подрыва государственного суверенитета и создания прямых угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Примеры, в частности, телеграм-канала «Подслушано в Ейске» наглядно показывают переход от завуалированных методов манипуляции в мирное время к открытой дезинформации и призывам к дестабилизации в условиях чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов. Серьезная опасность заключается в использовании социальной инженерии для формирования негативного общественного мнения и провоцирования «социальных взрывов», как это было продемонстрировано на примере канала «Утро Дагестана».

Таким образом, противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию требует

комплексного подхода. Необходимы не только технические меры, но и активное формирование позитивного мнения, повышение медиаграмотности населения и создание эффективных механизмов выявления, и разоблачения фейковой информации, что является залогом сохранения информационного суверенитета и стабильности российского общества.

Список источников

1. Информационно-психологическое воздействие // МЧС России. URL: https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/722 (дата обращения: 20.06.2025).

2. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

3. Унукович А.С. Социальная инженерия и кибербезопасность: виктимологический аспект // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 3 (86). С. 346–351.

4. Гусев А.В., Старостенко Н.И. Выявление методов социальной инженерии, применяемых в мошеннических целях: методические рекомендации. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. 42 с.

5. Долгов М.И. Классификация информационно-психологических воздействий и оценка степени их угроз для общественного сознания // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 47–52.

6. Телеграм-канал «Подслушано в Ейске». URL: https://t.me/pve_123 (дата обращения: 18.06.2025).

И. Б. Кантемирова

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ В 2023–2024 ГОДАХ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ

Аннотация. Предметом исследования и анализа работы выступают социально-экономические характеристики и условия развития Краснодарского края. Цель работы – выявление основных региональных рисков с учетом социально-экономического развития и территориальных особенностей положения региона в Российской Федерации. Эмпирическая основа статьи включает в себя: данные экономической и социальной региональной статистики, материалы социологических исследований, материалы СМИ, нормативно-правовые акты. На основе полученных

данных проведен SWOT-анализ социально-экономической ситуации в Краснодарском крае в 2024 году.

Ключевые слова: социально-экономическая ситуация, региональные риски.

I. B. Kantemirova

KRASNODAR TERRITORY IN 2023–2024: SOCIO-ECONOMIC SITUATION AND REGIONAL RISKS

Abstract. The subject of the research and analysis of the work are the socio-economic characteristics and conditions of development of the Krasnodar Territory. The purpose of the work is to identify the main regional risks, taking into account the socio-economic development and territorial features of the region's position in the Russian Federation. The empirical basis of the article includes: data from economic and social regional statistics, materials from sociological research, media materials, and regulatory legal acts. Based on the data obtained, the SWOT-analysis of the socio-economic situation in the Krasnodar Territory in 2024 was carried out.

Keywords: socio-economic situation, regional risks.

Анализ социально-экономической ситуации в Краснодарском крае, проведенный в 2023 и 2024 годах, дает возможность применить методику SWOT-анализа и выделить ряд региональных рисков, влияющих на безопасность и привлекательность региона для ведения экономической деятельности и проживания.

Успешное социально-экономическое развитие региона – результат эффективного включения в процесс производства основных ресурсов: земля (природные ресурсы), человеческие (трудовые) ресурсы, капитал, предпринимательские способности и информация (знания, информационные продукты, информационные услуги и т.п.). И всё же, главным является человеческий капитал, он выполняет трудовую, организационную функцию, именно человек берет на себя риски и является инициатором различных видов деятельности, выполняет творческую, созидательную функцию в сфере социально-экономического развития. Население активно и результативно включается в процесс экономической деятельности тогда, когда сформированы условия, обеспечивающие личную, общественную,

региональную и государственную безопасность, возможность профессиональной самореализации и предпринимательских инициатив, сформированы условия для удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей отдельного человека и семьи.

Предметом исследования и анализа работы выступают социально-экономические характеристики и условия развития Краснодарского края. Цель работы – выявление основных региональных рисков с учетом социально-экономического развития и территориальных особенностей положения региона в Российской Федерации.

Эмпирическая основа статьи включает в себя: данные экономической и социальной региональной статистики, материалы социологических исследований, материалы СМИ, нормативно-правовые акты.

Политическое устройство, административная система и другие системно-структурные характеристики Краснодарского края определяются его Уставом, в соответствии с которым: Краснодарский край является неотъемлемой составной частью Российской Федерации. На территорию Краснодарского края распространяется суверенитет Российской Федерации, на ней действуют Конституция РФ и федеральные законы (ст. 1). Территория Краснодарского края обладает внутренней целостностью и делится на административно-территориальные единицы (ст. 2). Местное самоуправление в Краснодарском крае осуществляется в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, городских и муниципальных округах (ст. 3). На территории Краснодарского края могут быть созданы особые экономические зоны в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ст. 4) [1].

Социально-экономическое развитие региона характеризуется комплексом показателей. Рассмотрим основные показатели, характеризующие ситуацию в Краснодарском крае в 2023–2024 гг.

По оценке Министерства экономики Краснодарского края, темп роста ВРП (валового регионального продукта) за период январь-ноябрь 2024 г. к аналогичному периоду 2023 г. составит 102,5 %. Оценочные данные отражают некоторое замедление темпов роста данного экономического показателя в сравнении с

показателем январь-ноябрь 2023 г. к аналогичному периоду 2022 г. – 105,0 % [2]. ВРП Краснодарского края достигнет рекордных 5,6 трлн руб. по итогам 2024 года. Об этом сообщил губернатор Кубани Вениамин Кондратьев в ходе прямой линии 4.12.2024 г. [3].

Индекс промышленного производства за период январь-ноябрь 2024 г. к аналогичному периоду 2023 г. составил 96,5 %. Наблюдается снижение динамики объема промышленного производства в регионе, в сравнении с периодом январь-ноябрь 2023 г. к аналогичному периоду 2022 г. – 107,9 % [2].

В сфере производства товаров и услуг оборот организаций за период январь–ноябрь 2024 г. составил 8 524 073,1 млн. руб., данный показатель демонстрирует рост и составляет 115,2 % к аналогичному периоду 2023 г. [4, с. 9]. Этот показатель включает следующие отрасли: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировка и хранение; деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; деятельность профессиональная, научная и техническая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; образование; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; предоставление прочих видов услуг.

К числу положительных тенденций в развитии экономики региона необходимо отнести восстановление отрасли тяжелого станкостроения, утраченной в 90-е годы XX в. С 2023 г. ведется строительство новой производственной площадки ООО «Южный завод тяжелого станкостроения» [5].

Наблюдаются изменения в туристической отрасли. По данным, опубликованным на сайте администрации Краснодарского края, отмечена тенденция роста въездного туристического потока с 13,7 млн. чел. в 2014 г. до 20,1 млн. чел. в 2024 г. Благодаря концепции всесезонного отдыха с 2021 г. в Краснодарском крае сокращается разница сезонных показателей, характеризующих объем турпотока. Так в 2024 г. почти половина турпотока приходится на период зима и межсезонье: 10,5 млн. чел. посетили Краснодарский край в летние месяцы, 9,6 млн. чел. – зимой и в межсезонье [6].

Очевидным представляется постепенное усложнение и фактическая диверсификация экономической структуры региона, а внедрение обновленных концепций и технологий позволяет снизить сезонную поляризацию в отдельных отраслях.

Основные экономические риски определяются спецификой отраслевой структуры края, могут возникать и реализовываться на внутри региональном (дефицит ресурсов, природно-климатические факторы, локальные техногенные факторы, региональные социальные изменения), государственном (состояние экономики в стране, внутренняя политика государства, стабильность социально-политической ситуации) и международном (международная политика, международные санкции и ограничения, военные конфликты) уровнях. К числу таких возможных угроз экономике Краснодарского края можно отнести: дефицит трудовых и финансовых ресурсов, засуха и высокая вероятность лесных пожаров в летний период, наводнения, аварии на объектах энергетической инфраструктуры, снижение уровня жизни и платежеспособности населения, экономические кризисы в стране, военные конфликты и т.п.

Ситуация в социальной сфере определяется социально-демографическими и социально-экономическими показателя: численность и динамика населения, занятость и доходы населения, отношение населения к труду и др.

Динамика демографических показателей вызывает озабоченность. В январе-октябре 2024 г. в Краснодарском крае наблюдалось превышение числа умерших над числом родившихся в 1,4 раза: родилось 43 203 чел., умерло 61 483 чел. [4, с. 103]. В январе-октябре 2023 г. эти показатели составили: число

родившихся 44 089 чел., умерших – 59 699, что больше числа родившихся в 1,3 раза [4, с. 103]. Таким образом, мы видим общую негативную тенденцию показателей естественного движения населения.

При этом отмечается прирост населения за счет миграции. Так в 2024 г. миграционный прирост населения Краснодарского края составил 31 593 чел., из них международных мигрантов – 13 751 чел., в 2023 г. – 32 496 чел., из них международных мигрантов – 7 894 чел. [7, с. 24]. Таким образом, наблюдается рост въездного миграционного потока несмотря на то, что общее направление миграционной политики, проводимой в Краснодарском крае, ориентировано на ограничение потока иностранных мигрантов в регион [8].

По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея за сентябрь – ноябрь 2024 г. численность занятых в экономике Краснодарского края составила 2 871,5 тыс. чел. Численность безработных граждан (по методологии Международной организации труда) – 60,0 тыс. чел. Уровень безработицы (по методологии МОТ) составляет 2,0 % от численности рабочей силы, что на 0,3 процентного пункта ниже среднероссийского показателя (2,3 %).

По состоянию на 1 января 2025 г. численность безработных граждан, зарегистрированных в государственном казенном учреждении Краснодарского края «Центр занятости населения Краснодарского края», составила 6,8 тыс. человек, что на 2,7 тыс. человек или на 28 % меньше, чем на аналогичную дату прошлого года (на 01.01.2024 г. – 9,5 тыс. чел.) [7, с. 26]. Уровень регистрируемой безработицы составил 0,2 % от численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте, что на 0,1 процентного пункта ниже аналогичной даты прошлого года (на 01.01.2024 г. – 0,3 %). Подобные результаты могут свидетельствовать о наличии дефицита рабочей силы в условиях роста производства, усложнения и диверсификации экономической структуры региона.

По оценкам Министерства экономического развития Краснодарского края «Номинальная начисленная среднемесячная зарплата» в период январь-ноябрь 2024 г. составила 65 743 руб.,

темп роста к аналогичному периоду 2023 г. – 119,9 %. Для сравнения в период январь-ноябрь 2023 г. этот показатель составил 54 831 руб., темп роста к аналогичному периоду 2022 г. – 114,8 % [2]. При этом показатель «Номинальная начисленная среднемесячная зарплата в РФ» выше показателя в Краснодарском крае. По данным Росстата по итогам III квартала 2024 г. в РФ он составил 83 891 руб., в ноябре 2024 г. 86 399 руб. [9]. Данная ситуация может привести к снижению привлекательности для граждан рынка труда Краснодарского края в различных отраслях экономики и приведет к росту оттока наиболее востребованных специалистов.

В декабре 2024 г. – январе 2025 г. в Краснодарском крае проведено комплексное социологическое исследование. Выборка составила 6 060 чел. В задачи исследования входили: выявление отношения жителей региона к труду и оценка ими удовлетворенности работой.

Удовлетворенность работой представляет собой комплексную оценку трудовой ситуации, она отражает целый спектр факторов, влияние которых испытывает личность в трудовой деятельности. Удовлетворенность работой оценивалась респондентами по семи показателям. К социально-экономическим показателям относятся: «уровень оплаты труда», «условия труда» и «степень нагрузки и ее интенсивность». К социально-психологическим – «престижность работы», «перспективы карьерного роста», «стиль управления, оценка труда, стимулирование труда» и «психологический климат в коллективе».

Уровнем оплаты труда удовлетворена значительная доля опрошенных – 62,3 % (полностью удовлетворены 24,5 %, в основном удовлетворены 37,8 %), при этом, среди всех показателей здесь наблюдается значимая доля респондентов, неудовлетворенных оплатой труда – 33,7 % опрошенных (в основном не удовлетворены – 23 %, полностью не удовлетворены – 10,7 %). Оценка респондентами экономической составляющей имеющейся работы свидетельствует о наличии дисбаланса между уровнем требований, предъявляемых к сотрудникам, уровнем оплаты труда и зарплатных ожиданий занятого населения в экономике Краснодарского края.

Условиями труда полностью удовлетворены 34,3 % респондентов, в основном удовлетворены 46,2 % (в совокупности удовлетворенность условиями труда характерна для 80,5 % опрошенных).

Удовлетворенность работой по показателю «степень нагрузки и ее интенсивность» демонстрируют 70,4 % опрошенных, они дали положительные оценки (полностью удовлетворены 29,9 %, в основном удовлетворены 40,5 %), доля негативных оценок свойственна почти для четверти опрошенных – 24,1 % (в основном не удовлетворены 15,8 %, полностью не удовлетворены – 8,3 %).

Наличие перспектив карьерного роста отмечают 71,8 % опрошенных (полностью удовлетворены 28,1 %, в основном удовлетворены 43,7 %). Высоко оценивают престижность работы 72,6 % опрошенных (полностью удовлетворены 29,3 %, в основном удовлетворены 43,3 %). Удовлетворены стилем управления, оценкой труда и стимулированием труда 77 % опрошенных (полностью удовлетворены 38,3 %, в основном удовлетворены 38,7 %). Психологическим климатом в коллективе довольны 79,1 % опрошенных (полностью удовлетворены 37,4 %, в основном удовлетворены 41,7 %).

Самым важным в трудовой деятельности респонденты назвали: «Денежное вознаграждение» – 39,2 % опрошенных (2 376 чел.), «Любовь к тому, чем я занимаюсь» – 20 % (1 209 чел.), «Удовлетворение от того, что я приношу пользу, делаю важное дело» – 14,9 % (904 чел.), «Самореализация как профессионала» – 10 % (606 чел.).

В числе наиболее популярных причин, мешающих открыть свой бизнес, респонденты назвали: «недостаток финансовых средств», «нет желания», «неуверенность в себе, в успехе предприятия», «высокие налоги».

По данным исследования выявлено, что жители региона испытывают чувство беспокойства, связанного с состоянием экономики, в т.ч. со сферой труда и занятости. У 30,2 % опрошенных (1 830 чел.) отмечается беспокойство о том, что они не смогут найти работу, которая обеспечит достойный уровень жизни или могут стать безработным; у 16,2 % (980 чел.) – отмечается беспокойство о том, что нейросети и искусственный

интеллект скоро заменят людей, следовательно, они будут испытывать сложности с поиском работы и получения стабильного дохода. К беспокойствам граждан, связанным с состоянием экономики, относиться страх дальнейшего роста цен и дефицита товаров и лекарств, данный вариант ответа выбрали 34,5 % опрошенных (2 090 чел.).

В рамках комплексного социологического исследования в декабре 2024 г. – январе 2025 г. был проведен опросе экспертов, участие в котором приняли 15 экспертов, работающих в органах исполнительной власти региона. Они отмечают наличие такой проблемы, как отток молодых кадров из муниципальных образований Краснодарского края. Проблема имеет среднюю степень выраженности 3,33 балла по шкале от 1 до 5, где 1 – проблема не выражена, 5 – проблема стоит очень остро. Также, эксперты отмечают, что среди запросов у местного населения к властям присутствуют: «Создание рабочих мест для трудоустройства молодежи» и «Программы поддержки молодых специалистов (с целью привлечения молодежи на имеющиеся рабочие места)».

В ходе исследования подтверждена важная роль экономических факторов (занятость и доход) в формировании установки на деторождение. 39,5 % опрошенных (2 394 чел.) считают наличие хорошей работы одним из условий, необходимых для рождения ребенка.

40,2 % (2 436 чел.) оценивают материальное положение своей семьи как трудное, выбирая ответы «не можем свести концы с концами» – 6,7 % (408 чел.) и «денег едва хватает на самое необходимое» – 33,5 % (2 028 чел.). Оценивают материальное положение семьи удовлетворительно, выбирая вариант ответа «экономим, но живем прилично» – 48,9 % опрошенных (2 964 чел.). хорошо оценивают материальное положение своей семьи 10,9 % респондентов (660 чел.), они выбрали варианты ответа «можем многое себе позволить и имеем сбережения» – 9 % (545 чел.), «не отказываем себе ни в чем» – 1,9 % (115 чел.).

К возможным региональным социальным рискам для социально-экономического развития региона можно отнести: сокращение рабочей силы вследствие низкой рождаемости, низкая привлекательность рабочих мест в регионе из-за низких

показателей заработной платы, не соответствующих зарплатным ожиданиям, снижение платежеспособности населения, нехватка специалистов в отдельных отраслях и районах края в связи с оттоком молодых кадров внутри региона и за его пределы и др.

На основе представленного материала, а также с учетом территориального расположения и климатических особенностей Краснодарского края, проведем SWOT-анализ (см. таблицу) с выделением основных региональных рисков в 2024 г. (табл. 1).

Табл. 1 SWOT-анализ социально-экономической ситуации в Краснодарском крае

Сильные стороны	***Слабые стороны***
– диверсифицированная структура экономики региона (в экономике региона присутствуют добывающий и перерабатывающий сектор, сельское хозяйство, туризм и т.д.); – удовлетворительные экономические показатели региона (рост ВРП, рост производства товаров и услуг); – богатые рекреационные ресурсы; – развитая сеть авто и железных дорог, трубопроводного транспорта; – восстановление в структуре экономики региона станкостроительной промышленности (отрасль утрачена в постсоветский период); – программы поддержки населения в сфере труда и занятости; снижение сезонности спроса в туристическом секторе.	– убыль населения (число умерших превышает число родившихся); – отток молодых кадров из муниципальных образований Краснодарского края (средняя степень выраженности проблемы); – номинальная заработная плата в крае ниже уровня в РФ; – близость региона к зоне военного конфликта; – приостановленное авиационное сообщение региона (закрыты аэропорты Краснодар, Геленджик, Анапа) из-за близости к зоне СВО снижает транспортную доступность региона для граждан в сфере туризма, деловых поездок, усложняет логистику движения товаров; – высокая доля семей, оценивающих свое материальное положение как трудное; – изменение климата – жаркое лето, засухи, высокая опасность ландшафтных пожаров.
Возможности	***Риски (угрозы)***
– развитие туризма в горных районах краснодарского края;	– близость к зоне СВО формирует риски военных атак, и как

– развитие узких сегментов туристического сектора (парусный спорт, спортивная рыбная ловля); – создание отрасли переработки бытовых и промышленных отходов в крае (густонаселенный регион).	следствие, человеческих потерь и экономического ущерба; – территориальная близость региона с недружественными государствами; – сезонность части отраслей экономики региона ведет к риску неустойчивости рынка труда, что также подтверждается опросами населения; – дефицит трудовых ресурсов в связи с убылью и старением населения региона и сокращением трудовой миграции (изменения миграционной политики); – дефицит трудовых ресурсов в связи с более низким уровнем оплату труда, чем в других регионах; – экологические угрозы (связанные с судоходством, повышенной опасностью ландшафтных пожаров в летний период и т.д.); – техногенные угрозы (связанные со старением энергетической инфраструктуры в условиях роста объемов производства, плотности населения и высоких температур в летний период).

В заключении отметим, что показатели социально-экономического развития Краснодарского, в целом, демонстрируют положительную динамику: рост экономических показателей, диверсифицированная отраслевая структура экономики, возрождение утраченных отраслей экономики региона. Занятые в экономике преимущественно удовлетворены имеющейся работой.

Необходимо выделить следующие негативные моменты: превышение числа умерших над числом родившихся; средняя выраженность проблемы оттока молодых специалистов из

муниципалитетов региона, низкий уровень показателей номинальной заработной платы.

Краснодарский край отстает по показателям средней номинальной начисленной заработной платы от федеральных показателей. Следовательно, на общероссийском уровне платежеспособность населения Краснодарского края достаточно низкая, что подтверждается результатами опроса: высока доля респондентов, оценивающих материально положение своих семей как трудное – не менее 40 % (не могут свести концы с концами, денег едва хватает на самое необходимое).

Данная ситуация приводит к пониманию наличия региональных рисков для дальнейшего успешного социально-экономического развития региона. Такие риски определяются имеющимся уровнем социально-экономического развития, а также наличием ряда объективных обстоятельств, связанных с территориальным расположением региона и климатическими особенностями.

Список источников

1. Устав Краснодарского края. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1145/ (дата обращения: 15.08.2025).

2. Основные показатели социально-экономического развития Краснодарского края. URL: https://neweconomy.krasnodar.ru/activity/makroekonomika/analiz/kk-v-tsifrakh/329248 (дата обращения: 15.08.2025).

3. Кондратьев сообщил о росте ВРП Кубани до ₽5,6 трлн в 2024 г. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/675022519a7947a825fcd75a (дата обращения: 15.08.2025).

4. Доклад «Социально-экономическое положение Краснодарского края в январе – ноябре 2024 года». URL: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/doclad_11_2024.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

5. Инвестиционный проект: Южно-Российский центр тяжелого станкостроения. URL: https://www.uzts-sedin.com/ (дата обращения: 15.08.2025).

6. Визитка. Туризм. URL: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1140/ (дата обращения: 15.08.2025).

7. Краснодарский край в цифрах. 2024: Краткий стат. сб. Краснодар: Краснодарстат, 2025. 141 с.

8. Постановление Губернатора Краснодарского края № 1005 от 28.12.2022 г. «Об установлении на 2023 год запрета на привлечение

хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Краснодарского края, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2301202301040053?ysclid=mfk0uapja3520346108 (дата обращения: 12.07.2025).

9. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2024 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 12.07.2025).

И. А. Кисленко

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ИНФОРМАЦИОННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНЕРАЦИЯ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта на информационную безопасность России в контексте феномена фейковых новостей. Проанализированы теоретические рамки проблемы – концепция «общества риска», характеристики эпохи постправды, теория симулякров Ж. Бодрийяра и категория когнитивной безопасности. Показано, что развитие генеративного искусственного интеллекта значительно упрощает создание достоверно выглядящих дезинформационных материалов (текста, изображений, видео), что усиливает существующие угрозы для общественного мнения и социальной стабильности. На основе рассмотрения ряда ситуаций (генерация фейковых новостей и дипфейков в современном российском инфопространстве) выявлены риски применения искусственного интеллекта для манипулирования массовым сознанием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, фейковые новости, дипфейк, когнитивная безопасность, постправда, информационная безопасность.

I. A. Kislenko

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON INFORMATION SECURITY IN MODERN RUSSIA: FAKE NEWS GENERATION

Abstract. The article examines the impact of artificial intelligence (AI) technologies on information security in Russia, focusing on the phenomenon of fake news. It analyzes the theoretical framework of the problem – the concept of

«risk society», characteristics of the post-truth era, Jean Baudrillard's theory of simulacra, and the category of cognitive security. It is shown that the development of generative AI significantly simplifies the creation of credible-looking disinformation materials (text, images, video), which amplifies existing threats to public opinion and social stability. Based on a series of cases (generation of fake news and deepfakes in the contemporary Russian information space), the risks of using AI to manipulate mass consciousness are identified.

Keywords: artificial intelligence, fake news, deepfake, cognitive security, post-truth, information security.

Современное общество переживает стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), которое затрагивает все сферы жизни – от экономики до политики и медиа. Наряду с позитивными эффектами ИИ приносит новые риски, особенно в информационной сфере. В концепции «общества риска» У. Бека отмечается, что научно-технический прогресс порождает новые глобальные угрозы и неопределенности [1]. Для России, как и для всего мира, одним из таких новых рисков стал феномен генерации фейковых новостей с помощью ИИ.

Информационная безопасность включает защиту общества от деструктивного воздействия ложной или искажённой информации. В эпоху постправды, когда эмоциональные убеждения и предубеждения порой перевешивают объективные факты [2], распространение неправдивых сведений становится серьезным вызовом. Технологии генеративного ИИ (например, большие языковые модели, системы создания изображений и видео) позволяют автоматически создавать правдоподобный контент, который трудно отличить от подлинного. Это усиливает эффект «симуляции реальности», о котором писал Ж. Бодрийяр: границы между оригиналом и копией размываются [3], а симулякры могут полностью заменить собой реальность в сознании аудитории.

Особую обеспокоенность вызывает влияние подобных технологий на когнитивную безопасность – защищенность когнитивных (умственных) ресурсов общества. Когнитивная безопасность подразумевает защиту граждан от деструктивного информационно-психологического воздействия и сохранение способности общества трезво оценивать информацию [4]. В российской Доктрине информационной безопасности (2016) также

отмечаются угрозы, связанные с манипуляцией общественным сознанием и подрывом традиционных ценностей посредством информационного воздействия. Таким образом, исследование влияния ИИ на распространение фейковых новостей актуально для осмысления новых вызовов и поиска ответов в сфере информационной безопасности.

Понятие «общество риска» введено социологом Ульрихом Беком для описания этапа развития современного социума, в котором производство рисков превалирует над производством благ [1]. В условиях глобализации и технологического прогресса возникают риски нового типа – от экологических до информационных. Распространение фейковых новостей, генерируемых ИИ, можно рассматривать как характерный риск информационного общества. Такие риски трудно поддаются расчету и контролю, они порождают неопределенность и требуют рефлексивного отношения общества к самим основаниям своего развития. Для России, как и для других стран, массовое появление высокореалистичных информационных подделок представляет собой новый фактор риска, способный влиять на социально-политическую обстановку.

Термин «постправда» описывает ситуацию, когда объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем эмоции и личные убеждения [2]. В постправдистском дискурсе границы между истиной и ложью стираются, а общество привыкает к тому, что любая информация может оказаться искаженной. Слово «постправда» получило широкую известность в 2016 году, когда Оксфордский словарь назвал его словом года [2]. Для российской информационной среды характерны те же тренды: политическая поляризация и снижение доверия к источникам информации создают плодородную почву для распространения фейков. ИИ-инструменты усугубляют проблему постправды, позволяя быстро и массово производить убедительные ложные сообщения, которые находят отклик у аудитории, склонной верить эмоционально насыщенной «альтернативной» информации.

Жан Бодрийяр в своей теории симулякров отмечал, что в постмодерне реальность заменяется бесконечным рядом копий без оригинала – симулякров [3]. Появление генеративного ИИ доводит

эту ситуацию до нового уровня: теперь ложные изображения, видео и тексты могут создаваться мгновенно, формируя гиперреальность, в которой фальшивка практически неотличима от подлинника. Например, высококачественный дипфейк может заставить зрителя поверить, что публичная персона сказала или сделала то, чего не было в действительности. Таким образом, нейросети становятся инструментом информационных войн, подменяя факты симулякрами и влияя на восприятие событий частью аудитории.

Концепция когнитивной безопасности появилась на стыке информационной безопасности и психологии. Речь идет о защите коллективного сознания общества, его ценностей и ориентаций от разрушительного влияния извне. Когнитивная безопасность включает противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию и развитие у населения критического мышления. Отечественные исследователи подчеркивают необходимость формировать у граждан своего рода «иммунитет» к дезинформации как условие устойчивости когнитивной сферы [4]. В эпоху, когда ИИ способен массово генерировать правдоподобную ложь, сохранение когнитивной безопасности выходит на первый план и становится важнейшим направлением национальной безопасности.

Бурное развитие технологий генеративного ИИ привело к тому, что создание фейковых новостей и иных информационных «вбросов» существенно автоматизировалось. С помощью больших языковых моделей можно генерировать убедительные тексты, имитирующие стиль журналистских материалов, а алгоритмы вроде GPT способны массово производить контент для социальных сетей (посты, комментарии), продвигающий ту или иную повестку. Кроме того, нейросети для обработки изображений и видео позволяют получать так называемые дипфейки – синтетические медиа, где подлинные лица и голоса людей накладываются на искусственно созданный контекст. Такие технологии уже не теоретическая угроза, они активно используются на практике.

Одним из показательных примеров стало появление весной 2022 года дипфейк-видео, на котором президент Украины призывает украинских военных сложить оружие и сдаться. Это

видео, созданное с помощью искусственного интеллекта и распространившееся через соцсети (в том числе транслировалось в эфире взломанного телеканала), было подделкой [6]. Тем не менее данная ситуация продемонстрировал потенциал ИИ в информационно-психологических операциях. Это указывает на новую реальность ведения информационных войн.

Другой резонансный случай – распространение в мае 2023 года в интернете фотографий взрыва возле здания Пентагона в США. Изображение оказалось сгенерировано нейросетью, однако за то короткое время, пока оно не было опровергнуто, новость успела вызвать кратковременную панику на финансовом рынке. После официального опровержения Пентагона биржевые индексы восстановились, но инцидент подчеркнул обеспокоенность по поводу дезинформации, генерируемой ИИ. Лишь внимательный анализ деталей изображения (неестественные элементы архитектуры и ограждений на фото) позволил экспертам установить его искусственное происхождение [7]. Хотя пример с «взрывом у Пентагона» относится к иностранной сфере, в российском медиапространстве возможны аналогичные случаи, когда сгенерированный ИИ фейк способен влиять на общественные настроения (например, ложные сообщения о чрезвычайных происшествиях или провокационные материалы в период выборов).

Помимо политически мотивированных дезинформационных кампаний, ИИ взяли на вооружение и киберпреступники. В последние два года фиксируются случаи, когда мошенники с помощью нейросетей подделывают голосовые сообщения и телефонные звонки, имитируя голос реального человека. Злоумышленники взламывают аккаунт жертвы в мессенджере, изучают переписку, а затем, сгенерировав аудио от лица знакомого, вступают в диалог. Конечная цель – выманить конфиденциальные данные или деньги. Известен случай, когда таким методом у банка было похищено 35 млн долларов – звонящий, используя дипфейк голоса директора, отдал распоряжение на перевод средств [8]. Для России проблема мошенничества с использованием ИИ особенно актуальна, учитывая масштаб цифровизации банковских услуг и популярность дистанционного общения: новые методы

социального инжиниринга требуют постоянного обновления мер информационной и кибербезопасности.

Таким образом, использование искусственного интеллекта для генерации фейковых новостей и других видов дезинформации создаёт ряд серьезных угроз:

– Подрыв доверия к источникам. Постоянные разоблачения ИИ-подделок могут привести к тому, что аудитория начнёт сомневаться даже в достоверности государственных СМИ. В итоге информационное пространство заполняется шумом, а общество утрачивает общий ориентир в фактах.

– Дестабилизация общественного мнения. Целевые вбросы ложной информации способны расколоть общество, вызвать всплески паники или агрессии. Когда каждый верит в свою «правду», манипулировать массовым сознанием значительно проще.

– Репутационные и политические риски. Фейковые материалы, нацеленные на дискредитацию публичных лиц или институтов, могут влиять на исход выборов, подрывать легитимность власти или провоцировать дипломатические конфликты. Достаточно одного правдоподобного дипфейка, чтобы спровоцировать кризис доверия.

– Прямой ущерб гражданам и организациям. Отдельные люди и компании могут понести финансовые потери из-за мошенничества и распространения слухов, созданных ИИ. Фальшивый голос начальника способен обманом заставить подчинённых совершить перевод средств, а искусственно сгенерированная «новость» о банкротстве – обрушить акции вполне успешной компании.

Перед лицом описанных угроз требуются комплексные меры для защиты информационного пространства и общества от последствий злоупотребления ИИ. Эти меры можно условно разделить на технологические, правовые и социокультурные.

Технологические решения. Противостоять ИИ-генерируемым фейкам помогают сами технологии. Во-первых, разрабатываются системы автоматического обнаружения подделок. Алгоритмы анализируют изображения, видео и аудио на наличие характерных «цифровых отпечатков» генерации ИИ – артефактов, искажений, несоответствия метаданных. Такие

инструменты, нередко основанные на машинном обучении, способны в режиме реального времени помечать подозрительный контент. Во-вторых, развивается подход к аутентификации данных по принципу цифровых водяных знаков – встроенных меток подлинности медиафайла. Российские разработчики предлагают системы, позволяющие отслеживать происхождение и подлинность видеоматериалов [5]. В-третьих, обсуждается создание глобального «слоя доверия» в интернете – инфраструктуры, где каждому опубликованному материалу присваиваются атрибуты достоверности. Такая система (на базе технологий блокчейна и сертификации данных) могла бы вернуть прозрачность и верифицируемость информационной среде.

Регуляторные и правовые меры. Государственная политика играет важную роль в обеспечении информационной безопасности. В России с 2019 года введена административная и уголовная ответственность за умышленное распространение заведомо ложной информации («фейковых новостей»), особенно если это создает угрозу для граждан или порядка. Эти нормы призваны стать сдерживающим фактором для распространителей дезинформации. Однако по мере развития ИИ может потребоваться уточнение законодательства: например, введение запрета на использование дипфейков в политических агитациях или требования явно маркировать контент, созданный искусственным интеллектом. На государственном уровне уже реализуется ряд проектов, позволяющих оперативно выявлять и проверять недостоверные сообщения, распространяемые в социальных сетях и медиа [5]. Подобные медиасканеры, отслеживающие аномальную активность в информационном поле, дают возможность реагировать на вбросы практически в режиме реального времени.

Образовательные и социальные меры. Технологии будут недостаточно эффективны без формирования у общества устойчивости к фейкам. Необходима системная работа по повышению медиаграмотности и развитию критического мышления у граждан. Система образования, СМИ и институты гражданского общества должны совместно просвещать население относительно методов создания дипфейков и других манипуляций. В школах и вузах необходимо ввести занятия по

цифровой гигиене, а для широких слоёв населения проводить информационные кампании через СМИ и социальные сети. Важно обучать аудиторию проверять источники, распознавать эмоционально заряженные ложные сообщения и понимать, что не вся сенсационная «новость» соответствует действительности. Кроме того, необходимо укреплять доверие к авторитетным источникам и экспертам: когда у людей выше базовое доверие к проверенной информации, эффект дезинформации снижается. Стратегия обеспечения когнитивной безопасности должна сочетать просвещение, поддержку качественной журналистики и развитие независимых центров проверки фактов.

Существенную роль играет также международное сотрудничество и обмен лучшими практиками по противодействию дезинформации. Глобальный характер угроз, связанных с ИИ, требует коллективных усилий, и Россия может извлечь пользу из участия в выработке международных норм ответственного использования ИИ при сохранении суверенитета в информационной сфере.

Развитие технологий искусственного интеллекта, особенно генеративных моделей, существенно меняет ландшафт информационной безопасности. С одной стороны, ИИ открывает новые возможности для медиа и коммуникаций, с другой – создаёт беспрецедентные инструменты для производства фейковых новостей и иных форм дезинформации. Теоретические концепции «общества риска», постправды и симулякров позволяют осмыслить эту ситуацию: мы живем в мире, где социальные системы порождают новые риски, правда уступает место комфортным мифам, а граница между реальным и виртуальным размыта. В таких условиях защита когнитивного пространства общества приобретает первостепенное значение.

Основываясь на проведенном анализе, можно сформулировать ряд рекомендаций:

1. Мониторинг и раннее обнаружение угроз. Расширять использование систем ИИ для мониторинга информационного поля и выявления потенциально ложного контента. Вовлечение в эту работу и государственных структур, и интернет-платформ позволит быстрее обнаруживать и пресекать деструктивные вбросы.

2. Развитие технологий аутентификации. Поддерживать внедрение методов подтверждения подлинности информации – цифровых меток, водяных знаков, реестров исходных данных. Контент, помеченный как проверенный и исходящий из достоверного источника, должен визуально выделяться для потребителей.

3. Совершенствование законодательства. Правовые нормы необходимо актуализировать с учётом появления новых техник манипуляции. Необходимо определить на законодательном уровне понятия вроде «дипфейк» и установить ответственность за их злонамеренное использование, а также предусмотреть обязанности для интернет-площадок по противодействию распространению дезинформации.

4. Повышение медиаграмотности населения. Внедрить в образование курсы по информационной безопасности, критическому мышлению, навыкам проверки фактов. Для широкой аудитории реализовывать просветительские проекты, социальную рекламу и тренинги, формирующие культуру ответственного потребления информации.

5. Междисциплинарные исследования. Стимулировать научные исследования на пересечении социологии, ИТ, когнитивистики и права по проблемам влияния ИИ на общественное мнение. Научно обоснованные данные о психологических механизмах доверия в цифровую эпоху помогут совершенствовать стратегии защиты информационного пространства.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности в условиях распространения искусственного интеллекта требует сочетания технологических инноваций, продуманного регулирования и повышения «иммунитета» общества к деструктивной информации. Только одновременная работа по всем направлениям позволит сформировать устойчивую к фейкам цифровую среду, в которой достижения ИИ будут служить созидательным целям, а не подрыву доверия и общественной стабильности.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 105 с.
2. Постправда // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/postpravda-33db1f (дата обращения: 26.05.2025).
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 207 с.
4. Пролегомены когнитивной безопасности: коллект. монография / под ред. И.Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2023. 488 с.
5. Фейки нового поколения: технологии против информационной подделки // SecurityMedia, 28.04.2025. URL: https://securitymedia.org/info/feyki-novogo-pokoleniya-tekhnologii-protiv-informatsionnoy-poddelki.html (дата обращения: 26.05.2025).
6. Cube: Зеленский попал в фейк – дипфейк-видео с призывом сдаться оказалось подделкой // Euronews, 16.03.2022. URL: https://ru.euronews.com/2022/03/16/cube-zelenskiy-fake (дата обращения: 26.05.2025).
7. Взрыв рядом с Пентагоном оказался фейком: фото сгенерировала нейросеть // Московский комсомолец, 23.05.2023. URL: https://www.mk.ru/incident/2023/05/23/vzryv-ryadom-s-pentagonom-okazalsya-feykom-foto-sgenerirovala-neyroset.html (дата обращения: 26.05.2025).
8. Тихонова Н. Не своим голосом: финансовые мошенники освоили технологию дипфейк // Российская газета, 28.02.2024. URL: https://rg.ru/2024/02/28/reg-urfo/ne-svoim-golosom.html (дата обращения: 26.05.2025).

Д. О. Козлов
Научный руководитель Т. А. Рунаев

АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ РИСК: ВЛИЯНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА НОВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается феномен алгоритмического риска как ключевого вызова современному обществу. Автор анализирует, каким образом системы искусственного интеллекта (ИИ), несмотря на декларируемую объективность, воспроизводят и усиливают существующие социальные неравенства, а также создают новые, более сложные для выявления и противодействия формы несправедливости. Исследуются механизмы возникновения предвзятости в алгоритмах на этапах сбора данных, обучения и интерпретации результатов. Особое внимание уделяется таким проявлениям алгоритмической несправедливости, как

дискриминация в кредитовании и трудоустройстве, сегрегация в цифровом пространстве, предвзятость в правоохранительной деятельности и уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: искусственный интеллект, алгоритмический риск, социальная несправедливость, дискриминация, предвзятость данных, цифровое неравенство, этика ИИ, социотехнические системы.

D. O. Kozlov
Scientific supervisor: T. A. Runaev

ALGORITHMIC RISK: THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS ON A NEW FORMS OF SOCIAL INJUSTICE

Abstract: The article examines the phenomenon of algorithmic risk as a key challenge to modern society. The author analyzes how artificial intelligence (AI) systems, despite their declared objectivity, reproduce and reinforce existing social inequalities, as well as create new forms of injustice that are more difficult to identify and counter. The mechanisms of bias in algorithms at the stages of data collection, training, and interpretation of results are investigated. Particular attention is paid to such manifestations of algorithmic injustice as discrimination in lending and employment, segregation in the digital space, and bias in law enforcement and the penal system.

Keywords: artificial intelligence, algorithmic risk, social injustice, discrimination, data bias, digital inequality, ethics of AI, sociotechnical systems.

Цифровая трансформация, пронизывающая все сферы социальной жизни, привнесла не только беспрецедентные возможности для развития, но и новые, латентные формы социальных рисков. Одним из наиболее значимых и парадоксальных из них является «алгоритмический риск» – вероятность причинения вреда или создания несправедливых условий для индивидов и социальных групп вследствие применения систем искусственного интеллекта и автоматизированного принятия решений (ADM –Automated Decision-Making). Парадокс заключается в том, что технологии, изначально позиционируемые как нейтральные, свободные от человеческих предрассудков и эмоций, на практике оказываются мощными катализаторами социальной стратификации и дискриминации.

На сегодняшний день мы видим тотальное проникновение алгоритмов в различные области нашей жизни: от предоставления кредитов и найма на работу до уголовного правосудия и распределения социальных благ. Алгоритмы все чаще выступают в роли «цифровых арбитров», чьи вердикты могут определять жизни индивидов. Однако, мы можем заметить, что эти вердикты далеко не всегда справедливы. Они могут закреплять и усугублять исторически сложившиеся неравенства по признакам расы, пола, возраста, социально-экономического статуса и места жительства.

В современной социологической теории алгоритмический риск рассматривается как разновидность «созданного риска» (manufactured risk). У. Бек утверждает: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [1, с. 98]. Т.е. мы видим, что риски порождаются самим процессом технологического развития. Это не внешний по отношению к обществу риск, а имманентно присущий сложным социотехническим системам, в которых социальные отношения опосредованы и формируются технологиями.

Ключевая особенность алгоритмического риска – это его опосредованный и часто невидимый характер. В отличие от явных форм дискриминации, алгоритмическая несправедливость маскируется под объективность математических расчетов. Решение, принятое «бездушной машиной», воспринимается как более легитимное и обоснованное, что затрудняет его оспаривание. Весь массив информации, который строится на человеческом опыте преобразуется в данные, а поведение управляется через предсказание и модификацию поведения внутри алгоритмов искусственного интеллекта.

Таким образом, алгоритмический риск – это не просто техническая погрешность, а системный феномен, укорененный в социальной структуре. Алгоритмы не создают неравенство «с нуля», но они придают ему новую, цифровую форму, делая его латентным, изощренным и трудным для критики.

Несправедливость алгоритмов не является следствием злого умысла их создателей (хотя и это не исключено), а проистекает из ряда структурных проблем.

Одной из таких проблем является предвзятость данных (Bias in Data). Алгоритмы машинного обучения учатся на исторических данных. Если эти данные отражают существующие в обществе предрассудки и различные практики социальной несправедливости, то алгоритм не только усвоит, но и усилит эти паттерны. Классическим примером является система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемая в США для оценки риска рецидива преступлений. Исследование показало, что алгоритм присваивал чернокожим подсудимым значительно более высокие баллы риска, чем белым, даже при схожих обстоятельствах дел. Это довольно ясно показывается в журналистском расследовании «Machine Bias». Одним из примеров можно выделить двух людей: Бришу Борден (18-ти летнюю девушку) и Вернона Пратера (41-го летнего мужчину). Девушка, была осуждена за мелкие правонарушения до этого, взяла «брошенный» велосипед и была поймана. Пратер был когда-то осужден за вооруженное ограбление, отсидел в тюрьме, после был пойман на краже из магазина. Оба были записаны в программу, но оценка была странной. Борден, чернокожая, был отнесен к группе высокого риска. Пратер, белый, был отнесен к группе с более низким риском [4]. На данном примере мы видим, что алгоритм выучил корреляцию между расой и вероятностью ареста, которая отражает не реальный уровень преступности, а системную предвзятость полицейской системы.

В использовании алгоритмов ИИ существует проблема репрезентативности. Она связана с предыдущей. В чем же состоит эта проблема? Если, данные о какой-либо группе представлены недостаточно или некачественно, алгоритмы будут работать для нее некорректно. Яркий пример – системы распознавания лиц. «В 2018 г. в Китае система распознавания правонарушений оштрафовала Д. Минчжу, когда неправильно приняла ее изображение в рекламе за пешехода. В том же году в США беспилотная машина Uber сбила велосипедистку, не распознав в ней пешехода. А в 2020 г. в России система распознавания лиц в

магазине «Ашан» ошибочно приняла покупателя за преступника» [2. С. 33].

Еще одним риском является выбор и конструкция признаков (Feature Selection). Разработчики алгоритмов сами, на одном из этапов разработки ИИ, определяют, какие переменные (features) использовать для прогноза. Сам выбор этих переменных может быть вызвать риски дискриминации. Например, использование почтового индекса как предиктора кредитоспособности по сути является прокси для расы и дохода, что приводит к «redlining» – цифровой сегрегации, повторяющей исторические практики отказа в услугах жителям «неблагополучных» районов.

Сложность многих современных алгоритмов (особенно глубоких нейросетей) такова, что даже их создатели не всегда могут однозначно объяснить, как именно было принято то или иное решение. Эта непрозрачность делает довольно сложным исследование того, как принималось решение алгоритмом и оспаривание его становится невероятно трудно.

В каких же социальных сферах мы можем найти риски алгоритмической несправедливости в современном обществе?

Одной из таких сфер является экономическая сфера, т.е. кредитование, трудоустройство. Банки и различные компании активно используют алгоритмы для скоринга (автоматизированная система оценки платёжеспособности заёмщика). Люди, которые были отнесены алгоритмом к «группе риска», могут лишиться доступа к кредитам или получить их на менее выгодных условиях, что затрудняет их социальную мобильность и закрепляет бедность.
В кадровой сфере системы подбора персонала, анализирующие резюме, могут автоматически отсеивать кандидатов по дискриминационным признакам (например, пол, возраст), обучаясь на исторических данных о «успешных» сотрудниках, которые нанимались в прошлом.

Другой сферой, которая попадает в риски при использовании алгоритмов являются правоохранительная и судебная системы. Как уже упоминалось, различные прогнозные системы (например, PredPol в США) определяют районы для повышенного внимания полиции, основываясь на исторических данных о преступлениях. Это приводит к избыточному присутствию полиции в бедных

районах, что, в свою очередь, ведет к большему количеству арестов и замыкает порочный круг, «подтверждая» предсказания алгоритма.

И, конечно, мы никуда не можем деться от цифровой сферы. Алгоритмы рекомендательных систем в социальных сетях, видео-сервисах и новостных лентах могут создавать «фильтрующие пузыри», т.е. исключать определенный «недоброкачественный» или «нежелательный» контент, что может способствовать манипуляциям и радикализации идей или событий [3, с. 9]. Такие манипуляции «потребляемой» информацией могут стать инструментом для различных дискриминаций.

Показывая пользователю «отфильтрованный» и «безопасный» контент можно скрывать огромное количество информации, что может привести к непониманию ситуации и ее неправильной трактовке.

Алгоритмы, которые используют поисковые системы могут определять информацию, которая, по мнению ИИ, должна быть интересна для пользователя. Для ее предоставления используются данные о местоположении, которые легко считываются, например, с телефона, история поиска и прочее. На выходе пользователь получает рекламу, информацию, рекомендации, которые могут быть связаны с предыдущими запросами, но не соответствовать желаемому результату или же быть полностью ложными. С помощью такого результата очень легко сделать так чтобы пользователь получал лишь «нужную» информацию, т.е. результат поиска будет состоять из «ближайшей» информации, которая будет предоставлять только «мелкие факты из спортивной жизни или политических знаков препинания, которые на самом деле не потрясают до основания наши схемы, а лишь ощущаются как новая информация» [3, с. 9]. Т.е., под действием алгоритма ИИ, человеку дается только та информация, которая «соответствует» его интересам и «уровню развития». ИИ неспециально может закрывает доступ к различной информации из-за «неправильного» или «неполноценного» понимания человека, что приводит к, в некотором роде, дискриминации.

Чем глубже алгоритмы искусственного интеллекта проникают в социальные институты, тем очевиднее становятся системные риски порождаемой ими новой формы

несправедливости. Это, однако, не является призывом к сворачиванию технологического прогресса. Напротив, это означает, что ключевой задачей общества становится срочное формирование четких нормативных и этических рамок, регулирующих как разработку, так и применение алгоритмических систем.

Понимание механизмов алгоритмической дискриминации и поиск путей ее преодоления остаются новыми и недостаточно изученными областями знания. Алгоритмическая справедливость не может быть сведена к простому бинарному коду «правильно или нет». Заложение в алгоритм абстрактных этических принципов не исчерпывает проблему, так как сама несправедливость зачастую коренится в данных и социальном контексте, а не в коде.

Таким образом, проблема алгоритмического риска является не только технической задачей «обучения» ИИ этике, но и фундаментально социальной проблемой – проблемой ответственного использования этой технологии человеком. Поиск решений – это сложная и многогранная работа. Последовательное формулирование и внедрение различных решений позволит не только минимизировать цифровые угрозы, но и в конечном итоге усовершенствовать сами социальные нормы, направив общество к более справедливым моделям взаимодействия с технологиями.

Список источников

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 24–48.

3. Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192.

4. Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., Kirchner, L. Machine Bias // ProPublica. 2016. URL: https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing

Г. Е. Концевич

ДЕВИАНТНОЕ И ДЕЛИНКВЕНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР РИСКОГЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Девиантное и делинквентное поведение молодежи представляет собой значимую проблему для российского общества. Эти явления оказывают существенное влияние на социальную стабильность и безопасность, создавая риски для развития общества в целом. В условиях современной России, где социально-экономическая нестабильность и культурные трансформации оказывают давление на молодежь, важно понимать причины и последствия таких форм поведения. Анализ этих вопросов позволяет выявить ключевые факторы риска и разработать эффективные меры для их минимизации.

Ключевые слова: девиантное поведение, делинквентное поведения, общество, риски, молодежь.

G. E. Kontsevich

DEVIANT AND DELINQUENT BEHAVIOR OF YOUTH AS A RISK FACTOR IN RUSSIAN SOCIETY

Abstract. Deviant and delinquent behavior of young people is a significant problem for Russian society. These phenomena have a significant impact on social stability and security, creating risks for the development of society as a whole. In modern Russia, where socio-economic instability and cultural transformations put pressure on young people, it is important to understand the causes and consequences of such behaviors. The analysis of these issues makes it possible to identify key risk factors and develop effective measures to minimize them.

Keywords: deviant behavior, delinquent behavior, society, risks, youth.

Исследование Института социологии РАН показывает, что около 30% молодежи в России сталкивались с ситуациями, когда их поведение не соответствовало общественным ожиданиям. Это подчеркивает важность анализа девиантного поведения в контексте молодежной среды, где социальные нормы могут быть пересмотрены или отвергнуты. В статье отмечается, что «анализируются проблемы девиантного поведения молодёжи в современной России, его причины, связанные с упадком воспитания в российской школе» [1]. Важно учитывать, что

образовательная система играет ключевую роль в формировании социальных норм и ценностей среди молодежи, а также в том, как они воспринимают и реагируют на общественные ожидания.

Согласно классификации А. Коэна, девиантное поведение может быть индивидуальным или групповым. Индивидуальное девиантное поведение связано с личными мотивами, тогда как групповое часто формируется в рамках молодежных субкультур, где нормы группы могут противоречить общественным. По данным Росстата, в 2020 г. около 15 % подростков в России были вовлечены в формы девиантного поведения, такие как вандализм и мелкие правонарушения. Это подчеркивает необходимость разработки мер, направленных на предотвращение подобных явлений.

Делинквентное поведение отличается от девиантного своей противоправной природой. В соответствии с Уголовным кодексом РФ, оно включает действия, нарушающие закон, такие как кражи, хулиганство и насилие. В психологической литературе делинквентность рассматривается как любое поведение, нарушающее нормы общественного порядка, что подчеркивает её связь с противоправным поведением в целом [2].

Делинквентное поведение классифицируется на преступления против личности, собственности и общественного порядка. Например, преступления против собственности, такие как кражи, составляют значительную часть всех правонарушений, совершенных подростками. Примером делинквентного поведения является участие подростков в кражах, которые составляют около 60 % всех преступлений, совершенных несовершеннолетними в 2020 году. Это подчеркивает необходимость профилактических мер, направленных на снижение уровня преступности среди молодежи.

Социальные условия играют ключевую роль в формировании девиантного поведения молодежи. Исследования показывают, что уровень бедности среди молодежи в России, который составил 12 % в 2020 г., является значительным фактором, способствующим социальной напряженности и девиантному поведению [3]. Молодые люди, сталкивающиеся с финансовыми трудностями, часто испытывают чувство несправедливости и социальной изоляции, что может привести к отклонениям в

поведении. Кроме того, проживание в районах с высоким уровнем преступности также оказывает значительное влияние на формирование девиантного поведения. Социологические исследования подтверждают, что молодые люди из таких районов на 30 % чаще вовлечены в противоправные действия по сравнению с их сверстниками из благополучных районов [4]. Таким образом, социальная среда, в которой растет молодежь, оказывает прямое воздействие на их поведение.

Индивидуальные факторы также играют важную роль в развитии девиантного поведения среди молодежи. Низкий уровень эмоционального интеллекта, который наблюдается у 15 % молодых людей, может способствовать агрессивному поведению и неспособности справляться с конфликтными ситуациями. Эти особенности часто приводят к девиантным проявлениям. Кроме того, психологическая травма, вызванная неблагоприятной семейной обстановкой, также является значимым фактором. По данным психологов, у 60 % подростков с девиантным поведением выявлены признаки таких травм. Неблагоприятные семейные условия, такие как насилие, игнорирование или отсутствие эмоциональной поддержки, создают предпосылки для формирования отклоняющегося поведения. Эти индивидуальные факторы, в сочетании с внешними социальными условиями, усиливают риск девиантного поведения у молодежи.

Социальные аспекты девиантного поведения молодежи представляют собой совокупность факторов, связанных с социальными условиями и взаимодействием индивидов в обществе. По данным Росстата за 2022 г., молодежь в возрасте 14–30 лет совершает около 25 % от общего числа зарегистрированных преступлений в России, что подчеркивает значительное влияние социальных условий на формирование девиантного поведения. Исследования социологов, таких как Л.А. Антонова, показывают, что низкий уровень дохода, безработица и ограниченные возможности для самореализации являются ключевыми факторами, способствующими девиантному поведению, включая преступность и наркоманию. Вместе с тем, семья, как основная ячейка общества, играет важную роль в формировании социально-профессиональной ориентации и жизненных стратегий человека [5]. Социальная нестабильность и неравенство создают

предпосылки для формирования у молодежи антисоциальных установок, что требует комплексного подхода к решению данной проблемы.

Психологические аспекты девиантного поведения молодежи обусловлены особенностями эмоциональной и личностной сфер индивидов. Психологические исследования показывают, что около 60 % молодых людей, совершивших правонарушения, имеют нарушения в эмоциональной сфере, такие как повышенная агрессивность или тревожность. Работы психологов, таких как А. Е. Личко, отмечают, что акцентуации характера, особенно гипертимный и истероидный типы личности, значительно повышают склонность подростков к рискованным и антисоциальным действиям. Эти особенности личности, в сочетании с неблагоприятными социальными условиями, усиливают вероятность девиантного поведения, что требует комплексного подхода к профилактике и коррекции.

Девиантное поведение молодежи оказывает значительное влияние на социальную и экономическую стабильность общества. Согласно данным Росстата за 2020 г., ежегодные затраты на ликвидацию последствий преступлений, связанных с молодежной преступностью, составляют около 100 млрд. р. [6]. Эти расходы включают финансирование правоохранительных органов, судебных процессов и работу исправительных учреждений. Кроме того, высокий уровень девиантного поведения среди молодежи способствует увеличению социальной напряженности, что подтверждается ростом числа конфликтов в образовательных учреждениях и на рабочих местах, как отмечается в исследовании Института социологии РАН [7]. Таким образом, девиантное поведение не только создает непосредственные экономические издержки, но и подрывает социальную гармонию.

Девиантное поведение молодежи оказывает значительное воздействие на общественную безопасность и сохранение культурных ценностей. По данным МВД России за 2021 г., более 60 % всех преступлений в стране совершается лицами в возрасте до 30 лет, что подчеркивает влияние молодежной преступности на уровень общественной безопасности [8]. При этом формы девиантного поведения, такие как вандализм и употребление наркотиков, наносят ущерб культурным объектам и традициям,

что подтверждается увеличением числа случаев порчи памятников культуры и исторических зданий. Кроме того, уровень безопасности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе остается недостаточным. Наблюдается также активная вербовка молодежи в радикальные религиозные и экстремистские организации. Таким образом, девиантное поведение молодежи угрожает как физической безопасности граждан, так и сохранению культурного наследия.

Для анализа тенденций и закономерностей девиантного поведения часто применяется статистический анализ, который помогает обобщать данные и выявлять изменения в динамике поведения. Согласно данным Росстата за 2020 г., уровень подростковой преступности снизился на 5 % по сравнению с 2019 г., что может указывать на позитивные изменения в социальной политике и профилактических мерах. В этом контексте «социологические методы исследования позволяют отслеживать тенденции и противоречия в организации профилактической работы с несовершеннолетними, обобщать и транслировать позитивный опыт по преодолению девиаций в среде несовершеннолетних» [9].

Социокультурный подход акцентирует внимание на влиянии социальной среды на формирование девиантного поведения. В России проведенные исследования выявили значительное воздействие социально-экономического положения семьи на поведение подростков, что подчеркивает важность окружающей среды и условий жизни в этом процессе.

Метод интервьюирования оказался особенно эффективным в российских школах для выявления причин буллинга среди подростков, поскольку он позволяет глубже понять индивидуальные переживания и социальные факторы, способствующие девиантному поведению. В этом контексте важно отметить, что «цель исследования – обосновать психолого-акмеологические и педагогические особенности профилактики и коррекции делинквентного поведения юношей допризывного возраста» [10]. Таким образом, интервьюирование не только помогает выявить конкретные случаи буллинга, но и способствует разработке эффективных программ профилактики и коррекции поведения, учитывающих различные аспекты проблемы.

Анализ статистических данных представляет собой важный этап в изучении девиантного поведения молодежи, так как он позволяет оценить масштабы проблемы и выявить основные тенденции. По данным МВД России, в 2020 г. было зарегистрировано более 30 тысяч преступлений, совершенных несовершеннолетними. Эти цифры указывают на значительный уровень противоправной активности среди молодежи, что требует внимательного подхода со стороны общества и государственных органов. В контексте борьбы с девиантным поведением молодежи стоит рассмотреть опыт других стран. Например, «целью диссертационного исследования является изучение особенностей государственной политики Японии в сфере борьбы с девиантным поведением молодежи после экономического кризиса 1990 года» [10]. Этот пример подчеркивает необходимость комплексного анализа различных факторов, влияющих на девиантное поведение, что может оказаться полезным для разработки эффективных стратегий в других странах.

Согласно исследованию Фонда Общественного Мнения, 60 % молодежи сталкивались с кибербуллингом, что негативно сказывается на их психическом здоровье и социальной адаптации. Это делает проблему особенно актуальной для изучения и профилактики. Вместе с тем, «обострилась проблема оторванности сельских детей и молодежи от культурных центров, музеев, театров, выставок. Сегодня единственное «окно в мир» – телевизор, который заменил и учебную аудиторию, и кинотеатр, и экскурсионные поездки, и клубы общения» [11]. Важно отметить, что кибербуллинг и культурная изоляция являются взаимосвязанными явлениями, что требует комплексного подхода к их решению.

Ключевыми факторами риска, способствующими девиантному поведению молодежи, являются неблагоприятная семейная среда, низкий уровень образования и бедность. Эти факторы создают условия, которые могут способствовать формированию противоправного поведения. Согласно докладу ЮНИСЕФ, 20 % российских детей живут в условиях бедности, что значительно увеличивает вероятность девиантного поведения [12]. Бедность ограничивает доступ к качественному образованию и досугу, что может привести к асоциальным действиям.

Психологические исследования показывают, что подростки из неблагополучных семей в три раза чаще совершают правонарушения, чем их сверстники из благополучных семей. Это подчеркивает важность работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации. Социальные сети также оказывают значительное влияние на формирование девиантного поведения. Исследования показывают, что чрезмерное использование социальных сетей может способствовать развитию агрессивного и асоциального поведения. Кроме того, экономические кризисы увеличивают уровень стресса в семьях, что негативно сказывается на поведении молодежи. Высокий уровень стресса может стать катализатором девиантных действий, особенно в условиях отсутствия поддержки и ресурсов.

При анализе факторов, способствующих девиантному поведению молодежи, следует выделить значительное влияние социальных и экономических условий. Согласно данным Росстата за 2020 год, уровень преступности среди несовершеннолетних составил 1,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений, что подчеркивает актуальность проблемы. Социальное неравенство и низкий уровень доходов семей являются одними из ключевых факторов, влияющих на формирование девиантного поведения. Исследование Центра изучения общественного мнения в 2019 году показало, что 45 % подростков, вовлеченных в противоправную деятельность, происходят из семей с низким уровнем дохода. Эти данные указывают на необходимость адресной поддержки семей и создания условий для социального равенства, что может существенно снизить риск девиантного поведения среди молодежи.

Разработка мер и стратегий профилактики девиантного поведения молодежи требует комплексного подхода, включающего образовательные, психологические и социальные аспекты. В 2021 году в рамках программы 'Безопасное детство' было реализовано более 200 региональных проектов, направленных на профилактику девиантного поведения среди подростков, что привело к снижению уровня правонарушений на 12 %. Кроме того, проект «Школьный психолог», реализуемый в Москве с 2018 года, охватил более 300 школ и помог

предотвратить более 500 случаев агрессивного поведения среди учеников [13]. Эти примеры демонстрируют важность внедрения программ, направленных на поддержку молодежи, развитие их социальных и эмоциональных навыков, а также создание благоприятной образовательной среды.

Создание благоприятной социальной среды для молодежи является важным шагом в снижении рисков девиантного поведения. Согласно данным Росстата, в 2020 году доля молодежи, вовлеченной в преступную деятельность, составила 17 % от общего числа лиц, совершивших преступления. Это подчеркивает необходимость разработки и внедрения профилактических мер. Одним из эффективных подходов является развитие молодежных центров, которые предоставляют возможности для образования, творчества и активного досуга. Программы, такие как проект «Молодежь России», показали свою эффективность в снижении уровня девиантного поведения среди подростков в регионах, где они активно внедрялись. Эти центры способствуют социализации молодежи, укреплению их моральных и этических ценностей. Помимо этого, значимую роль играют спортивные и культурные мероприятия. Исследования социологов демонстрируют, что вовлечение молодежи в такие активности снижает риск девиантного поведения на 25 % [14]. Организация доступных спортивных секций, кружков по интересам и культурных мероприятий может стать мощным инструментом профилактики. Важно также учитывать социально-экономические аспекты, обеспечивая доступность таких мероприятий для всех слоев населения. Таким образом, комплексный подход, включающий развитие инфраструктуры, поддержку инициатив и вовлечение молодежи в активную социальную жизнь, является ключевым в создании безопасной и благоприятной социальной среды.

Проведенное исследование подтвердило, что девиантное и делинквентное поведение молодежи представляет собой значительный фактор риска для российского общества. Анализ показал, что эти формы поведения обусловлены сочетанием социальных, экономических и психологических факторов, включая неблагоприятную семейную обстановку, недостаток образовательных и трудовых возможностей, а также влияние

неблагополучной социальной среды. Последствия девиантного поведения молодежи проявляются в виде угрозы общественной стабильности, увеличения социальной напряженности и экономических затрат на устранение последствий правонарушений. Важно отметить, что данные явления требуют комплексного подхода, включающего как профилактику, так и реабилитацию. Для снижения уровня девиантного и делинквентного поведения среди молодежи рекомендуется разработка и внедрение программ, направленных на поддержку семей, улучшение образовательной и трудовой среды, а также популяризацию здорового образа жизни. Важным аспектом является укрепление взаимодействия между государственными структурами, образовательными учреждениями и общественными организациями для создания безопасной и поддерживающей среды для молодежи.

Список источников

1. Лопуха А.А., Лопуха А.Д. Девиантное поведение современной молодёжи и его социально-педагогическая профилактика // ЦИТИСЭ. 2020. № 2 (24). С. 95–96.

2. Наука, образование и инновации: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. 5 марта 2017 г. Волгоград: НИЦ АЭТЕРНА, 2017. 236 с.

3. Бровко Е.И. Психолого-акмеологические и педагогические особенности профилактики и коррекции делинквентного поведения юношей допризывного возраста: автореф. дис. … канд. псих. наук: 19.00.13. М., 2004. 28 с.

4. Саламатина И.И. Ресоциализация делинквентных групп несовершеннолетних (на материале США и Англии): автореф. дис. … д–ра пед. наук: 13.00.01. М., 2007. 39 с.

5. Локтионова С.О. Институт семьи как фактор, влияющий на жизненные стратегии саратовской молодежи. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7208/uid58502_report.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

6. Сударчикова Л.Г. К проблеме коррекции девиантного поведения подростков. URL: http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/559/1/3643-3648.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

7. Раднагуруев Б.Б. Феномен девиантного поведения молодежи: психологический и социологический взгляд // Живая психология. 2017. Т. 4. № 1. С. 25–32.

8. Сыроквашина К.В. Полоролевая идентичность у подростков с делинквентным поведением: автореф. дис. … канд. псих. наук: 19.00.13 М., 2007. 22 с.

9. Макаренкова Н.Ю. Социальное взаимодействие субъектов профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в современной России: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04. Волгоград, 2013. 27 с.

10. Латыпов С.Р. Государственная политика Японии в сфере борьбы с девиантным поведением молодежи: 1990-2008 гг.: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 23.00.02. Саратов, 2009. 20 с.

11. Каган В.Е. Эпидемия детского аутизма? // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2003. № 1. С. 7–10.

12. Романова Е.Н. Направления и принципы построения программ превенции делинквентного поведения учащейся молодежи в США // Педагогический журнал. 2016. № 3. С. 69–77.

13. Лилюхин А.М. Аддиктивное поведение российской молодежи: условия формирования, особенности стратегии и практик: автореф. дис. … канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 35 с.

14. Плескачева Н.М., Мелихова М.М., Лемешко Е.В. Причины и условия делинквентного поведения несовершеннолетних // Новости медико-биологических наук. 2023. Т. 23. № 3. С. 201–205.

А. А. Кочкин

МИКРОСОЦИИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК СЛЕДОВАТЕЛЕЙ ОВД: ОЦЕНКИ И РИСКИ

Аннотация. Деятельность следователя органов внутренних дел имеет двойственный характер. С одной стороны, она детерминирована нормами действующего уголовно-процессуального закона и требованиями нормативных правовых актов МВД России, с другой стороны, в следственных подразделениях формируются собственные представления о должном поведении, которые транслируются посредством неформальных практик. В настоящей статье исследуются вопросы, связанные с природой неформальных практик с точки зрения микросоциологической парадигмы, и посредством анкетирования и полуструктурированных интервью определяется уровень вовлеченности сотрудников следствия Краснодарского края в целях уточнения возможных рисков такого рода действий.

Ключевые слова: неформальные практики, микросоциология, следователи ОВД, деятельность, социальные отношения, МВД России.

A. A. Kochkin

THE MICROSOCIOLOGICAL ASPECT OF THE INFORMAL PRACTICES OF POLICE INVESTIGATORS: ASSESSMENTS AND RISKS

Abstract. The activity of an investigator of the internal affairs bodies has a dual character. On the one hand, it is determined by the norms of the current criminal procedure law and the requirements of the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, on the other hand, investigative units form their own ideas about proper behavior, which are transmitted through informal practices. This article examines issues related to the nature of informal practices from the point of view of the microsociological paradigm, and through questionnaires and semi-structured interviews, the level of involvement of investigative staff in the Krasnodar Territory is determined in order to clarify the possible risks of such actions.

Keywords: informal practices, microsociology, police investigators, activities, social relations, Ministry of Internal Affairs of Russia.

Деятельность следователей органов внутренних дел представляет собой неоднозначное социальное явление, что обусловлено несколькими факторами. Первым из них является то, что профессиональная и повседневная (бытовая) [1] деятельность сотрудников следствия в значительной степени обусловлено требованиями положений действующих нормативных правовых актов. При чем необходимость соблюдать законные и подзаконные акты не только охватывает поведенческие особенности сотрудника как в рабочие, так и не в рабочее время [2], но требует от сотрудника следственных подразделений системы МВД России неукоснительного соблюдения дополнительных правовых норм, определяющих содержание его работы. Иными словами, помимо базовых обязанностей, указанных в Конституции РФ [3], сотрудники должны неукоснительно следовать уголовно-процессуальному закону (статья 38 УПК РФ) [4] и правовым актам МВД России: в противном случае они могут быть привлечен к дисциплинарной или уголовной ответственности.

Несмотря на то, что от процессуально принятых решений следователя ОВД может зависит дальнейшая судьба человека, сфера его профессиональной деятельности и быт во многом

базируется на неформальных практиках, что является второй отличительной особенностью паттернов поведения государственного служащего указанной категории. В этой связи могут возникнуть риски нарушения профессиональной этики и действующего законодательства, однако не стоит полагать, что неформальные практики по своей природе являются исключительно негативным социальным явлением, то есть проявляются в форме делинквентных практик.

В настоящем исследовании под неформальными практиками понимаются нерефлексивные повседневные повторяющиеся паттерны поведения, необходимость совершать которые возникает у сотрудника для решения рутинных рабочих, оперативно-служебных и иных задач, однако особенности реализации которых не охватываются требованиями действующих положений нормативных правовых актов или прямо противоречат им [5]. То есть во многом специфика понимания таких действий становится возможна с позиции микросоциологической парадигмы. Сторонники символического интеракционизма, теории фреймов и этнометодологии полагали, что практики выступают в качестве важнейшего элемента социального конструктивизма [6].

Например, Герберт Блумер, анализируя теоретико-методологические идеи Дж. Мида, утверждал, что индивид в социальной интеракции выступает в качестве того, кто определяет значение объекта социальной реальности. Во-первых, он (индивид) в ходе социальной деятельности понимает и указывает на то, что имеет важность для него как субъекта социальных отношений. Во-вторых, значение этих вещей не имеет предустановленного социально-онтологического статуса. То есть объекты социального мира в ходе деятельности конкретного актора могут иметь дополнительное или отличное значение от тех же самых объектов, ради которых возникают иные практики. В этой связи Г. Блумер пишет, что «во всех этих случаях он (то есть индивид – примечание мое А.А.) выступает для себя объектом и действует в отношении себя и направляет свои действия в отношении других исходя из того, какого рода объектом он выступает для себя» [7, с. 52]. Помимо того, что актор в концепции Г. Блумера является сам для себя социальным объектом, его

теория показывает, что практики человека задают контекст ситуации, а не ситуация диктует ему, как следует поступать. «Социальный процесс групповой жизни порождает и поддерживает правила, а не правила порождают и поддерживают групповую жизнь», – утверждает Г. Блумер [7, с. 61].

В практической плоскости данные тезисы апробирует Говард Беккер, который изучает поведенческие особенности закрытых девиантных групп, а именно потребителей марихуаны и джазовых музыкантов [8]. В ходе исследования Г. Беккер приходит к выводу о том, что собственные правила указанных групп обладают для них большей релевантностью, чем правовые нормы. Вывод кажется очевидным, однако это позволяет прийти к тезису о том, что разница между правомерным поведением и отличным от него заключается в возможности вербальной и невербальной дегуманизации [9]. По этой причине Г. Беккер приходит к мысли о том, что «девиант – это человек, на которого удалось наклеить соответствующий ярлык; девиантное поведение – это поведение, к которому люди применяют данный ярлык» [8, с. 29].

Эрвин Гоффман, один из основоположников фрейм-анализа, в своей работе «Тотальные институты» [10] продолжает развивать идею релевантности групповых правил, наблюдая за поведением душевнобольных и медицинского персонала в психиатрической больнице св. Елизаветы в пригороде Вашингтона. В ходе наблюдений Э. Гоффман приходит к умозаключению, согласно которому неформальные практики, возникающие в среде пациентов, имеют преимущественное значение для идентификации в качестве «своих». Данный феномен получил название «фратернализация», означающий, что «социально далекие друг от друга люди начинают оказывать друг другу поддержку и создают контрмораль в противовес системе, которая заставила их сблизиться и связала в единое эгалитарное сообщество судьбы» [10, с. 84]. Таким образом, неформальные практики имеют идентификационное значение, которое подтверждает социальный статус человека в его среде.

Этнометодология, как наиболее радикальное направление в микросоциологии в части оценки влияния практик индивидов на социальную реальность, демонстрирует, что фактически социальная коммуникация строится на учете контекстов

проистекающих событий, которые воспроизводятся индивидами посредством неформальных практик, создающих узнаваемых повторяющие ситуации. Гарольд Гарфинкель, основатель этнометодологии, в этой связи поясняет: «Часто из поля зрения, выпадают социально стандартизованные и стандартизирующие, «увиденные, но не замеченные», ожидаемые, фоновые черты повседневных сцен. Член общества использует фоновые ожидания как схему интерпретации. Благодаря их использованию реальные явления становятся для него узнаваемыми и понятными как явления-знакомых-событий. Очевидно, что он реагирует на этот фон, хотя в то же самое время он затрудняется сказать конкретно, из чего состоят ожидания» [11, с. 47]. Поэтому можно сказать, что неформальные практики создают в следственной деятельности привычные рабочие повседневные воспроизводимые социальные ситуации.

Сравнительный анализ микросоциологических теорий дает возможность понять, что неформальные практики характерны для социальной деятельности индивидов, в значительной степени влияют на организацию отношений в коллективе и уточнение социально-ролевого статуса человека.

В ходе проведение анкетирования в органах предварительного следствия на территории Краснодарского края (N=611) в период с апреля по декабрь 2024 года (метод выборки – снежный ком) удалось установить, что неформальные практики играют существенную роль в деятельность следователей ОВД. Например, 32 % опрошенных сотрудника пояснили, что часто прибегают в своей деятельности к неформальным практикам (рис. 1).

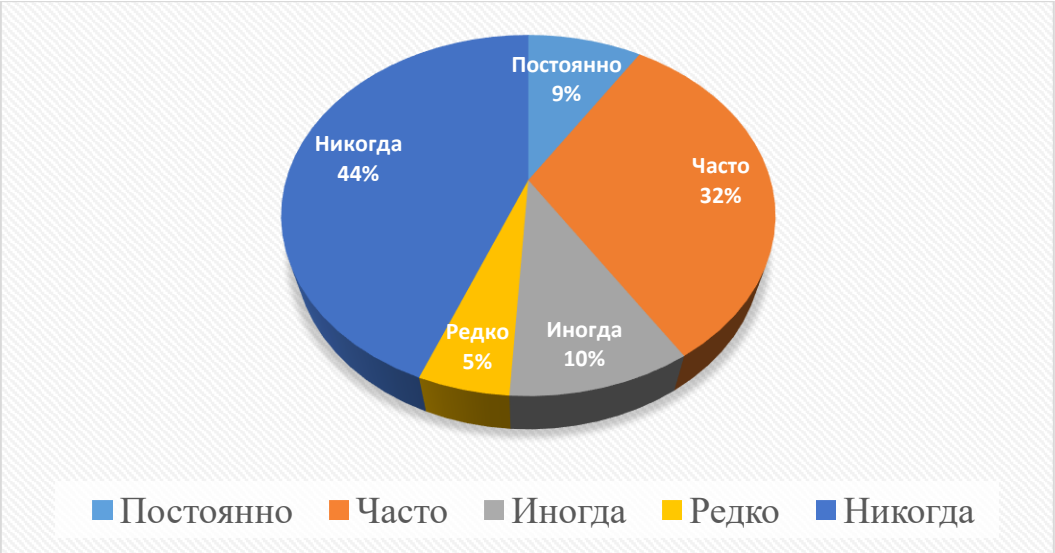

Рис. 1 – Частотность совершения неформальных практик следователями ОВД

При этом, что интересно отметить, большая часть сотрудников совершает повседневные (бытовые) практики вроде курения в рабочее время. Преступленные действия в виде коррупции (как показал опрос) являются менее востребованной практикой (рис. 2).

Рис. 2 – Виды неформальных практик следователей ОВД

Важно обратить внимание на то, что опрошенные следователи на вопрос относительно мотивов совершения неформальных практик предпочли воздержаться от ответа. 17 % респондентов пояснили, что в большей степени на совершение неформальных практик их подталкивает служебная необходимость (рис. 3) при том условии, что большая часть практик относится к повседневным.

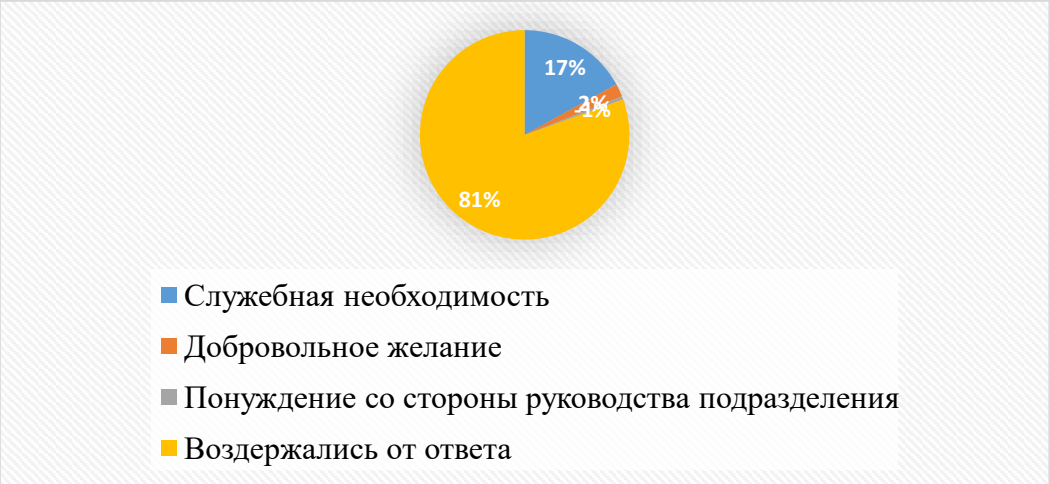

Рис. 3 – Мотивы неформальных практик следователей ОВД

Нельзя не обратить внимание на то, что, как показали результаты анкетирования, следователи в большей степени негативно оценивают влияние неформальных практик на результаты работы, и только 5 % респондентов пояснили, что такие действия положительно сказываются на работе (рис. 4).

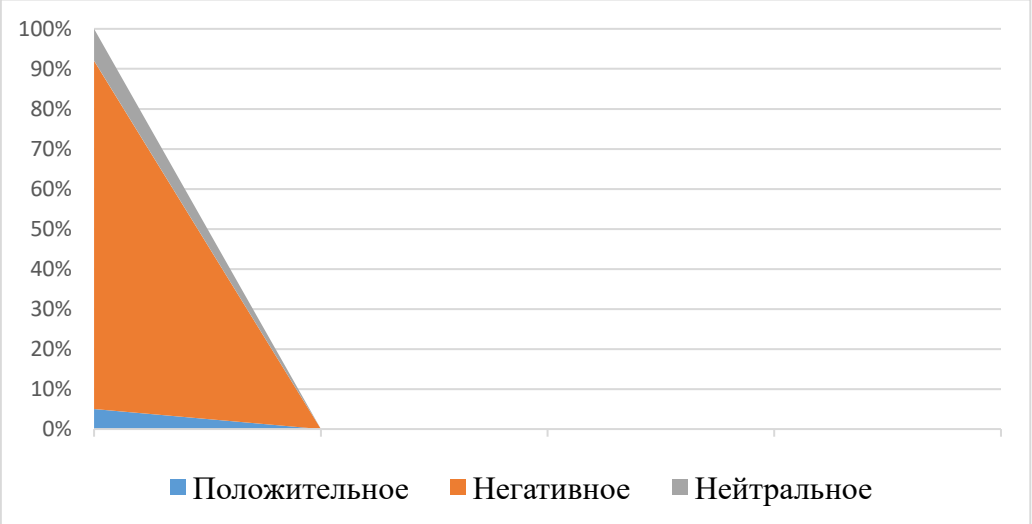

Рис. 4 – Влияние неформальных практик на работу респондентов

Однако эти данные не в полной мере подтверждаются сведениями, полученными в ходе полуструктурированных интервью следователей ОВД Краснодарского края. Из 20 опрошенных следователей, 11 пояснили, что такие действия являются средством облегчения процессуально-правовых решений, 13 сотрудников, что неформальные практики составляют существенную часть деятельности, а 17 отметили, что неформальные практики положительно влияют на работу. По мнению сотрудников крайне трудно выполнить весь объем работы в точности соблюдая требования уголовно-прессовального закона. Один из следователей пояснил следующее относительно практической значимости неформальных практик: «Да о чем вообще речь? На каждой, абсолютно на каждой планерке, утром и вечером, говорят про перспективу. Ну, что вы тогда хотите? Понятное дело, вроде никто не предлагает тебе идти в обход УПК, но я тогда, честно говоря, не очень представляю себе, что должен делать следователь, чтобы вот прям все четко и правильно сделать по делу. Народ уже и так на работу тащит раскладушки, на креслах спит с детьми. Что дальше?..»

Подводя итог, следует сказать, что в настоящей работе представлена лишь часть полученных данных в ходе масштабных эмпирических исследований. Однако результаты теоретического анализа и полевых исследований позволяют сделать вывод о том, что неформальные практики являются неотъемлемой частью деятельности следователей ОВД. Несмотря на то, что их работа в существенной степени детерминирована нормами права, действия, которые либо противоречат, либо не уточнены в нормативных правовых актах, не могут игнорироваться следователями ОВД. Сотрудники следственных подразделений системы МВД России выступают в первую очередь как участники социальных отношений, а уже затем – в роле «бюрократического аппарата» восстановления социальной справедливости. Даже во втором случае, как показали результаты исследования, достижение поставленных целей маловероятно без неформальных практик. Риски же эскалации таких практик в виде преступных действий возможны, но сотрудники вполне отдают отчет последствиям, которые могут возникнут в случае установления таких фактов. Поэтому есть основания полагать, что

неформальные практики – эффективной способ организации следственной работы, не гарантирующий возможность совершения противоправных деяний.

Список источников

1. Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 // СПС «Гарант-образование».

2. Кочкин А.А. Неформальные социальные практики на примере деятельности следователей ОВД // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10(126). С. 23–28. DOI: 10.24158/spp.2024.10.2. EDN: VNYWHT.

3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Гарант-образование».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (УПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант-образование».

5. Кубякин Е.О., Кочкин А.А. К вопросу об интерпретации социальных повседневных практик индивида в контексте дихотомии «субъект-объект»: от антропологии к социологии повседневности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 2 (18). С. 81–89. EDN: AKDNUC.

6. Бондаренко Р.А., Кочкин А.А. Неформальные практики как элемент социального конструктивизма // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2025. № 2 (109). С. 30-39. EDN: JTUMMO.

7. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с.

8. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.

9. Лушников Д.А. Вертикальная дегуманизация в социальной структуре как механизм внутреннего раскола общества в ситуации информационной войны // Университетская наука – региону : Материалы X-й (67) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 01–30 апреля 2023 года. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2023. С. 320. EDN: IKBSCO.

10. Гоффман Э. Тотальные институты: очерки о социальной ситуации психических больных пациентов и прочих постояльцев закрытых

учреждений; Пер. с англ. А.С. Салин; под ред. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2019. 464 с.

11. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 334 с.

С. А. Ляушева

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РИСКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье приводится анализ возможностей региональной политики идентичности в ситуации современных геполитических вызовов и рисков. Национальная идентичность – это сложный и многогранный конструкт, формирующийся под влиянием множества факторов, среди которых особое место занимают региональные социокультурные ресурсы. В условиях глобализации и стремительных социальных трансформаций, вопросы укрепления национальной идентичности приобретают особую актуальность, а их изучение с рискологической точки зрения становится насущной необходимостью. Настоящая статья посвящена анализу региональных социокультурных ресурсов Республики Адыгея как инструмента укрепления национальной идентичности, с акцентом на выявление и оценку потенциальных рисков, связанных с этим процессом. Приводятся данные фокус-группового исследования, проводившегося в Адыгее в 2022 г. по вопросам формирования и функционирования региональной политики идентичности. В связке с национальной рассматривается и региональная идентичность, приводятся мнения экспертов из числа политической элиты и научного сообщества региона. Делается акцент на взаимодействии политики региональной идентичности с региональным научным сообществом.

Ключевые слова: национальная идентичность, региональная идентичность, социокультурные ресурсы, идентификационные риски, региональная политика идентичности.

S. A. Lyausheva

REGIONAL SOCIO-CULTURAL RESOURCES FOR STRENGTHENING NATIONAL IDENTITY: A RISK-BASED ASPECT

Abstract. The article provides an analysis of the possibilities of regional identity policy in the context of modern political challenges and risks. National identity is a complex and multifaceted construct that is formed under the influence

of many factors, among which regional socio-cultural resources occupy a special place. In the context of globalization and rapid social transformations, issues of strengthening national identity are becoming particularly relevant, and their study from a risk perspective is becoming an urgent necessity. This article is devoted to the analysis of regional socio-cultural resources of the Republic of Adygea as a tool for strengthening national identity, with an emphasis on identifying and assessing potential risks associated with this process. The data of a focus group study conducted in Adygea in 2022 on the formation and functioning of regional identity policy are presented. Regional identity is also considered in conjunction with national identity, and the opinions of experts from among the political elite and the scientific community of the region are given. The focus is on the interaction of regional identity policy with the regional scientific community.

Keywords: national identity, regional identity, socio-cultural resources, identification risks, regional identity policy.

Республика Адыгея, будучи субъектом Российской Федерации, обладает уникальным социокультурным ландшафтом, определяемым историческим наследием, этническим составом населения и спецификой территориального развития. Адыги (черкесы) – коренной народ республики, чья богатая история, самобытная культура, язык и традиции являются краеугольным камнем национальной идентичности. При этом, многонациональный состав населения, включающий русских, армян, татар и представителей других этносов, создает сложную мозаику идентичностей, требующую особого внимания при выстраивании политики идентичности.

В многочисленных идентитарных исследованиях последних лет, проводимых учеными Адыгеи, большое внимание уделяется именно социокультурным ресурсам укрепления не только этнической, но и общероссийской национальной идентичности и гражданской идентичности. Происходит это через реализацию региональной политики идентичности, которая эти социокультурные ресурсы активно использует [1].

Ключевыми ресурсами, помимо широко описанных в научной литературе языка, фольклора, традиций, религии, исторической памяти и т.д., на наш взгляд, являются также культурные институты и символическое пространство. Последнее – через популяризацию национальных символов (флага, герба, гимна, памятников выдающимся деятелям) – играет важную роль

в формировании коллективной идентичности. Правильное использование и популяризация национальных символов способствуют укреплению чувства единства и принадлежности к нации.

Учитывая специфику регионального устройства России, следует отметить, что внутрироссийский консолидирующий потенциал идентичности не ограничивается национальным уровнем, а, напротив, усиливается соотношением национального и регионального уровней идентичности. В регионах страны функционируют специфические модели политики региональной идентичности, базирующиеся на сохранении этноконфессионального разнообразия регионов и развитии доверия.

Рассмотрим региональную политику идентичности на основе анализа фокус-группового исследования «Региональная политика идентичности», проведенного осенью 2022 г. среди экспертов в сфере межэтнических отношений и идентификационных процессов: 72,7% экспертов были из научного сообщества, остальные являлись представителями органов региональной власти. Целью фокус-группового интервью явилось выяснение представлений о региональной политике идентичности и таких ее индикаторов, как: роль власти в политике идентичности, специфика региональной политики идентичности, развитие национально-гражданской идентичности, совместимость идентичностей, практики региональной политики идентичности, перспективы региональной политики идентичности и др. Одним из оснований исследования выступили результаты замеров уровня доверия органам региональной власти в Адыгее, проводившихся в 2020–2022 гг. (уровень доверия органам власти более 50%) [2].

В ходе фокус-группы 2022 г. все эксперты «сошлись во мнении, что власть не только обладает ресурсами для формирования политики региональной идентичности, но и в соответствии со своими сущностными характеристиками должна участвовать в ее реализации» [3, с. 92].

В контексте данной статья интересен такой индикатор политики региональной идентичности, как полиэтничность и поликонфессиональность Адыгеи, что требует от властей региона постоянного диалога с представителями разных этносов и

конфессий, через который, по мнению экспертов, и реализовываются инструменты поддержания и развития национальной (национально-государственной), гражданской, этнической и иных форм идентичности в регионе, взаимодействуя с национально-культурными объединениями: «выработка многих вопросов, постановка проблем осуществляется именно представителями национальных культур, общественных организаций, они способны донести реалии, проблемы. Реакция на то, что предлагают представители организаций, мгновенная. Глава республики прислушивается к лидерам общественных организаций, понимая, что они несут слово народа» [3, с. 92].

Эксперты отмечают значимость личного участия главы республики в выстраивании позитивной региональной идентичности, что подтверждается высоким уровнем доверия у населения главе региона (в 2021 г. самый высокий уровень доверия среди политических и социальных институтов – у главы республики) [4, с. 124].

Экспертам также для обсуждения был задан вопрос о природе региональной идентичности: насаждается ли она политическими механизмами сверху или, имея «естественную» природу, рождается в самом региональном сообществе? Эксперты при ходят к выводу, что специфика региональной идентичности Адыгеи – это сочетание «искусственности» и «естественности» в формировании идентичности на региональном уровне: в республике «два уровня, близких к административно-территориальным границам, – это национальная идентичность и региональная идентичность, и в них больше политики, больше конструирования. Чуть меньшая доля – в этнической идентичности. В Республике Адыгея региональная идентичность очень слабая».

Размышляя о таком индикаторе региональной политики идентичности, как совместимость идентичностей в регионе, эксперты, во-первых, отметили важность практик по формированию позитивного образа региона: «…ценность развития региона, его достижения, инфраструктура во всех социально-ориентированных областях, туризме, культуре. Это можно проследить из практик»; во-вторых, подняли вопрос о механизмах «запуска» идентичности, например о «спящей»

идентичности: «…когда человек в России, не чувствующий себя представителем российской нации и называющий себя носителем малой народности, прибыв в другую страну, по отношению к жителям другой страны начинает идентифицировать себя как россиянин. Его идентичность просыпается. Находясь в нашей стране, общая идентичность может засыпать, а этническая просыпаться. Какие причины активизации или дезактивации тех или иных видов идентичности? Какие триггеры включают или выключают идентичность?».

Говоря о социокультурных ресурсах политики идентичности в регионе, эксперты обратили внимание на ее реализацию посредством практик сохранения родного языка, оказания финансовой поддержки национально-культурным объединениям и традиционным религиозным организациям, популяризации культуры народов, проживающих на территории республики; практик, связанных с развитием туризма; проведения мероприятий патриотической направленности; развития центров национальных культур и т.п. При этом эксперты говорят о рисках, связанных с кратковременным эффектом и несистемным подходом к такого рода практикам, что ведет к «разрывами повседневности» [3, с. 93].

Надо отметить, что региональная политика идентичности может выступить как средство преодоления и снятия большого числа рисков, связанных, к примеру, с ассимиляцией и утратой языка, межэтническими и межконфессиональными противоречиями, недостаточным финансированием национально-культурных объединений. Кроме того, развитие туристического кластера в регионе, стремление к привлечению туристов может привести к поверхностному представлению этнической культуры, ее упрощению и превращению в «туристическую экзотику». Это может исказить подлинное содержание традиций и обычаев, лишив их глубины и духовного значения, что, в свою очередь, может привести к отчуждению от собственной культуры.

Широкое распространение глобальных медиа и интернет-контента может оказывать и порой оказывает ассимилирующее воздействие, предлагая альтернативные модели поведения и ценностные ориентации, которые могут конкурировать с традиционными. Неконтролируемое потребление такого контента

может привести к размыванию национальной идентичности, особенно у молодого поколения.

Различные жизненные опыты и ценностные установки у старшего и молодого поколений могут привести к разрыву в понимании и восприятии как этнической, так и национальной идентичности. Молодежь, более открытая к глобальным трендам, может иначе интерпретировать традиционные ценности, что может вызвать непонимание и отчуждение.

Таким образом, укрепление региональных ресурсов консолидации как регионального сообщества, так и российского народа в целом, особенно в условиях новых геополитических вызовов, требуют постоянной поддержки и внимания. Очевидный вектор развития региональной политики идентичности – это расширение ее ресурсного потенциала во взаимодействии с научным сообществом для формирования и укрепления позитивной региональной идентичности, снижения конфликтогенности и повышения уровня совместимости/солидарности идентичностей, создания прочной основы укрепления общероссийской национальной идентичности.

Список источников

1. Политика идентичности: региональные практики и векторы развития / З.А. Жаде, Н.А. Ильинова, И.В. Киреева, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2022. 132 с.

2. Ильинова Н.А., Куква Е.С., Киреева И.В. Экспертная оценка уровня доверия к власти в Республике Адыгея и Краснодарском крае и технологии его укрепления // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 1 (294). С. 79–92.

3. Ильинова Н.А., Ляушева С.А. Демаркация современных геополитических вызовов посредством региональной политики идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 4 (309). С. 89–95. DOI 10.53598/2410-3691-2022-4-309-89-95.

4. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: [монография] / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с.

Т. А. Михайлова

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО СПОРТА

Аннотация. В данной публикации представлены результаты проведенного теоретического анализа научных работ отечественных авторов по теме экстремального спорта, а также результаты проведенного автором работы социологического исследования вовлеченности молодежи в экстремальный спорт, где приведены отдельные примеры результатов прикладного социологического исследования. Автор пришел к выводу, о необходимости дальнейшего социологического исследования данного проблемного поля.

Ключевые слова: социология физической культуры и спорта, экстремальность, экстрим, риск, культура здоровья и здоровый образ жизни, молодежная активность.

T. A. Mikhaylova

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF SOCIAL ASPECTS OF EXTREME SPORTS

Abstract. This paper presents the results of a theoretical analysis of scientific papers by Russian authors on the topic of extreme sports, as well as the results of a sociological study of youth involvement in extreme sports, which provides individual examples of the results of applied sociological research. The author came to the conclusion that further sociological research of this problem field is necessary.

Keywords: sociology of physical culture and sports, extreme, extreme, risk, health culture and healthy lifestyle, youth activity.

Интерес к изучению экстремальности в спорте в кругах ученых существует не так давно, особенно популярна данная социальная проблематика в психологии, педагогике, медицине и т.д., тогда как в социологических исследованиях гораздо реже встречаются данные работы.

Анализ социологических работ, написанных отечественными авторами [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 и пр.] по рассматриваемой теме показал, что социальные аспекты экстремального спорта могут включать следующие направления исследований: мотивация занятий экстремальными видами спорта, влияние культуры на спортивную сферу, экстремальные субкультуры и построение

идентичности, влияние экстремального спорта на личность спортсмена, вопросы асоциальных действий в спорте и пр.

Мы не можем не заметить, что набирает популярность, в том числе и у молодежи экстремальность, экстремальная активность, в том числе и через занятия экстремальным туризмом и спортом, что в целом указывает на изменение социокультурного пространства общества.

Ученые отмечают, что сегодня в мире существует тенденция к заметному повышению «уровня экстремальности» среди молодёжи, а также выравнивание в гендерных проявлениях экстремального поведения [11, с. 10–11]. Волкова Н.Г. говорит о формировании нового типа человека [12]. Быховская И.М., Аверина М.В. [2], отмечают, что «реакцией на усложнение функционирования цивилизации» является появление новых видов экстремальной спортивной активности и развитие экстремальных разновидностей известных видов спорта.

Экстремальный спорт – это «виды спортивной деятельности, сопряженные с повышенным риском для жизни и здоровья, часто связанные с высокой скоростью, высотой, сложной физической нагрузкой и специализированным снаряжением» [13].

В рамках проводимого прикладного социологического исследования, перед нами стояла цель изучить мотивы вовлеченности современной молодежи в экстремальные виды спорта, на примере краснодарских спортсменов-любителей. В качестве основного метода исследования было выбрано полустандартизированное интервью, респондентами выступили спортсмены-экстремалы Краснодарского края (9 парней и 3 девушки), в возрасте от 18 до 38 лет, которые занимаются воркаутом, сноубордингом, маунтинбайком, бегом на длинные дистанции, страйкболом и др. [14].

Результаты проведенного прикладного социологического исследования позволили нам выделить несколько дискурсивных смысловых тематических блоков, среди них – социализация и вовлеченность в физкультурную активность, виды мотивации, социальный портрет спортсмена-экстремала и др. Например, было установлено, что человек попадает в экстремальный спорт с помощью двух основных социальных каналов – семьи и друзей, тогда как социальные и личные виды мотивации служат, в том

числе причинами вовлеченности молодежи к занятиям экстремальными видами спорта [14].

В целом, можно отметить, что экстремальный спорт остается еще достаточно малоизученной социальной сферой, которая требует дальнейших социологических исследований и научного анализа [10].

Список источников

1. Андреева С.В. Экстремальный досуг и свобода личности в обществе риска и потребления // Вестник КемГУКИ. Социально-культурная деятельность. 2011. № 16. С. 192–198.
2. Быховская И.М., Аверина М.В. Функции экстремального спорта в глобализирующемся социуме // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. 2012. № 1. С. 33–36.
3. Завьялова Н.В. Сущностные характеристики экстремальности // Историческая и социально-образовательная мысль. Социология и психология. 2013. № 6. С. 114–120.
4. Иванов Е.В. Субкультура экстремалов: операционализация понятия // Теория и практика общественного развития. Социологические науки. 2014. № 6. С. 41–43.
5. Михайлова Т.А. Социальные процессы и риски в молодежной среде: учеб. пособ. Краснодар: КубГУ, 2025.
6. Томалинцев В.Н. Экстрим как новое явление молодежной субкультуры: между творческой экстремальностью и экстремизмом. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/TomalintsevVN_sec2_rus_izd.pdf (дата обращения: 20.06.2025).
7. Чудина Н.В. Формы проявления экстремальности в гражданском обществе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21. № 1. С. 404–409.
8. Шульгин А.С., Безрукова А.А. Теоретические подходы к исследованию экстремальности в социально-гуманитарном знании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Социологические науки. 2017.
9. Юдина А.И. Экстремальные увлечения современной молодежи: социальный вызов обществу и поиск альтернатив // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). Социологические науки. 2017. С. 97–100.
10. Михайлова Т.А. Проблемное поле исследований экстремального спорта: междисциплинарный подход // Материалы VII Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти». М., 2025.

11. Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи: монография / В.В. Брюно и др. М.: ФНИСЦ РАН; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. 340 с.

12. Волкова Н.Г. Экстремальность в обществе риска: дис…. канд. филос. наук. Самара, 2011. 166 с.

13. Понятие экстремального спорта. URL: https://www.google.com/search?q=%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5+%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE+%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0&sca_esv=4ea69af53365e828&ei=p0VOaMqCDtSswPAP9a7X8Q0&ved=0ahUKEwiK8suyxfKNAxVUFhAIHXXXNd4Q4dUDCBA&uact=5&o (дата обращения 15.06.2025).

14. Михайлова Т.А., Студеникина Е.С. Вовлеченность молодежи в экстремальный спорт (на примере спортсменов-экстремалов Краснодарского края) // Экстремальная деятельность человека. № 3 (73). 2025.

Д. А. Мукожева

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ В МОЛОДЕЖНОМ СОЗНАНИИ: КОНТУР УГРОЗ И ЗОНА БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье представлена часть результатов пилотного социологического исследования, направленного на изучение структуры образа будущего России в сознании российской молодежи 18–35 лет. Основное внимание уделено выявлению и анализу воспринимаемых молодым поколением угроз и зон безопасности. На основе ответов респондентов (N=104) выявлена двойственность ожиданий: преобладание общего оптимизма (57%) сочетается с высоким уровнем тревожности относительно конкретных системных рисков. Зона безопасности конструируется преимущественно вокруг личных ресурсов (навыки, профессия) и микросоциальных связей (семья, друзья), при ограниченном доверии к государственным институтам. Выявлен запрос на «справедливую модернизацию» и обозначены критические точки для социально-политического управления.

Ключевые слова: образ будущего России, молодежное сознание, социальные представления, угрозы и риски, зона безопасности, социальные тревоги.

D. A. Mukozheva

RUSSIA'S FUTURE IMAGE IN THE YOUTH MINDSET: THE CONTOUR OF THREATS AND THE SAFETY ZONE

Abstract. This article presents part of the results from a pilot sociological study aimed at investigating the structure of the image of Russia's future within the consciousness of Russian youth aged 18–35. The primary focus is on identifying and analyzing the perceived threats and safety spheres recognized by the younger generation. Based on responses from participants (N=104), a duality of expectations was revealed: a predominance of general optimism (57%) coexists with a high level of anxiety regarding specific systemic risks. The sphere of safety is constructed primarily around personal resources (skills, profession) and micro-social connections (family, friends), with limited trust in state institutions. A demand for "just modernization" was identified, and critical points for socio-political governance were outlined.

Keywords: image of Russia's future, youth consciousness, social representations, threats and risks, sphere of safety, social anxieties.

В условиях современной глобальной турбулентности, характеризующейся обострением геополитической напряженности, ускорением технологических трансформаций, нарастанием экологических вызовов и усилением социальной нестабильности, исследование коллективных представлений о будущем приобретает критическую научную и практическую значимость. Формируемый социумом образ будущего выступает ключевым индикатором его устойчивости, чаяний и глубинных тревог, отражая не только текущий пульс общественной жизни, но и потенциальные траектории развития [1].

Центральным объектом для анализа коллективных представлений закономерно выступает молодежь как социальный агент, которому предстоит реализовывать долгосрочные траектории развития и который активно транслирует ключевые тенденции современности. Молодое поколение является чутким индикатором, чье восприятие рисков и безопасности в условиях нарастающей неопределенности прямо влияет на формирование жизненных стратегий. Комплексный анализ контуров угроз и зон безопасности в структуре образа будущего России в молодежном сознании, особенно в быстро меняющихся условиях, требует углубленного исследования.

Целью статьи является изложение и анализ части результатов эмпирического исследования структуры образа будущего России в сознании современной молодежи, с фокусом на выявлении доминирующих контуров угроз и определяемых ими зон безопасности.

Задачи исследования:

1) определить эмоциональную окрашенность образа будущего России, формируемого молодежью;

2) выявить и систематизировать основные угрозы, воспринимаемые молодым поколением;

3) эксплицировать из представлений молодёжи зоны безопасности;

4) установить взаимосвязь между восприятием угроз, ощущением безопасности и формированием жизненных стратегий (включая миграционные настроения).

Объектом исследования выступает современная российская молодежь (18–35 лет), предметом – содержание и структура образов будущего России в представлениях молодежи, акцентированных на восприятии угроз и зон безопасности.

Теоретико-методологические основания исследования составляют концепция общества риска (У. Бек) [2], теория социальных представлений (С. Московичи) [3], «онтологическая безопасность» Э. Гидденса [4].

Исследование проведено методом онлайн-анкетирования (с помощью технологии Google Forms) в июне-июле 2025 г. Участие в опросе приняло 104 представителя российской молодежи в возрасте 18–35 лет. Выборка репрезентирует городскую молодёжь Краснодара и крупных городов Юга и Центра России.

Инструментарий анкеты включил 1) шкалы оценки вероятности и серьезности угроз в различных сферах (экономика, политика, соцсфера, экология, технологии и др.); 2) шкалы оценки уровня безопасности/уверенности в разных аспектах будущего; 3) открытые вопросы для выявления ключевых надежд, источников безопасности и значимых угроз; 4) вопросы о жизненных стратегиях, включая миграционные намерения и их мотивацию.

Методами анализа данных стали дескриптивная статистика, факторный анализ (выявление латентных структур), кластерный

анализ (типология по восприятию угроз/безопасности), контент-анализ ответов на открытые вопросы.

Прежде чем перейти к изложению результатов исследования, определим ключевые понятия. Образ будущего России – мультимодальный социальный конструкт, включающий когнитивные (знания, сценарии), аффективные (эмоции, оценки) и конативные (готовность к действию) компоненты, отражающий представления о состоянии основных сфер жизни страны на ближайшую и отдаленную перспективу [5, с. 40].

Под социальными угрозами нами понимается воспринимаемый источник потенциального значительного вреда/ущерба для России или жизни респондента в будущем. Оценивались по сферам возникновения, вероятности и значимости [6, с. 86–88]. Зоной безопасности рассматриваем воспринимаемую область стабильности, защищенности, уверенности или ресурса для преодоления трудностей в будущем России [4, с. 124–127].

Результаты социологического исследования.

1. Модальность образа будущего России в представлении российской молодежи (рис. 1).

Данные, полученные в ходе опроса, свидетельствуют о преобладании оптимистического восприятия будущего страны среди опрошенных: более половины респондентов (57%) выражают позитивное настроение. Такой высокий уровень оптимизма может указывать на наличие у граждан уверенности в перспективах развития России, а также на позитивное восприятие текущих политических, экономических и социальных процессов.

При этом значительная часть участников (25%) демонстрируют пессимистические настроения. Это свидетельствует о наличии тревог и опасений относительно будущего страны, что связано с внутренними и внешними вызовами, речь о которых пойдет ниже.

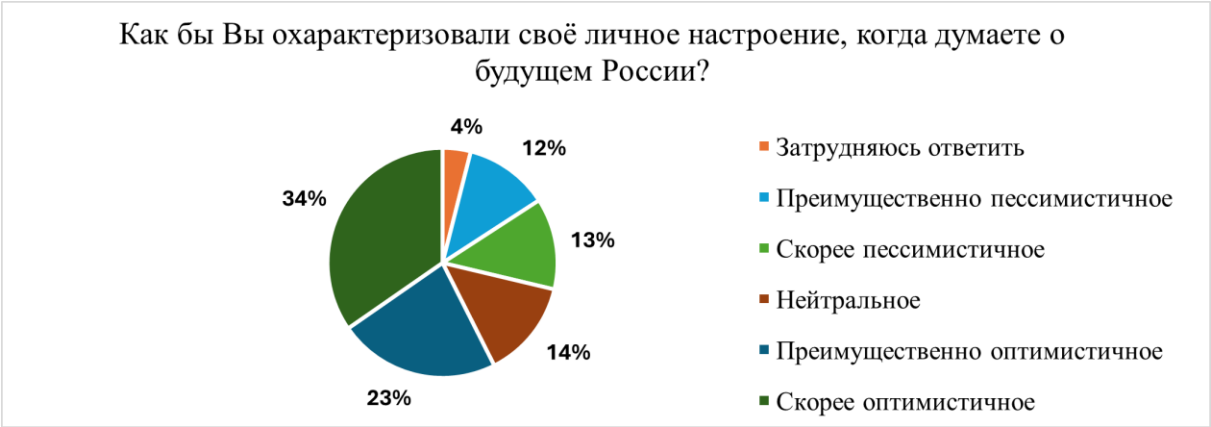

Рис. 1 – Модальность образа будущего России в представлении российской молодёжи

2. Контур угроз: восприятие вероятности и значимости (табл. 1).

Общая картина показывает высокий уровень тревожности – все средние оценки превышают нейтральную середину шкалы (2,5) что указывает на преобладающее ощущение уязвимости среди респондентов. При этом мы можем выделить критические и менее значимые риски на основе ранжирования респондентами угроз по степени вероятности. Так экономическая уязвимость воспринимается как наиболее вероятный и острый риск, что отражает переживания о последствиях текущей геополитики, зависимости от сырья и глобальной конъюнктуры. Второе место разделили коррупция и неэффективность госуправления (3,5), а также демографические проблемы (3,5). На третьем месте расположилась угроза внешнеполитической изоляции и конфликтов (3,42), что вновь отражает геополитическую тревогу респондентов. Стоит отметить, что в качестве наименее вероятной угрозы для будущего России выделяется распад традиционных ценностей и моральный кризис (2,2), что показывает, что, несмотря на риторику о важности традиционных ценностей, их распад не воспринимается массово как наиболее вероятная конкретная угроза будущему страны по сравнению с экономикой, управлением или демографией.

Табл. 1. Вероятность возникновения угроз в ближайшем будущем России

Угроза	Оценка вероятности возникновения (1 – низкая вероятность, 5 – высокая вероятность)
Экономические кризисы, санкции, стагнация	3,6
Коррупция и неэффективность государственного управления	3,52
Демографические проблемы (низкая рождаемость, старение населения, миграция)	3,52
Внешнеполитическая изоляция, конфликты с другими странами	3,42
Утечка умов, нехватка квалифицированных кадров	3,34
Социальное неравенство, бедность	3,32
Ухудшение качества образования и здравоохранения	3,13
Угрозы информационной безопасности (кибератаки, дезинформация)	3,09
Ухудшение экологической ситуации, изменение климата	3,08
Этнические и религиозные конфликты	2,76
Технологическое отставание	2,68
Внутриполитическая нестабильность, социальные протесты	2,67
Распад традиционных ценностей, моральный кризис	2,22

Таким образом, коллективное сознание респондентов рисует образ России, сталкивающейся с комплексом высоковероятных и взаимосвязанных угроз, коренящихся в экономической уязвимости, системной коррупции/неэффективности управления и демографическом кризисе. Внешнеполитические риски и угроза потери человеческого капитала дополняют эту тревожную картину. Восприятие угроз прагматично: наибольшие опасения вызывают риски, непосредственно подрывающие основу жизни (экономика, социальная сфера, управление), в то время как ценностные или сугубо политические риски (внутренняя нестабильность, моральный кризис) оцениваются как менее

вероятные. Это указывает на глубокую озабоченность населения фундаментальными вопросами национального развития и устойчивости.

В нашем исследовании мы сознательно разделили термины «риск возникновения» и «значимость угрозы», чтобы понять какие из возможных угроз в будущем России молодёжь считает значимыми (т. е. такими, которые могут существенно пагубно повлиять на жизнь граждан страны). В результате самыми значимыми из вероятных угроз для будущего России стали также внешнеполитическая изоляция / конфликты, коррупция / неэффективность власти и экономическая стагнация / кризисы (рис. 2). Эти угрозы воспринимаются как взаимосвязанные и системные. Далее непосредственно за ними следуют угрозы социальному благополучию и человеческому капиталу: ухудшение образования и здравоохранения, социальное неравенство, демографические проблемы и утечка квалифицированных кадров.

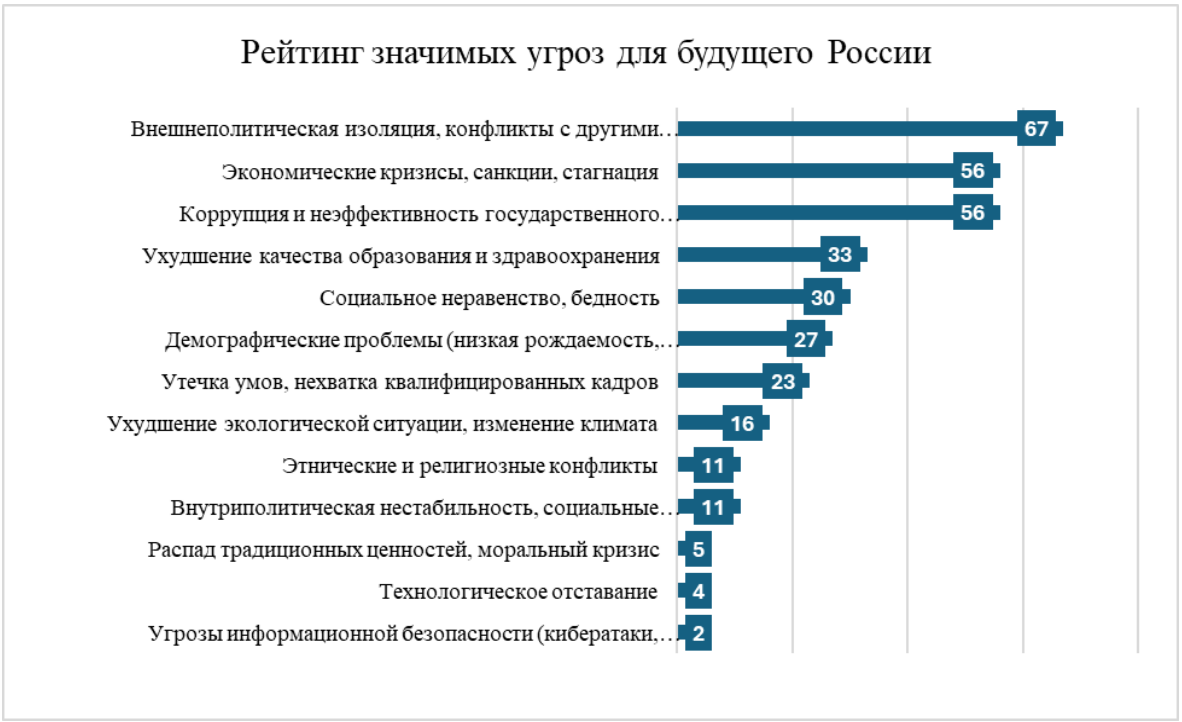

Рис. 2 – Рейтинг значимых угроз для будущего России в представлении молодежи

Общая картина рисует состояние глубокой озабоченности системными кризисами (геополитика, управление, экономика) и их непосредственным влиянием на качество жизни и будущее

развитие (социальная сфера, демография). Восприятие угроз сфокусировано на преодолении текущих острых вызовов, а не на отдаленных или «идеологических» рисках.

3. Зона безопасности: источники стабильности и надежды (рис. 3).

Респонденты видят основу своей безопасности и стабильности в России прежде всего в самих себе (личные навыки), в своем ближайшем социальном окружении (дружеские связи) и в своей профессиональной востребованности – это модель «самостоятельности + локальной солидарности». Доверие к государственным институтам как источнику стабильности ограничено, причем выше доверие к его силовой функции, чем к социальной. Значительная роль духовных/религиозных ценностей подчеркивает поиск смысла и опоры в нематериальной сфере. При этом каждый пятый респондент либо не чувствует безопасности, либо не может ее определить, что указывает на существование значительной группы людей, находящихся в состоянии уязвимости или неопределенности относительно своего будущего в стране.

Рис 3 –. Рейтинг зон безопасности и источников стабильности в представлении респондентов

Сильная ориентация на личные ресурсы и микросоциальные связи хорошо объясняет, почему, несмотря на ощущение отсутствия влияния на страну (анализ ниже) и важность

свободы/безопасности для потенциальных мигрантов, подавляющее большинство не планирует переезд. Люди адаптируются, создавая островки стабильности и безопасности на личном и локальном уровне, даже в условиях макрополитической неопределенности.

Для выявления дополнительных «островков безопасности» мы эксплицировали привлекательные образы будущего, проанализировав ответы респондентов на открытый вопрос «Пожалуйста, напишите своими словами, что является Вашей самой большой надеждой, когда Вы думаете о будущем России?». На основе анализа ответов были выделены следующие укрупненные смысловые кластеры (табл. 2).

Табл. 2. Укрупненные кластеры обнадеживающих элементов в представлениях о будущем России, %

Смысловой кластер	Частота упоминания
Молодое поколение и человеческий капитал	26%
Развитие страны: экономика, технологии, науки	24%
Духовные ценности, патриотизм и единство	18%
Политические изменения и управление	15%
Мир и международные отношения	10%
Абстрактная вера в лучшее или отсутствие надежды	10%
Ностальгия и прошлое как ориентир	1%

Наибольшая надежда возлагается на молодое, образованное поколение (26%) и развитие страны через экономику, науку и технологии (24%). Это указывает на веру в потенциал людей и прогресс как основные движущие силы позитивного будущего. Эти надежды (особенно на молодежь, развитие и политические изменения) будут контрастировать с нижеописанным доминирующим чувством личного бессилия влиять на будущее страны. Люди верят в позитивные изменения вообще, но не видят себя их активными творцами. Главные надежды россиян на будущее своей страны сосредоточены вокруг потенциала молодого образованного поколения, развития экономики, науки и технологий, а также укрепления духовных ценностей и патриотизма. Однако наряду с этим существует сильный запрос на

глубокие политические изменения и острое желание мира. Значительная часть выражает надежду абстрактно или не испытывает ее вовсе. Общая картина отражает сложное переплетение веры в прогресс и человеческий капитал, приверженности традиционным ценностям, критического отношения к текущей власти и глубокой потребности в стабильности и мире.

4. Жизненные стратегии: агентность и миграционные настроения (рис. 4).

Данные свидетельствуют о глубоко укорененном чувстве бессилия или крайне ограниченной личной агентности в отношении будущего страны среди большинства опрошенных. Подавляющее большинство (86% тех, кто определился) не видят себя значимыми акторами в формировании национального будущего. Даже те, кто видит свое влияние (28% – «скорее есть»), подчеркивают его скромность («небольшое»). Это указывает на то, что чувство личной политической эффективности, даже если оно присутствует, является слабым.

Рис. 4 – Агентность респондентов, %

Представленные ответы рисуют картину общества, где доминирует ощущение отсутствия или крайней ограниченности личного влияния граждан на будущее России. Это указывает на

потенциально высокий уровень политической апатии, отчуждения от институтов власти и чувство невозможности изменить ход событий на национальном уровне для значительной части населения. Такое восприятие является важным фактором для понимания гражданской и политической активности (или ее отсутствия) в стране.

В рамках исследования были проанализированы в том числе и миграционные настроения молодежи (рис. 5). Подавляющее большинство респондентов (57%) категорически исключают для себя возможность переезда на ПМЖ в ближайшие 5–15 лет. Это указывает на сильную привязанность к текущему месту жительства, отсутствие мотивации к эмиграции. Группа, которая «иногда задумывается» (27%), значительно превосходит группу с реальными намерениями (10%). Это говорит о том, что для многих переезд – скорее абстрактная мысль, а не конкретный жизненный план.

Рис. 5 – Миграционные настроения респондентов, %

Результаты опроса рисуют картину общества, в котором идея переезда на постоянное место жительства в другую страну в среднесрочной перспективе (5–15 лет) не является актуальной для подавляющего большинства граждан. Доминирует установка на

стабильность и сохранение текущего места жительства. Низкая доля активных потенциальных мигрантов (3%) и умеренная доля тех, кто об этом задумывается (27% + 7%), указывают на то, что эмиграция как массовый тренд в обозримом будущем для данной группы не просматривается.

Примечателен контраст между широко распространенным чувством невозможности влиять на будущее страны и одновременным неприятием стратегии географического выхода (эмиграции).

Несмотря на низкий уровень эмиграции, при этом возникает закономерный вопрос о том, какие факторы влияёт на то, что у определенной доли респондентов всё-таки возникает желание эмигрировать? Ответ на этот вопрос даёт нам следующая аналитика (рис. 6).

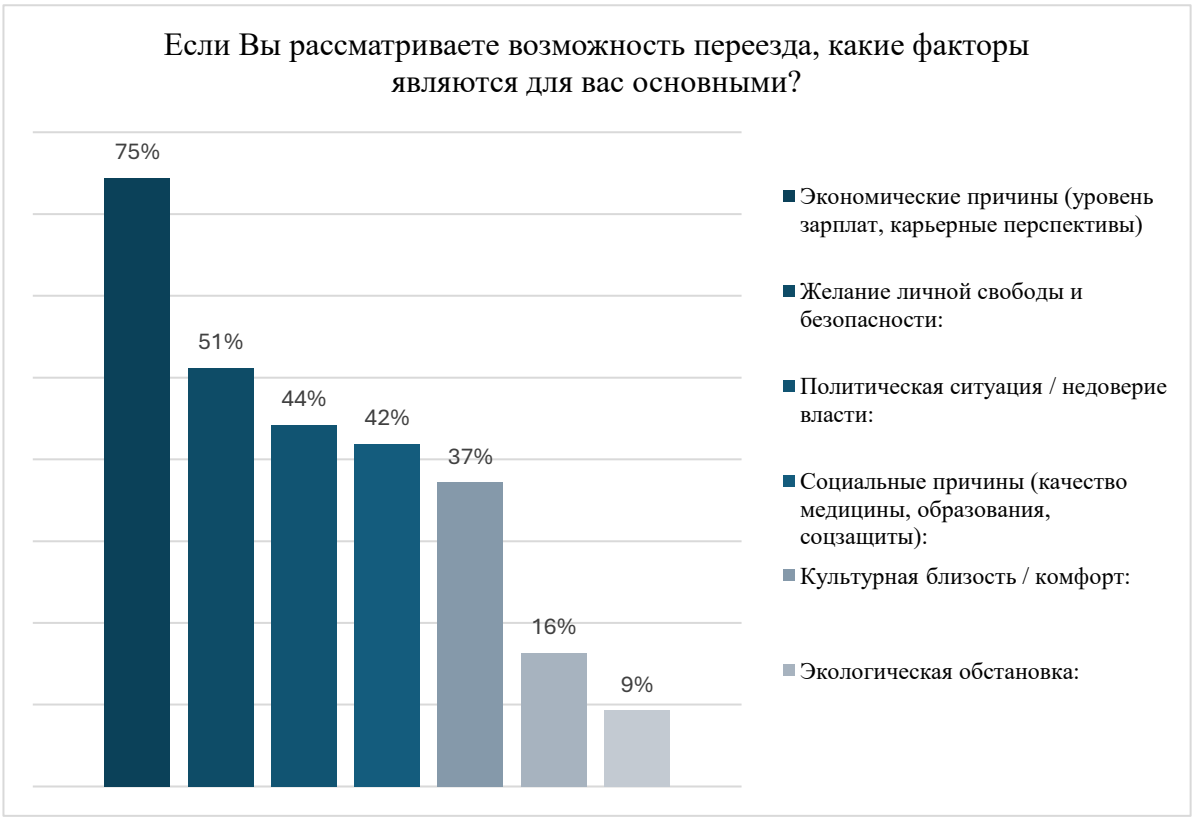

Рис. 6 – Рейтинг факторов, побуждающих к эмиграции зарубеж, %

Такие факторы как экономика (75%) и образовательные перспективы (56%) – абсолютные лидеры. Это указывает на то, что для потенциальных мигрантов критически важны улучшение материального положения и обеспечение лучших возможностей

для себя и (особенно) своих детей в будущем. Эти факторы часто идут рука об руку. Желание личной свободы и безопасности (51%) занимает третье место по частоте, опережая чисто политические мотивы. Это говорит о глубокой потребности в ощущении личной автономии, защищенности и, возможно, правовой стабильности. Политическая ситуация / недоверие власти (44%) – четвертый по частоте, но очень значимый фактор. Он часто сочетается с желанием свободы и безопасности, формируя комплекс «нематериального неблагополучия». Социальные причины (42%) (медицина, образование, соцзащита) являются фундаментальным фактором, тесно связанным как с экономикой (качество жизни), так и с заботой о будущем (образование детей). Культурная близость / комфорт (37%) упоминается существенно чаще, чем экология или семья. Это подчеркивает важность легкости интеграции, языковой и культурной среды для потенциальных мигрантов. Они ищут не только материальные блага, но и приемлемую среду обитания. Экологическая обстановка (16%) и Воссоединение с семьей / друзьями (9%) являются важными, но не основными драйверами для большинства рассматривающих переезд в этой выборке.

Таким образом, для тех, кто рассматривает возможность переезда из России, ключевыми факторами являются стремление к материальному благополучию (экономика) и обеспечению лучшего будущего, особенно через образование (свое и детей). Нематериальные факторы – личная свобода, безопасность и культурный комфорт – также крайне важны и часто сочетаются с экономическими и политическими мотивами. Политическая ситуация является значимым «фоновым» драйвером недовольства, но редко выступает единственной причиной. Решение о миграции среди этой группы носит комплексный характер и продиктовано поиском системно лучших условий для жизни и реализации.

Результаты исследования рисуют сложную картину молодежного сознания в отношении будущего России. Доминирующий общий оптимизм (57%) существует на фоне глубокой озабоченности высоковероятными системными угрозами, коренящимися в экономической уязвимости, неэффективности управления и демографических проблемах («контур угроз»). Восприятие угроз прагматично, фокусируясь на

фундаментальных вопросах национального развития и качества жизни.

«Зона безопасности» конструируется преимущественно на микроуровне: личные ресурсы, профессиональная востребованность и ближайшее социальное окружение выступают основными источниками стабильности и уверенности. Доверие к государственным институтам как гаранту безопасности ограничено. Эта стратегия «самостоятельности + локальной солидарности» позволяет адаптироваться в условиях макрополитической неопределенности и объясняет парадоксально низкие миграционные намерения (57% исключают переезд) на фоне широко распространенного чувства личного бессилия влиять на будущее страны (86%).

Ключевые надежды на позитивное будущее связываются с потенциалом молодого образованного поколения и развитием через экономику, науку и технологии, однако это сочетается с сильным запросом на политические изменения и глубокой потребностью в мире. Выявлен запрос на «справедливую модернизацию», отвечающую как материальным (экономика, образование, медицина), так и нематериальным (свобода, безопасность, культурный комфорт) потребностям молодежи.

Полученные данные имеют существенное практическое значение для органов государственной власти и управления, указывая на критические точки социальной тревожности (экономика, управление, геополитика, человеческий капитал) и ресурсы устойчивости (личностные компетенции, микросоциальные связи, вера в прогресс). Укрепление доверия к институтам, создание реальных каналов влияния молодежи на развитие страны и адресная работа с выявленными системными угрозами являются ключевыми направлениями для формирования позитивного и консолидированного образа будущего России.

Список источников

1. Гусев А.В. Стратегия национального развития России: идеи и вызовы // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 457–465.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

3. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.

4. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / пер. с англ. А. Глухов, О. Кильдюшов, В. Никитин, И. Троцук. СПб.: Речь; М.: Прогресс-Традиция, 2023. 336 с.

5. Политика памяти и образ будущего в сознании молодежи: монография / М.В. Донцова, Д.А. Мукожева, А.Ю. Рожков, Т.А. Рунаев, Е.С. Студеникина; под общ. ред. А.Ю. Рожкова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. 299 с.

6. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.

С. В. Негруль, Д. Р. Тухпатуллин

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОР РИСКА И РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ОБЩЕЖИТИИ УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье рассматривается межкультурное общение студентов как фактор риска и ресурс социальной безопасности в российском университете. На основе полуформализованных интервью с иностранными студентами (2025 г.) выявлены основные социокультурные барьеры: языковые трудности, различия в бытовых нормах, ограниченность межгруппового взаимодействия и тенденция к образованию этнических микрогрупп. Анализируются стратегии повседневной коммуникации, которые способствуют как интеграции, так и усилению социальной дистанции между студентами разных культур. Показано, что при наличии поддержки университета межкультурная среда может стать пространством развития толерантности и укрепления социальной безопасности. Полученные результаты имеют практическое значение для адаптационных программ в вузах.

Ключевые слова: иностранные студенты, совместное проживание, межкультурная коммуникация, этнокультурная среда, конфликты в повседневности, стратегии взаимодействия, социокультурные барьеры.

S. V. Negrul, D. R. Tuchpatullin

INTERCULTURAL COMMUNICATION AMONG STUDENTS AS A RISK FACTOR AND A RESOURCE FOR SOCIAL SECURITY IN UNIVERSITY STUDENT DORMITORIES

Abstract. This article examines intercultural communication among students as both a risk factor and a resource for social security in a Russian university. Based on semi-structured interviews with international students (2025), the main sociocultural barriers are identified: language difficulties, differences in everyday norms, limited intergroup interaction, and the tendency to form ethnic micro-groups. The paper analyzes everyday communication strategies that can either facilitate integration or intensify social distance between students from different cultures. It is shown that, with adequate university support, the intercultural environment can become a space for fostering tolerance and strengthening social security. The findings have practical significance for adaptation programs in higher education institutions.

Keywords: international students, shared accommodation, intercultural communication, ethnocultural environment, everyday conflicts, interaction strategies, sociocultural barriers.

В условиях глобализации и интернационализации образования российские университеты превращаются в пространства высокой социокультурной разнородности, что сопровождается не только новыми возможностями, но и рисками для возникновения конфликтов в студенческой среде. Согласно данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2023 г. в российских вузах обучалось более 350 тыс. иностранных студентов из 180 стран мира [1]. Например, только в Томском государственном университете (ТГУ) в 2024 г. было зачислено более 1300 иностранных студентов из 24 стран, что на 19 % больше по сравнению с предыдущим годом [2]. Существенное увеличение числа иностранных студентов делает особенно актуальным изучение факторов и угроз, связанных с их интеграцией и совместным проживанием с российскими студентами в общежитиях. Именно здесь, в ситуациях повседневного бытового взаимодействия, социокультурные барьеры, различия в нормах и ценностях проявляются наиболее остро, становясь потенциальными источниками конфликтов, социальной дистанции и чувства незащищенности. Анализ этих

барьеров необходим для понимания специфики рисков межкультурной коммуникации, поиска эффективных стратегий предотвращения конфликтов и укрепления социальной безопасности молодежной среды российского вуза.

В общежитиях социокультурные барьеры проявляются в повседневных, на первый взгляд простых ситуациях: от распределения бытовых обязанностей до организации совместного пользования кухней, санузлом или отдыха, а также в различиях, связанных с соблюдением национальных традиций и привычек. В таких условиях особое значение приобретает развитие межкультурной компетентности студентов, что подтверждается исследованиями: проведение специальных адаптационных тренингов помогает снижать уровень конфликтов и способствует более эффективному взаимодействию между представителями разных национальностей, облегчая процесс адаптации в новой социальной среде [3]. Осознание причин, лежащих в основе возникновения барьеров, позволяет разрабатывать целенаправленные программы по их преодолению, что способствует профилактике конфликтных ситуаций и формированию среды межкультурного диалога.

В данном исследовании под совместным проживанием понимается организованная среда общежития, где взаимодействие студентов регулируется не только формальными правилами внутреннего распорядка, но и неформальными нормами: негласными договорённостями, представлениями о личных границах, обычаями гостеприимства, правилами тишины и особенностями ведения быта. В этих условиях студенты совместно используют общие пространства и ежедневно сталкиваются с необходимостью согласования бытовых практик.

Целью исследования является выявление и анализ социокультурных барьеров, возникающих в повседневном взаимодействии российских и иностранных студентов в условиях совместного проживания (на примере общежитий Томского государственного университета). Среди задач – определение наиболее типичных трудностей и конфликтных ситуаций, связанных с межкультурным взаимодействием в общежитиях, а также описание стратегий их преодоления.

Для достижения цели использованы полуструктурированные интервью и интерпретативный анализ. В исследование включены 14 студентов ТГУ, проживающих в общежитиях не менее 6 месяцев; опрос проводился на русском и английском языках.

В качестве теоретико-методологической основы исследования были выбраны культурологический и кросс-культурный подходы (Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс), а также социологические концепции повседневности (Г. Гарфинкель, И. Гофман), теория социальной дистанции М. Беннетта и концепция высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла. Эти теоретические рамки позволили глубже понять различия в ценностях, повседневных привычках и стилях коммуникации.

Так, подход Г. Хофстеде объясняет различные требования к порядку в разных культурах, а концепция Э. Холла позволяет раскрыть природу непонимания, возникающего из-за отличий в интонациях и манере общения. Теория И. Гофмана даёт представление о механизмах возникновения скрытых конфликтов, а модель М. Беннетта акцентирует внимание на стадиях развития межкультурной чувствительности – от отрицания и изоляции до принятия и интеграции различий.

Ключевым элементом концепции И. Гофмана [4] является понятие «рабочего консенсуса» – неявного соглашения между участниками о правилах совместного взаимодействия. В условиях проживания в общежитии это выражается в установлении негласных договоренностей о времени тишины, порядке уборки, очередности пользования общей кухней или ванной. Такие нормы могут нигде не фиксироваться письменно, но они поддерживаются через ежедневные практики и способствуют предотвращению конфликтов. Нарушение этих договорённостей влечёт за собой не только неудовольствие, но и подрывает то «впечатление», которое человек производит на окружающих. К примеру, громкие разговоры ночью не только мешают соседям, но и негативно сказываются на репутации нарушителя, что может стать источником напряжённости в коллективе.

Совместное проживание студентов разных национальностей создает особое пространство ежедневного взаимодействия, в котором культурные различия проявляются не в абстрактной форме, а через конкретные бытовые ситуации. Именно в условиях

вынужденного соседства – общей комнаты или кухни, единого расписания – на практике испытываются не только межкультурная чувствительность, но и способность вырабатывать общие нормы поведения. Анализ собранных данных показывает, что чаще всего конфликты возникают по поводу бытовых рутин: уборки, соблюдения тишины, приготовления пищи, особенностей общения и распределения ответственности.

Рассмотрим типичные ситуации конфликтов. Наиболее частыми источниками разногласий становятся вопросы чистоты, ночного шума, еды, различий в распорядке дня и коммуникации. Пример: «Shower in the midnight – problem with this guy» (студент из Индии). Конфликты, связанные с уборкой и гигиеной, часто указываются в интервью. Такие ситуации иллюстрируют, что в общежитии сталкиваются разные неформальные правила, что подтверждает постулаты этнометодологии Г. Гарфинкеля о «культурных сбоях» [5]. Российские студенты (согласно модели Г. Хофстеде) обычно демонстрируют высокий уровень избегания неопределенности, что выражается в требовательности к чистоте и порядку как средству контроля. В то время как студенты из коллективистских культур, наоборот, склонны к более гибкому подходу к вопросам гигиены.

Различия в восприятии шума и распорядка дня чаще приводят к конфликтам между студентами, привыкшими к строгому режиму (например, Россия), и теми, кто относится к распорядку свободнее (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия): «Она хочет тишина. Я человек, который активно слушает музыку громко… она сказала: «если нет, я буду сказать старосте» (студент из Индонезии, жен.).

Проблемы коммуникации являются одной из ключевых трудностей в построении эффективных отношений. Языковые и коммуникативные барьеры приводят к бытовым и личностным конфликтам и ощущению отчуждения: «Нам приходится использовать переводчик. Но это не то, что ты хочешь сказать» (студент из Узбекистана, м). Согласно модели М. Беннетта, подобные случаи соответствуют стадии защиты, когда недопонимание порождает эмоциональную закрытость.

Разногласия по поводу распределения обязанностей нередко приводят к скрытому напряжению. Студенты не всегда готовы

признать свою ответственность за нарушение правил: «Она не хочет убираться, и не признает, что это она сделала. А мы прибираем за неё». Подобные ситуации отражают разницу между универсалистским (все соблюдают одинаковые нормы) и ситуативным подходом к правилам (нормы гибки и подлежат интерпретации). Если кто-то отказывается «держать лицо» (И. Гофман), это разрушает ожидания ролевого поведения, вызывает ощущение несправедливости и снижает доверие.

Типология повседневных конфликтов и стратегии их преодоления.

*Скрытые и открытые конфликты***.**

По И. Гофману, ежедневное взаимодействие в общежитии строится на негласных ожиданиях ролевого поведения. Их нарушение может вызывать открытые ссоры, жалобы, вмешательство администрации либо принимать форму скрытого недовольства, избегания, иронии. «Я перестала объяснять, потому что это как об стену горох» (Россия, жен.). Это поддерживает «рабочий консенсус» (по И. Гофману) и иллюзию согласия, при которой конфликты, связанные с уборкой и режимом, часто остаются невысказанными, но влияют на атмосферу общения. («Сказали, что я террорист»).

Стратегии терпимости и адаптации.

Многие студенты выбирают терпимость как способ сосуществования, принимая различия как неизбежные. Такая стратегия характерна для начальной стадии адаптации по М. Беннетту (стадии защиты/минимизации), когда различия уже осознаны, но вызывают раздражение: «Для них это нормально… Приходится смириться» (студент из Зимбабве, муж.). «Я привык, что он громкий. Уже не замечаю» (студент из Анголы, муж.). Согласно теориям повседневности, такое смирение ведет к возникновению негласных ритуалов: поведение не обсуждается, но регулируется невербально (взгляд, пауза, использование наушников). Это помогает минимизировать открытые конфликты.

Повседневные договорённости.

На более зрелой стадии адаптации студенты формируют неформальные договоренности по бытовым вопросам. Эти соглашения постепенно становятся частью правил жизни в общежитии, соответствуя логике «повседневного порядка» по

Г. Гарфинкелю: нормы не всегда формулируются, но поддерживаются через повторяющиеся действия: «мы договорились не шуметь после 11» (студент из Узбекистана, муж.), «Я показала, как надо убираться» (студент из России, жен.).

Стратегии обучения и демонстрации.

Иногда студенты берут на себя функцию обучения, объясняя соседям ожидаемое поведение. Такой подход способствует интеграции и переходу к более высокой стадии принятия (по М. Беннетту): «Тут надо просто помочь, как-то направить». Это помогает укрепить доверие и выработать общие ожидания.

Формирование совместных рутин и эмоциональной устойчивости.

Постоянное взаимодействие формирует привычку к совместным рутинам: уборка, тишина ночью, гостевой режим. С течением времени эти правила становятся частью повседневности и помогают снижать эмоциональное напряжение. В итоге многие студенты переходят к стадии адаптации и интеграции: «Сначала злился, потом понял, что у него так принято» (студент из Индии, муж. «Мы просто уже не обращаем внимания» (студент из Казахстана, муж.).

Таким образом, конфликты между российскими и иностранными студентами в общежитии проявляются в спектре от скрытого недовольства до открытого противостояния. Их преодоление возможно за счет терпимости, неформальных соглашений, обучения и выработки новых совместных рутин. С точки зрения теории М. Беннетта, большинство студентов проходят путь от защиты к адаптации. Эти процессы опираются на повседневные практики, которые обеспечивают устойчивость и предсказуемость повседневного взаимодействия.

*На основе анализа интервью выделены следующие стратегии преодоления конфликтов***.** В зависимости от уровня межкультурной чувствительности и готовности к диалогу, студенты выбирают разные поведенческие модели. Первая – протестная стратегия: жалобы, обращения к администрации, открытые конфликты: «если нет, я буду сказать старосте» (студент из Индонезии, жен.). Вторая – коммуникативная стратегия: попытки объяснить свои ожидания, поиск компромисса: «мы договорились не шуметь после 11» (студент из Узбекистана,

муж.). Третья – адаптивная стратегия: принятие ситуации, изменение своего поведения, смирение**.** Четвертая – избегающая стратегия: уход в национальные группы, дистанцирование, прекращение попыток договориться: «я перестала объяснять, потому что это как об стену горох» (студентка из России, жен.).

Стратегии преодоления барьеров различаются: от молчаливой терпимости и смирения с отличиями до формирования повседневных неформальных договорённостей защиты (эмоционального закрытия) к стадии принятия и интеграции (по модели М. Беннетта). Однако часть конфликтов остаётся скрытой и нерешённой, формируя фоновое напряжение, негативную атмосферу и способствуя сегрегации студентов по национальному или культурному признаку. Важно, что формирование устойчивых бытовых рутин и неформальных норм взаимодействия способствует снижению уровня конфликтов и эмоционального напряжения, а также развитию толерантности и взаимопонимания.

Список источников

5. РИА Новости. В российских вузах обучается около 355 000 иностранных студентов // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20231123/student-1911436685.html (дата обращения: 01.06.2025).

6. Томский государственный университет увеличил набор иностранных студентов на 19 % в 2024 году // Сайт Томского государственного университета. URL: https://news.tsu.ru/news/tgu-v-2024-godu-na-19-uvelichil-nabor-inostrannykh-studentov/ (дата обращения: 02.06.2025).

7. Данные образовательной сети Studyportals.com. URL: https://studyportals.com/wp-content/uploads/2018/01/Report-EnvisioningPathways-to2030-Studyportals2018.pdf (дата обращения: 04.06.2025).

8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе по организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004.

9. Гарфинкель Г. Этнометодология: основные концепции и подходы. URL: https://studfile.net/preview/7166063/page:13/ (дата обращения: 07.06.2025).

10. Bennett M.J. Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. // In R.M. Paige (Ed.), Education for the intercultural experience. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. P. 21–71.

Д. Н. Одинцова

КЛАССИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ МОЛОДЕЖИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНИМОСТИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается возможность применения классических социологических теорий молодежи по отношению к странам Центральной Азии с учетом культурных особенностей, характерных для данного региона. Автором анализируется возможность применения концепций К. Мангейма, Т. Парсонса, а также представителей Чикагской школы, определяются проблемные поля в вопросах имплементации данных теорий на реалии стран Центральной Азии, имеющих культурные особенности, отличные от привычных Западу ценностей.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, Чикагская школа, «демографический дивиденд», теория поколений, концепция переходного статуса.

D. N. Odintsova

CLASSICAL THEORIES OF YOUTH AND PROBLEMS OF THEIR APPLICABILITY IN RELATION TO CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Abstract. This article examines the applicability of classical sociological theories of youth to Central Asian countries, taking into account the cultural characteristics characteristic of this region. The author analyzes the applicability of concepts by K. Mannheim, T. Parsons, and representatives of the Chicago School, and identifies problem areas in implementing these theories in the realities of Central Asian countries, which have cultural characteristics that differ from those of the West.

Keywords: youth, sociology of youth, Chicago school, «demographic dividend», generational theory, concept of transitional status.

С точки зрения современной социологической науки, актуализация исследовательского интереса к молодежи, проживающей в странах Центральной Азии, представляется не просто данью академической моде, но скорее необходимостью, обусловленной комплексом различных причин. Данный регион, выступающий в качестве уникальной социальной системы, демонстрирует интенсивные и подчас противоречивые траектории

трансформации, где молодежь выполняет роль ключевого актора, индикатора и одновременно реципиента масштабных общественных изменений.

Важность ее системного изучения проистекает, прежде всего, из ее демографической значимости. Страны Центральной Азии характеризуются относительно молодым возрастным составом населения, где доля молодежи составляет существенный процент – по состоянию на 2020 год в среднем 24% (на примере Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана) [1, с. 28]. Эта демографическая структура, известная в научной литературе как «демографический дивиденд», т.е. структура, имеющая потенциальный экономический рост, который может возникнуть в результате изменения возрастной структуры населения, когда доля трудоспособного населения в возрасте от 15 до 65 лет выше, чем доля нетрудоспособного населения в возрасте младше 14 и старше 65 [2, с. 3], создает как уникальные возможности для экономического и социального рывка, так и порождает серьезные вызовы системного характера. С одной стороны, значительная часть экономически активного населения представляет собой мощный трудовой и инновационный потенциал. С другой стороны, неспособность государства и общества создать адекватное количество рабочих мест, обеспечить доступ к качественному образованию и реализовать социальные лифты чревата рисками маргинализации значительных масс молодых людей, роста социальной напряженности и усиления миграционных потоков. Таким образом, социологический анализ ценностных ориентаций, профессиональных устремлений и поведенческих стратегий молодежи из стран Центральной Азии становится не только академической задачей, но и необходимым элементом для выработки взвешенной государственной социальной и экономической политики.

Кроме того, молодежь Центральной Азии представляет исключительный интерес в контексте изучения процессов формирования новых идентичностей в условиях глобализации. Регион является пространством интенсивного наложения и взаимодействия разнонаправленных векторов: это и процесс постсоветского национального строительства, и возрождение (или реинвенция) доисламских и исламских культурных традиций, и

мощное влияние глобальных, в значительной степени вестернизированных, медиа и потребительских стандартов. Молодое поколение, в отличие от своих родителей, социализированных в унифицированном советском идеологическом пространстве, вынуждено конструировать свою идентичность в этой сложной, плюралистичной и зачастую конфликтной среде. Социология призвана исследовать, каким образом в сознании и практиках молодых людей сочетаются, например, гражданский патриотизм, этническая солидарность, религиозные убеждения и глобальная культурная принадлежность. Изучение этих гибридных идентичностей позволяет выявить не только специфику данного региона, но и способствовать развитию общей теории идентичности в современном мире, характеризуемом сжатием пространства-времени и возрастанием гибридизации культур.

Не менее значимым аспектом является роль молодежи в трансформации социальной структуры и общественных институтов в странах Центральной Азии. Традиционные для региона институты, такие как семья, община, система родства, подвергаются серьезному переосмыслению под влиянием новых поколенческих установок. Урбанизация, расширение доступа к высшему образованию, особенно для девушек, изменение моделей брачного и репродуктивного поведения — все эти процессы инициируются и реализуются именно молодежью. Социологический анализ позволяет проследить, как меняется природа социальных связей: ослабевает ли вертикальная солидарность и авторитет старших, уступая место горизонтальным, основанным на личном выборе связям, или же происходит их сложная адаптация и модификация. Понимание этих глубинных сдвигов крайне важно для прогнозирования будущего социального ландшафта региона, устойчивости его общественного устройства и потенциала для дальнейшей модернизации.

Наконец, с макросоциальной точки зрения, молодежь Центральной Азии является важным субъектом политических процессов. Ее политические ориентации, уровень доверия к институтам власти, формы политического участия (как конвенциональные, так и протестные) во многом определяют

стабильность политических режимов в странах региона. В условиях часто ограниченного пространства для публичной политики именно молодежь становится главным пользователем цифровых платформ, где формируется общественное мнение, циркулируют альтернативные нарративы и зарождаются новые формы солидарности и коллективного действия. Исследование ее политических настроений и практик позволяет не только диагностировать текущий уровень социального самочувствия, но и идентифицировать потенциальные зоны риска и конфликта, а также оценить долгосрочные перспективы политического развития государств Центральной Азии.

Таким образом, комплексное социологическое изучение молодежи Центральной Азии выходит далеко за рамки узко понимаемой возрастной проблематики. Оно представляет собой стратегически важное направление, позволяющее диагностировать ключевые тенденции и противоречия всего общества в целом. Молодежь выступает здесь в роли социального барометра, чутко реагирующего на изменения макросреды, и в роли активного творца нового социального порядка. Следовательно, проведение глубоко и эмпирически верифицированного анализа данной социальной группы является необходимым условием для глубокого понимания настоящего и вероятного будущего одного из наиболее динамичных и значимых в геополитическом отношении регионов современного мира.

В этой связи анализ применимости классических социологических теорий молодежи в контексте социально-трансформационных процессов в странах Центральной Азии видится одним из первостепенных и необходимых. Актуальность данной проблематики обусловлена сложным характером модернизационных траекторий данного макрорегиона, где традиционные социальные структуры интенсивно взаимодействуют с вызовами глобализации, формируя уникальные конфигурации молодежных идентичностей.

Применение классических теоретических парадигм, сформированных в западноевропейском социокультурном контексте, к реальности Центральной Азии требует тщательной методологической проработки. Одной из фундаментальных концепций, претендующей на универсальность, является теория

поколений К. Мангейма. В своей работе «Проблема поколений» [3, с. 33] он говорит о том, что поколения, пережившие значимые исторические события в период формирования их идентичности (так называемый «первоначальный аккультурационный опыт»), образуют «поколения-единицы», обладающие специфическим «стилем мышления». При проекции данной теории на реалии Центральной Азии возникает ряд существенных нюансов. Поколенческая последовательность в регионе маркируется не линейно, а дискретно: поколение, социализировавшееся в позднесоветский период, резко контрастирует с поколением, сформировавшимся в первые годы национальной независимости (так называемое «постсоветское поколение»), которое, в свою очередь, радикально отличается от современной молодежи, растущей в условиях цифровизации и глобального медиапространства. Однако мангеймовская концепция «свежести контакта» и «беспредпосылочности» молодого поколения сталкивается с ограничениями, характерными для обществ с сильными патриархальными традициями и отношением к старшему поколению, где вертикальная передача культурных образцов сохраняет традиционный характер. Таким образом, в Центральной Азии мы наблюдаем не столько конфликт поколений в западном понимании, сколько сложный симбиоз, где инновационный потенциал молодежи зачастую трансформируется и адаптируется в рамках традиционных ценностных матриц.

Не менее значимой для анализа является концепция «переходного статуса» молодежи, разработанная в структурно-функциональной традиции, в частности, в работах Т. Парсонса. Согласно этому подходу, молодежь представляет собой социальную группу, находящуюся в переходном состоянии между первичной социализацией в семье и окончательной интеграцией во «взрослую» статусную систему через профессиональное самоопределение и создание собственной семьи [4, с. 128]. Данная модель, будучи приложенной к социальной реальности Центральной Азии, демонстрирует как свою объяснительную силу, так и явную недостаточность. С одной стороны, процессы урбанизации и расширения доступа к высшему образованию объективно удлиняют период «переходности» для значительной части городской молодежи, что коррелирует с парсоновской

схемой. С другой стороны, в традиционных сельских сообществах жизненный путь индивида остается значительно более предопределенным, а переход к взрослым статусам (вступление в брак, рождение детей) осуществляется в гораздо более раннем возрасте, минуя пролонгированный мораторий. Более того, сама дихотомия «традиционное — современное» оказывается размытой в условиях гибридизации, когда молодой человек может одновременно быть интегрированным в глобальные цифровые сообщества и при этом оставаться носителем строгих родовых и семейных обязательств. Это создает специфический вариант «переходного статуса» для Центральной Азии, характеризующийся не линейным движением от одного состояния к другому, а постоянным балансированием между множественными, подчас конфликтующими, системами нормативных ожиданий.

Особый интерес представляет анализ молодежи Центральной Азии сквозь призму теории субкультур, восходящей к работам представителей Чикагской школы и, в дальнейшем, Бирмингемской школы культурных исследований таких как С. Холл и Т. Джефферсон. Классическая теория трактует молодежные субкультуры как символические формы сопротивления доминирующей культурной гегемонии, выражающиеся в специфических стилях (одежда, музыка, сленг) [5, с. 117]. В контексте Центральной Азии прямое заимствование данной объяснительной модели проблематично. Локальные молодежные практики, внешне напоминающие западные субкультуры (например, интерес к хип-хопу или аниме), зачастую лишены их изначального протестного заряда и являются скорее формами культурной апроприации и адаптации к глобальным трендам, способом конструирования современной идентичности, не обязательно оппозиционной по отношению к старшим поколениям или государству. Вместе с тем, в регионе формируются и региональные формы молодежной самоорганизации, такие, например, как неформальные спортивные или музыкальные сообщества, которые выполняют функции социальной кооперации и солидарности в условиях ограниченных возможностей для публичной самодеятельности. Их анализ требует выхода за рамки бинарной оппозиции

«сопротивление — согласие» и учета таких факторов, как роль родственных сетей, локальный патриотизм и стратегии адаптации к социально-экономической нестабильности.

Отдельного рассмотрения заслуживает применимость к региону концепции «возрастной стратификации», разработанной в рамках неоэволюционистской парадигмы. Данный подход рассматривает молодежь как специфический возрастной слой (страту), занимающий определенную позицию в системе социального распределения ресурсов, власти и престижа [6, с. 131]. В странах Центральной Азии возрастная стратификация теснейшим образом переплетена с другими основаниями социального неравенства – кланово-родственными (жузовыми) связями, региональной принадлежностью, уровнем доступа к государственным институтам. Молодежь не является гомогенной стратой, ее позиция и жизненные шансы жестко определены ее изначальным положением в этой сложной многомерной социальной матрице. Это создает систему структурных ограничений, которая может как блокировать социальную мобильность, так и предоставлять определенные «лифты» для тех, кто обладает нужным социальным капиталом. Следовательно, анализ молодежи в регионе невозможен без учета ее глубокой внутренней дифференциации по экономическому, этнокультурному и, что особенно важно, территориальному признаку (столица — крупный город — провинция — село).

В заключение следует отметить, что классические социологические теории молодежи, будучи мощным аналитическим инструментом, при переносе на Центрально-Азиатский регион демонстрируют необходимость серьезной концептуальной адаптации. Их научная ценность заключается не в готовых решениях, а в том, что они задают систему координат и категориальный аппарат для постановки исследовательских задач. Однако для глубокого и структурного понимания молодежи Центральной Азии требуется синтез классического наследия с учетом специфики местных культурных кодов, трансформации семейных и общинных институтов, а также макросоциальных процессов, связанных с построением национальных государств и поиском стратегий развития в глобализирующемся мире. Молодежь Центральной Азии представляет собой не пассивный

объект социальных трансформаций, а активного актора, чьи стратегии, совмещающие в себе элементы традиции и модерна, во многом определяют будущие векторы развития всего макрорегиона.

Список источников

1. Ерешкеева Л. ЮНЕСКО. Молодежь Центральной Азии. Вызовы миростроительству: Комплексный исследовательский обзор. Париж: Изд-во UNESCO, 2021. 181 с.

2. UNFPA. 2015. Investing in Young People in Eastern Europe and Central Asia, 20 p.

3. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / пер. Е.Я. Додина; отв. ред. Л.В. Скворцов. М., 2000. 164 с.

4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

5. Кадер А.С. Субкультура как культурный феномен в исследованиях Чикагской школы человеческой экологии и Бирмингемского центра современных культурных исследований // Труды института бизнес-коммуникаций: сб. ст. / под общ. ред. М.Э. Вильчинской-Бутенко. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2022. Т. 10. С. 116–122.

6. Карама Л.Л., Рак Е.А., Рак В.Е. Возрастная стратификация как фактор цифровизации региона // Цивилизационный потенциал Российского региона: проблемы измерения, интерпретации и оценки: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф., Калининград, 01 декабря 2022 года. Калининград: РА «Полиграфычъ», 2022. С. 129–134.

А. О. Панченко
Научный руководитель М. Ю. Горожанина

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматривается состояние традиционных ценностей в современной России, включая их проблемы и возможности для развития. Анализируются различные определения понятия “традиционные ценности”, их содержание согласно официальным документам и представлениям населения. Особое внимание уделяется исторической роли традиционных ценностей в периоды кризисов и трансформаций, а также рискам, связанным с их использованием в современной политике и

общественной жизни, таким как упрощение картины мира и поляризация мнений. В заключение подчеркивается потенциал традиционных ценностей для формирования национальной идеи и укрепления духовной идентичности России, при условии их гибкой адаптации к современным реалиям и учёта этнического и религиозного многообразия нашей страны.

Ключевые слова: традиции, традиционные ценности, самобытность, духовный поиск, духовный кризис, духовные ориентиры, государственная идея.

A. O. Panchenko
Scientific supervisor: M. Yu. Gorozhanina

TRADITIONAL VALUES IN MODERN RUSSIA: POTENTIAL FOR SPIRITUAL SAFETY, RISKS, AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the state of traditional values in modern Russia, including their problems and opportunities for development. It analyzes various definitions of the concept of “traditional values” and their content according to official documents and the views of the population. Special attention is paid to the historical role of traditional values during periods of crisis and transformation, as well as the risks associated with their use in modern politics and public life, such as the simplification of the worldview and the polarization of opinions. In conclusion, the potential of traditional values for the formation of a national idea and strengthening of Russia's spiritual identity is emphasized, provided that they are flexibly adapted to modern realities and take into account the ethnic and religious diversity of our country.

Keywords: traditions, traditional values, originality, spiritual search, spiritual crisis, spiritual guidelines, state idea.

Культура является неотъемлемой частью общества в целом и индивида в частности. Она включает в себя понятия, так или иначе связанные с национальным самосознанием: от фольклора, языка и обычаев до религии, истории и самоидентификации. И одно из этих понятий – это традиционные ценности, которые в связи с информационной и когнитивной войной Западных стран против России стали одним из ключевых факторов сплочения российского общества, а значит и поддержания социальной безопасности. На тему традиционных ценностей проводятся «уроки о важном» в школах. В образовательную программу

вводятся новые предметы: Семьеведение и ОРКСЭ (Основы религиозных культур и светской этики).

О традиционных ценностях говорит патриарх Кирилл. И даже президент РФ В.В. Путин упоминает о них в своих обращениях к Федеральному Собранию. В массовой культуре так же прослеживается запрос на традиционные ценности через исторические художественные фильмы («28 Панфиловцев», «Легенда о Коловрате», «Союз Спасения») и сериалы («София», «Грозный», «Великая»), историческую музыку («RADIO ТАРОК»), и даже через фольклорные ансамбли и музыкальные группы («ХВОЯ», «Мельница», «OTYKEN», отдельно стоит упомянуть песню «Матушка» Татьяны Куртуковой). В связи с этим нам важно осознавать, что из себя представляют российские традиционные ценности, в каком они состоянии и как реализуются на практике. Задача данной работы – определить состояние традиционных ценностей в современной России, включая их проблемы и возможности для развития.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос: «Что такое традиционные ценности?». Существует несколько точек зрения на этот счёт. Согласно периодизации истории Э. Тоффлера, традиционные ценности – это ценности отдельной нации, ценности аграрного общества [1, с. 32]. Иное определение у доктора философских наук Людмилы Баевой, которая считает, что традиционные ценности – это смысло-значимые ориентиры жизнедеятельности, выражающие стремление к устойчивому сохранению единства человека и общества связи с его историческим прошлым, национальными и культурными особенностями, приоритете классических духовных принципов и добродетелей [2].

В указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечено, что традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в

духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [3].

Как видно, мнений о том, что такое традиционные ценности много, что подчёркивает многогранность и многозначность этого понятия, однако для удобства мы возьмём за основу определение из указа № 809. Вопрос о том, какие конкретно в России традиционные ценности нужно рассматривать с нескольких сторон. Позиция государства на этот счёт выражена в уже упомянутом указе президента о традиционных ценностях. Согласно ему, они включают в себя: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Отдельно в историческом становлении и образовании традиционных ценностей обозначается роль православия и религий российских народов.

Мнение населения по этому же вопросу выражается в опросах. Согласно результатам опросов ВЦИОМ за три года, результат которых были опубликованы в 2025 г., россияне в целом согласны с содержимым традиционных ценностей, обозначенном в указе президента [4]. Но при этом они выделяют среди них «основные», а именно крепкую семью (68 %), историческую память (33 %), свободы и права человека (30 %). Такие ценности как религия, коллективизм и национальные праздники «задвигаются» на второй план. При этом стоит учитывать разницу в ценностях между поколениями (у поколения цифры они больше сосредоточены вокруг индивидуализма, а у более старших – вокруг государственности, но всегда выделяется семья как одна из высших ценностей.) и между разными этническими или религиозными группами России. Более того, определение российских традиционных ценностей у многих всё ещё вызывает вопросы. Согласно результатам опроса Фонда «Общественное мнение», опубликованным в 2024 г. на вопрос «Какие мысли, ассоциации прежде всего приходят вам в голову, когда вы

слышите выражение «традиционные ценности»?» 38 % респондентов не смогли дать чёткого ответа [5].

Исходя из вышеописанного, можно сказать, что у государства и населения могут быть хоть в большинстве своём и совпадающие, но немного различающиеся традиционные ценности, не говоря о том, что традиционные ценности могут различаться у разных групп населения, что усложняет работу с данным понятием. Кроме того, всегда стоит учитывать, что традиционные ценности способны к изменениям в связи с появлением новых духовных потребностей общества. Например, долгое время российское общество было очень религиозным и в основе многих традиций, ценностей и даже государственной идеи (вроде «Москва-Третий Рим» и «Теории официальной народности») лежало православие, которое исповедовала большая часть населения, а сейчас российское общество во многом светское и религия перестала быть основой жизненных ориентиров населения и государства. Поэтому традиционные ценности не соответствуют прошлому, а опираются на его образы для легитимации и придания авторитета настоящему, т.е. по сути являются отчасти мифами, которые нормальны и даже необходимы для построения единого общества и воспитания граждан в атмосфере патриотизма и уважения к прошлому своей страны.

Исторических примеров того, как традиционные ценности стали опорой Российского государства и народа в периоды духовного кризиса, было немало в нашей истории. Православная вера помогла московским князьям в деле объединения Северо-Восточной Руси. Во время Смуты расколотое русское общество объединилось вокруг национального самосознания, православной веры и девиза «не бывать царству королевством».

В период войны 1812 г. русское общество вновь консолидировалось вокруг национального самосознания и российской самобытности, что впоследствии возродило в российском высшем обществе интерес к российской культуре и традициям. Даже в пору Великой Отечественной Войны Советский Союз активно опирался на «богатырское» прошлое и вновь начал поддерживать работу РПЦ, разрешив ей открытие новых приходов, проведение крестных ходов и прочих

послаблений. Впрочем, традиционные ценности вызывали и множество споров. Раскол русской православной церкви в XVII в. был спором о том, должна ли Россия сближаться с прочими православными церквями или наоборот, увеличивать дистанцию, сохраняя свою самобытность. В XIX в. западники и славянофилы пытались определить российский путь как общеевропейский или самобытный.

Подобные исторические явления, когда сталкивались между собой традиция и новые тенденции, возникали в момент духовного поиска или духовного кризиса русского народа. И нынешнее активное обращение российского государства и общества к традиционным ценностям тоже вызвано духовным надломом, и последующим духовным поиском.

После распада СССР в России 1990-х гг. проводилась «модернизация как вестернизация» и, соответственно, активный импорт западных ценностей, ломающих привычное мышление и традиции, что породило духовный кризис российского народа. Глобализация, вестернизация, общество потребления размывают грань между национальными и общемировыми ценностями, как правило просто пренебрегая первыми [6] нарушают самобытность российской культуры и постепенно становятся частью ценностной ориентации страны. В добавок к этому Россия столкнулась не только с новыми тенденциями, но и с информационным и санкционным давлением со стороны Запада. В связи со всем вышеперечисленным государству и обществу необходима опора самобытности, национальных интересов и безопасности. И оно нашло эту опору в традиционных ценностях, которые на данный момент и выполняют функцию реакции, экранизирующую влияние глобализации и неолиберализма.

Однако при опоре на традиционные ценности следует учитывать множество рисков, связанных с данным явлением. Да, традиционные ценности защищают российский уклад жизни и консолидирует, мобилизует общество, но вместе с тем, предоставляя шаблонные решения проблем, они могут упростить картину мира до состояния «чёрное-белое», «своё-чужое», расставив тем самым положительные и негативные акценты [1, с. 37] Это приведёт к тому, что всё новое и/или чуждое российской культуре или ценностям будет признано опасным, даже если оно

прочно вошло в нашу жизнь. Например, в современном российском обществе во многом демонизируется либерализм, «видя в нём носителя зла и угроз для российской цивилизации, а не философское течение и политическое течение» [1, с. 36]. Это может привести нас к отказу от ценностей, которые были привнесены в нашу действительность либерализмом: нерушимости человеческого достоинства или абсолютной ценности каждой личности и прочие неотъемлемые права и свободы человека. Подобные убеждения и установки общества могут привести его к самоизоляции, отказу от изучения окружающих культур и переработки их опыта.

Кроме того, традиционные ценности имеют весомый авторитет в обществе, часто являясь одним из основных ориентиров для индивида в частности и общества в целом. Но и это может стать проблемой, ведь их в связи с этим могут начать воспринимать как панацею, как универсальный инструмент решения разноплановых проблем современности [1, с. 11–12]. Например, нередко можно услышать, как демографическую проблему или проблему разводов в России пытаются решить с помощью пропаганды традиционных ценностей среди молодых людей. Однако обе эти проблемы исходят не столько из проникновения инородных ценностей, которым традиционные ценности и противостоят, сколько из изменения самого образа жизни. Если ранее, в условиях многопоколенной традиционной семьи, дети были в том числе работниками и хорошим экономическим активом, то сейчас вместе с повышением требований общества к образованию и финансовым обеспечений развития ребёнка, дети стали скорее экономическим пассивом. И просто пропагандой традиционных ценностей эти проблемы не решить. То есть традиционные ценности могут привести к упрощённому пониманию путей решения проблем, которые уже не будут соответствовать реальности.

Даже содержание российских традиционных ценностей вызывает вопросы у некоторых специалистов. Например, термины «высокие нравственные идеалы» и «созидательный труд» очень абстрактные, а понятия «коллективизм» и «личные права и свободы» могут даже вступать в конфликт друг с другом [1, с. 8]. Всё это может порождать субъективные трактовки традиционных

ценностей, что в купе с поляризацией общественного мнения, делением на «своих и чужих» может привести к расколу российского общества, что совершенно недопустимо. Так, нельзя утверждать, что мусульманские народы России являются примером и образцом российских традиционных ценностей из-за того, что у них сохранились семейные ценности, вроде традиции больших многопоколенных семей, глубокого уважения к старшим и прочего, ведь мусульманские ценности часто вступают в противоречие с религиозными или бытовыми ценностями прочих народов России. Так же и православие или какой-либо этнос не должны становиться образцом традиционных ценностей, ведь это приведёт к разъединению, а не объединению российского народа.

Однако нужно понимать, что в опоре на традиционные ценности есть не только разнообразные риски, но и перспективы для развития. Всегда стоит помнить, что в сути своей традиционные ценности – это гибкое, меняющееся со временем явление, которое обязано отвечать требованиям современности, а не прошлого. Например, российский народ не обязан следовать установкам «Домостроя», потому что ценности, установленные в этом произведении, уже не соответствуют культурным и бытовым реалиям российских людей. И это не грозит их разрушением или размыванием, потому что настоящие традиционные ценности произрастают из образа жизни людей, их повседневности, тем самым крепко и надолго оставаясь естественным культурным ориентиром. Если же традиция отмирает, то это говорит о её ненужности, неестественности и нежизнеспособности в новых реалиях. Их не нужно насильно пропагандировать и тем более насаживать в новые реалии, ведь жизнеспособное и надёжное не требует насаждения, а нежизнеспособное привнести в современную жизнь уже невозможно.

И это не значит, что традиционные ценности не требуют защиты от инородного воздействия. Нужно повышать уровень политической и гражданской грамотности населения для лучшего понимания традиционных ценностей. Нужно развивать традиционные ценности так, чтобы они удовлетворяли духовным запросам российского общества. Нужно использовать опыт построения единого многоконфессионального и многонационального общества из прошлого нашей страны, будь

то опыт империи или опыт «Дружбы народов» в СССР, учесть их ошибки и преобразовать в единую государственную идею. И тогда традиционные ценности станут не просто защитой, но и основным духовным ориентиром России в будущем.

Подводя итог, нужно сказать, что российские традиционные ценности на данный момент выполняют задачи по защите самобытности нашей культуры от внешних воздействий, а также являются одним из основных ценностных ориентиров для российского населения. При этом опора на них сопряжена с множеством рисков, вроде поляризации общественного мнения, упрощения суждений, навязывания нежизнеспособных традиционных ценностей и даже раскола российского общества. Но, тем не менее, традиционные ценности в перспективе способны стать не только защитой от инородных ценностей и основанием для противопоставления себя с Западом, но и основой для формирования единой российской национальной идеи и традиции, которая окончит духовный поиск, начавшийся после катастрофы 1990-х гг.

Список источников

1. Гилязова А.И. Традиционные российские ценности: понятие, назначение, достоинства и ограничения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-rossiyskie-tsennosti-ponyatiya-naznachenie-dostoinstva-i-ogranicheniya/viewer (дата обращения: 28.07.2025).

2. Баева Л.В. Традиционные ценности: понятие и смыслы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-ponyatie-i-smysly/viewer (дата обращения: 28.07.2025).

3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей”. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 28.07.2025).

4. Традиционные ценности: ожидание и реальность. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost (дата обращения: 29.07.2025).

5. Традиционные ценности. URL: https://fom.ru/TSennosti/15068 (дата обращения: 29.07.2025).

6. Щенников А.М. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-kak-faktor-sohraneniya-i-edineniya-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 30.07.2025).

В. А. Передерий, А. С. Новикова

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОПАСНОСТЬ ВЕРБОВКИ И ВОВЛЕЧЕНИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Жизнь современного человека на сегодняшний день немыслима без цифровых технологий. Свободный доступ к Интернет-пространству дает большие возможности как для саморазвития личности, предоставляя доступ к широким образовательным и научным площадкам, так и для возникновения новых вызовов и информационных угроз. Статья освещает процесс вербовки и вовлечения граждан в террористические организации посредством цифровых технологий, что, по мнению авторов, является серьезной проблемой, наносящей большой урон стабилизации социума. В статье приведены статистические данные преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Определены факторы, лежащие в основе вовлечения российских граждан в террористическую деятельность на социальных медиаплатформах, предложены профилактические меры по противодействию процессу вербовки в информационной среде.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, вербовка, противоправная деятельность, вовлечение граждан, цифровая среда, информационные угрозы.

V. A. Perederiy, A. S. Novikova

THE DOWNSIDE OF DIGITAL TECHNOLOGY: THE DANGER OF RECRUITMENT AND INVOLVEMENT IN TERRORIST ORGANIZATIONS

Abstract. The life of a modern person today is unthinkable without digital technology. Free access to the Internet space provides great opportunities for personal self-development, providing access to wide educational and scientific platforms, as well as for the emergence of new challenges and information threats. The article highlights the process of recruiting and involving citizens in terrorist organizations through digital technologies, which, according to the authors, is a serious problem that causes great damage to the stabilization of society. The article provides statistical data on crimes committed with the help of information and telecommunication technologies. The factors underlying the involvement of Russian citizens in terrorist activities on social media platforms are identified, and preventive measures are proposed to counteract the recruitment process in the information environment.

Keywords: terrorism, extremism, recruitment, illegal activities, citizen involvement, digital environment, information threats.

Хронологические рамки 21 века соответствуют развитию абсолютно новой цивилизации, известной как информационная. Последнее десятилетие информационная среда поглощает наше внимание и давно уже стала неотъемлемой частью нашей жизни, оставляя след практически во всех сферах жизнедеятельности. Цифровая среда сегодня становится трамплином для совершения преступлений террористами, основной задачей которых является распространение собственных идеологий. Возможность жертв выйти на связь со злоумышленником посредством социальных сетей всегда ведет к одной цели вербовщика: изменение сознания жертвы, осуществление в отношении нее манипуляционных действий и, в последующем, формирование определенных групп из «новых» приверженцев идеологии террора.

Каждый год правоохранительные органы проделывают большой объем работы по предупреждению и раскрытию преступлений террористической направленности, однако, в результате стремительного развития цифровых технологий количество совершаемых преступлений в этой области не становится меньше. Так, по официальным статистическим данным МВД РФ, за период январь-апрель 2025 года количество преступлений в сфере террористической и экстремистской деятельности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, по общим подсчетам составляет 729 преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации. По сравнению с 2025 годом показатели периода январь-июнь 2023 года меньше – 524 преступления [1].

Предметом исследования данной работы выступает влияние социальных медиаплатформ, некоторые из которых признаны на территории Российской Федерации экстремистскими интернет-площадками (Facebook, ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, Twitter и другие) на процесс изменения мировоззрения граждан в сторону экстремистских и террористических взглядов, а также механизмы вербовки террористическими группами граждан при использовании интернета в качестве вспомогательного инструмента. Наиболее неустойчивой к вербовке категорией населения продолжает оставаться молодежь. Именно молодое

поколение является фундаментом будущего, определяет тенденции развития общества и государства во всех сферах благодаря своей активности и социальной ответственности, а соответственно, его правильному воспитанию и формированию «здорового» сознания у молодых людей нужно уделять особое внимание.

Отметим, что наибольшая опасность процесса вовлечения человека в противоправную деятельность заключается в латентности ее проявления для вербуемого. Зачастую жертва поначалу даже не осознает, что в отношении нее совершаются манипуляции и происходит «промывание мозгов», применяемое в качестве методики принудительного убеждения и воздействия на сознание. Определяя роль вербовщиков в социальной сфере, их стоит рассматривать как специально обученных людей, обладающих навыками и умениями манипулирования кандидатами вербовки и поиска их слабых мест, применяя метод «кнопки управления» [2].

На практике фиксируются случаи, когда в качестве потенциального контингента на вербовку террористические организации и их последователи по всему миру рассматривают тех, кто в социальных сетях распространяет оппозиционные взгляды существующей системе власти субъекта или государства, в которых они проживают. Так, представители мэрии города Аргун Чеченской Республики определили несколько факторов, способствующих вовлечению человека в террористическую и экстремистскую деятельность:

- снижение уровня социальной защиты личности, жизненно важных интересов общества и государства, а также уровня жизни населения;

- большая доля вероятности влияния организованной преступности на обострение возникших в обществе противоречий, вызванных ростом неудовлетворенности части населения нынешним социальным и материальным положением;

- расширение возможностей по пропаганде идей терроризма с использованием современных средств коммуникации, проведение террористических актов через СМИ и Интернет, в том числе война и военные конфликты, в рамках которых террористические акты становятся частью военных действий [3].

Помимо этого, терроризм не ограничивается одним субъектом или государством. «Психологическая война» возможна во всех сферах жизни общества благодаря массовой информатизации. Распространение пропаганды как одна из форм ведения подобного рода войны может выражаться не только в многочисленных публикациях запрещенного контента в социальных сетях, но и в установлении прямого контакта путем индивидуальных переписок или звонков с лицами, которые легко поддались террористической пропаганде ранее, так как осведомленного человека в разы сложнее сбить с пути. По данным Администрации города Кисловодска Ставропольского края, для осуществления вербовки террористические организации чаще стали использовать сайты сети Интернет, защищенные паролем, или различные порталы, доступ к которым имеет только лицо, обладающее правом доступа на такой портал [4].

Интернет имеет свойство видео- и фоторекламного потенциала и распространение террористической информации среди большой аудитории во многом облегчает пропагандистскую деятельность. Сложность контроля ситуации в интернет-среде заключается в отсутствии единого механизма отслеживания действий и борьбы с террористами на этапе вербовки граждан, что обуславливает быстрый рост числа совершаемых противоправных действий террористического характера, которые находятся на территории Российской Федерации под строгим запретом уголовного закона и караются суровым наказанием. Согласно положениям российского уголовного законодательства, лица, совершающие преступления подобного характера, привлекаются к уголовной ответственности по статье 205.1 «Содействие террористической деятельности», объективная сторона которой выражается в активных действиях, среди которых склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера [5].

Терроризм как наиболее опасная форма экстремизма распространен среди молодежи, которая отличается склонностью к импульсивности и проявлению социального протеста в различных формах. В последнее время в различных средствах массовой информации часто можно заметить новостные ленты о мировом терроризме, в частности про вербовку людей, большой

процент которых составляют молодые люди, попавшие в ряды войск ИГИЛ (организация, признанная в Российской Федерации запрещенной).

Отрицательная тенденция в Российской Федерации, связанная с вербовочной деятельностью и вовлечением граждан в террористическую деятельность, представляет собой угрозу и проблему для правоохранительных органов страны. Для более точного понимания характера действий вербовщика в процессе вовлечения человека в деятельность террористической направленности, необходимо провести анализ используемых психологических приемов и информационных технологий и поэтапно выделить основные аспекты [6]. В качестве подготовительного этапа следует выделить процесс сбора информации о человеке, с наибольшей вероятностью подходящего под критерии потенциального кандидата для вербовки, а также выработки схемы внедрения его в террористическую организацию. Основным этапом процесса вербовки выступает выход вербовщика на непосредственный контакт с вербуемым в форме беседы через социальные сети (переписки, видео- и аудиозвонки) и, соответственно, осуществление проверки на его приверженность к террористическим и экстремистским взглядам. В случае, когда вербовщик понимает, что кандидат на вербовку соответствует всем требованиям, он принимает решение о проведении манипуляционных мероприятий по удержанию лица, подвергшемуся психологическому воздействию, для дальнейшего «сотрудничества». Обработка мышления вербуемого перевоплощает его прежнее сознание в сознание «боевика-смертника», считающего единственным своим предназначением выполнение приказа лидера террористической организации.

Подводя итоги нашего исследования, считаем необходимым выделить ряд профилактических и превентивных факторов, способствующих снижению вероятности вовлечения граждан в противоправную деятельность, так как среди вербуемых лиц не бывает случайных людей, объектами вербовки становятся исключительно радикально настроенные личности. Важное значение имеет социальная обстановка в стране, а именно отсутствие социальной несправедливости и превосходства материальных благ над духовными ценностями [7]. Общей

задачей государственных и правоохранительных органов является пропаганда «здоровой» идеологии, воспитание патриотизм, любви к своей Родине, семейным традициям и духовно-материальным культурным ценностям.

Так, к числу профилактических мероприятий по нейтрализации вербовочных действий террористов мы предлагаем отнести следующие:

- организация учебного процесса с внедрением образовательных программ по гражданскому и идеологическому воспитанию подростков, в том числе с участием в них специалистов и экспертов по вопросам экстремизма и терроризма и их последствиям;

- распространение антитеррористических материалов в СМИ, социальных сетях, пропагандирующих огромные риски и негативные последствия;

- финансирование и поддержка молодежных инициатив в культурной, спортивной и образовательной областях;

- организация работы по предоставлению молодежи психологической помощи;

- проведение социальных программ по поддержке семейных ценностей и укреплению семейных связей;

- программы повышения квалификации для сотрудников правоохранительных органов в рамках прохождения программ по изучению различных методик по профилактике и выявлению молодых людей, наиболее подверженных рискам вербовки.

Также стоит обратить внимание на важность и необходимость обучения молодежи с раннего возраста безопасному поведению при использовании Интернет-ресурсов и своевременному распознаванию контента экстремистского и террористического направлений, а также образованию на региональном и федеральном уровнях различных молодежных форумов по профилактике терроризма и экстремизма.

Список источников

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности: официальный сайт. Москва. URL: https://мвд.рф/reports/item/66517593/ (дата обращения 11.05.2025).

2. Тулусов Д. Терроризм. Как вербуют людей? М.: Интернет-издательство: Ridero, 2017.

3. Мэрия города Аргун: офиц. сайт. Чеченская Республика. URL: https://newargun.ru/терроризм-и-опасность-вовлечения-под/ (дата обращения 11.05.2025).

4. Администрация города-курорта Кисловодска: офиц. сайт. Ставропольский край. URL: https://adm-kislovodsk.ru/site/item?id=1741 (дата обращения 11.05.2025).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 10.05.2025).

6. Кельдасов Т.Д. Вербовка российской молодежи экстремистскими организациями // Современный ученый. 2019. № 4. С. 310–314.

7. Передерий В.А. Идентичность и ценностные ориентации молодёжи // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 26 октября 2018 года. Краснодар: Армавирский государственный педагогический университет, 2018. С. 40–42.

В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева

МИГРАЦИЯ КАК РИСКОГЕННЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы миграции, которая сопровождает человечество на всех этапах его развития, является важным элементом общественной системы и оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности. Отмечается, что особую актуальность анализ миграций и их последствий для общества приобрел в условиях современного повышения интенсивности мобильности населения, ставшего следствием расширения коммуникационных и информационных сетей. Соответственно наряду с определенно положительными последствиями миграционных перемещений, повышаются риски и проявляются отрицательные эффекты не только для принимающих и направляющих мигрантов обществ, но и для самих мигрантов. Цель данной работы – представить результаты аналитического обзора исследований, рассматривающих миграционные риски для современных обществ и способы управления ими, в том числе направленные на своевременное предупреждение рисковых сценариев.

Ключевые слова: миграция, мигранты, миграционные риски, риск-менеджмент, современное общество, эффекты миграции

V. N. Rakachev, Y. V. Rakacheva

MIGRATION AS A RISK FACTOR IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article discusses the problems of migration, which accompanies humanity at all stages of its development, is an important element of the social system and has an impact on all spheres of life. It is noted that the analysis of migrations and their consequences for society has acquired particular relevance in the context of the modern increase in the intensity of population mobility, resulting from the expansion of communication and information networks. Accordingly, along with the definitely positive consequences of migration movements, risks increase and negative effects manifest themselves not only for receiving and sending migrant societies, but also for migrants themselves. The purpose of this paper is to present the results of an analytical review of studies examining migration risks for modern societies and ways to manage them, including those aimed at timely prevention of risk scenarios.

Keywords: migration, migrants, migration risks, risk management, modern society, migration effects

Одной из характерных черт современного общества является высокая мобильность населения. В миграционные процессы сегодня вовлечены практически все страны и регионы, что делает мир все более связанным и взаимозависимым. По состоянию на 2024 г. в мире насчитывается около 304 млн международных мигрантов, что составляет почти двукратный рост по отношению к 1990 г. [1]. В связи с чем международные и правительственные документы отмечают, что вопросы регулирования миграций, решения связанных с ими проблем, выходят сегодня на первый план. В частности повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., наряду с признанием позитивного вклада миграции в устойчивое развитие, сформулирована задача «содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики» [2].

Цель данной работы – представить результаты аналитического обзора исследований, рассматривающих миграционные риски для современных обществ и способы управления ими, в том числе направленные на своевременное предупреждение рисковых сценариев.

Миграция населения – неотъемлемое условие существования

человека, характерное для любых более или менее значительных человеческих образований, хотя ее причины, формы, результаты, последствия в разные исторические эпохи существенно различались. В этом смысле миграция населения глубоко исторична, а ее значение исключительно многосторонне. В целом можно утверждать, что современная картина размещения населения по земному шару сложилась в ее основных чертах в результате миграций. Обуславливал миграцию целый комплекс факторов, где одним из ключевых, помимо экономического и социального, был фактор безопасности, понимаемый в самом широком смысле.

В истории России миграция населения сыграла важнейшую роль. На эту роль, в частности, указывал В.О. Ключевский в своей крупнейшей обобщающей работе «Курс русской истории», где отмечал, что «вся история России есть история страны, которая колонизируется». «Колонизация страны – основной урок русской истории», – пишет он, а «периоды русской истории – главные моменты колонизации» [3, с. 30–31].

Вместе с тем миграционные процессы в Российской империи, в СССР и России после 1991 г. имели принципиально разные формы, обусловленные как политическим строем, так и общемировой ситуацией. Коренной перелом в мобильности населения в мире происходит после Второй мировой войны, но в СССР он имел свою специфику, обусловленную закрытостью советского общества. Но если внешняя миграция была незначительной, то перемещения внутри страны в послевоенные годы значительно увеличились, что было связано, в том числе, с переходом во второй половине 1950-х гг. от «административной» модели управления миграцией к «позитивистской» и снятием значительной части ограничений.

Коренное изменение миграционной ситуации в стране происходит после 1991 г., когда вследствие распада СССР, ухудшения экономической и политической ситуации, вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве происходит перемещение достаточно больших групп населения. В этот период одной из проблемных точек становится вопрос безопасности, как для мигрантов, так и для принимающего общества. Поскольку опыт регулирования таких ситуаций

отсутствовал, в этот период остро ощущается дефицит научных работ, рассматривающих миграцию в контексте безопасности.

Это определило исследовательский интерес к теме миграции и со второй половины 1990-х гг. появляется ряд исследований, анализирующих миграционную ситуацию на постсоветском пространстве. С.В. Рязанцев [4], Г.С. Витковская, С.А. Панарин, В.И. Мукомель [5], Х. Пилкингтон, А. Физакли [6], А.Г. Вишневский [7], Н.П. Космарская [8] и др. рассматривали миграцию в разных контекстах, в том числе с точки зрения безопасности.

Важным в осмыслении этих процессов стал выход коллективной монографии «Миграция и безопасность в России», под редакцией Г. Витковской и С. Панарина, объединившей ведущих специалистов в области исследования миграции [9]. В работе представлен анализ проблем безопасности в их взаимосвязи с миграционными процессами в России, основанный на результатах социологических исследований. Одной из задач работы стала необходимость противопоставить научный анализ множеству мифологем, бытующих в российском общественном сознании в связи с миграциями, мигрантами и их влиянием на российское общество.

Активизировались исследования миграции в российских регионах, прежде всего в тех, которые столкнулись с большим притоком мигрантов. Среди них Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края. Анализу миграционной ситуации в этих регионах были посвящены работы В.С. Белозерова [10], В.А. Авксентьева [11], В.Н. Петрова [12; 13], В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой [14], Л.Л. Хоперской, Г.С. Денисовой и др. Важной составляющих большинства этих работ стала опора на данные прикладных социологических исследований, в основе которых лежал анализ общественного мнения. Это позволило авторам избежать субъективизма и представить комплексный анализ миграционной ситуации.

Сегодня миграция остается одним из важных направлений в социальных и гуманитарных исследованиях и рассматривается в контексте экономики и трудовых ресурсов [15], демографической безопасности [16], межэтнических противоречий, социокультурных и психологических аспектов [17].

Особым направлением в исследовании миграций в последние годы становится риск-анализ [18]. На теоретическом уровне миграционные риски анализируют в контексте концепции человеческого капитала, толерантности к риску, новой экономики миграции, риска и культуры, общества риска и др. [28; 29] Исследователи вводят понятие миграционных рисков, которые определяют как «меры неопределенности и возможных негативных/позитивных последствий, проистекающих вследствие миграционных процессов, которые мы не успеваем осознать в связи с увеличением объемов миграции и вызовов всей социальной системе, связанных с ними» [19]. При этом отмечается, что риски, связанные с миграциями, являются неизбежными в условиях современного общества и одновременно необходимой функциональной составляющей социальных систем в ситуации постоянных социальных трансформаций [20].

Предпринимаются попытки на основе эмпирических исследований выявлять и классифицировать миграционные риски в экономике, политике, культуре, конфессиональной и межнациональной сферах и пр. Исследователи отмечают, что в современных условиях миграция выступает рискогенным фактором, как для самого мигранта, так и для принимающей страны. Если мигранты сталкиваются с рисками дискриминации, маргинализации и уязвимости, то для принимающих обществ миграция повышает риски распространения заболеваний [21], социальной напряженности, безработицы, а также вызовов для национальной культуры и безопасности, для системы образования (формирование так называемых «мигрантских школ»), риски анклавизации вследствие компактного расселения мигрантов и др. Ряд исследований показывают потенциальные риски для межэтнической стабильности (рост ксенофобских настроений, появление объектов, маркированных как мигрантские, и др.) [22].

Значительный блок составляют работы, связанные с юридическими аспектами рискогенных факторов миграции. Проводится анализ правовой базы, направленной на регулирование миграций, и отмечается необходимость применения риск-менеджмента для формирования миграционной политики современных государств как перспективного направления регулирования миграционных процессов в России и

мире [23].

Выделяя миграционные риски, авторы стремятся разрабатывать способы управления ими, а том числе направленные на своевременное предупреждение рисковых сценариев. В качестве конкретных мер предлагается обеспечить системность решений по интеграции детей-мигрантов в образовательное пространство и российское общество, мониторинг межэтнических отношений в регионах, выявление потенциальных очагов напряжённости, создание условий для повседневного взаимодействия различных групп мигрантского и не мигрантского населения, освещение проблемы миграции и мигрантов в СМИ, разъяснение позитивных последствий миграции для страны и отдельного региона [22, с. 148].

Создаются инновационные научно-прикладные технологии социально-политического прогнозирования внешних и внутренних миграционных рисков с использованием геоинформационных систем, что позволяет, в частности, оценить распределение прибывших вынужденных мигрантов по территории РФ [25].

В последние десятилетия регионы юга России и, в частности, Краснодарский край снова остро ощущают потребность в мониторинге миграционной ситуации, оценке влияния миграций на все стороны жизни и миграционных рисков. Особую значимость эти исследования имеют для краевого центра, где численность населения за период с 2010 по 2024 гг. выросла на 48,8% и составила 1 138 654 чел. Краснодар сегодня является одним из самых быстрорастущих городов России, что определяется целым комплексом социально-экономических, природно-климатических и географических факторов [26]. Согласно рейтингу Forbes, на 2024 г. Краснодар занимает первое место в списке городов, благоприятных для развития бизнеса [27]. Все это стимулирует миграционные потоки в город как из районов Краснодарского края и других регионов России, так и из других государств.

Для эффективного регулирования миграционных процессов необходимо иметь полную и объективную информацию о ее возможных положительных и отрицательных последствиях. С этой целью Администрация МО г. Краснодар совместно со

специалистами-социологами Кубанского государственного университета ведет регулярный мониторинг миграционной ситуации, что позволяет своевременно реагировать на возникающие в миграционном поле вызовы. Данный мониторинг включает экспертную оценку миграционной ситуации, анализ общественного мнения жителей города по вопросам миграции в городе, анализ СМИ и сетевых ресурсов и т. д.

Так по оценкам экспертов миграция связана с проблемами безопасности из-за потенциального роста социальной напряженности и конфликтов, необходимости контроля нелегальной миграции, а также влияния на рынок труда и экономику принимающего общества. В контексте миграционной безопасности речь идет о защите интересов и гарантиях не только мигрантов, но и местных жителей, обеспечении порядка и контроле миграционных потоков.

В общественном мнении жителей Краснодара миграция получает противоречивые оценки. В качестве отрицательных последствий отмечается нагрузка на инфраструктуру города, а также социокультурные вызовы, которые проявляются, в частности, в несовпадении норм, ценностей, моделей поведения местных жителей и вновь прибывших. При этом отмечается и множество положительных последствий, которые выражаются в динамичном развитии экономики, культурной сферы и проч. В целом сравнение ответов по годам показывает положительную динамику в восприятии миграции: доля негативных оценок снижается, а положительные оценки растут, что может быть свидетельство постепенной взаимной адаптации мигрантов и местных жителей [28].

Реализация мониторинга позволяет своевременно выявлять возникающие в городе проблемы, связанные с миграционными процессами, формулировать рекомендации для эффективного управления ими.

Таким образом, миграция представляет собой комплексный и многоаспектный социальный феномен с неоднозначными последствиями. Каждый этап развития общества характеризуется специфическими изменениями, которые находят отражение в миграционных процессах, формирующихся под воздействием уникальных социально-исторических и временных контекстов.

Эти контексты определяют необходимость выработки адекватных институциональных механизмов – политических, экономических, культурных и этносоциальных – направленных на оптимальное регулирование миграционных потоков и минимизацию связанных с ними рисков.

К таким механизмам снижения миграционных рисков можно отнести: создание прозрачных и справедливых миграционных законодательств, развитие интеграционных программ для мигрантов в принимающем обществе, усиление международного сотрудничества в сфере миграционной политики, обеспечение социальной защиты и прав местных жителей и мигрантов, а также мониторинг и анализ миграционных тенденций для своевременного выявления и предотвращения потенциальных угроз. В совокупности эти меры могут способствовать снижению социального напряжения, поддержанию стабильности и устойчивому развитию общества. Следовательно, системное исследование миграции и реализация комплексных стратегий её регулирования остаются крайне актуальными и необходимыми задачами современности.

Список источников

1. Миграция. Глобальные вопросы повестки дня. URL: https://www.un.org/ru/global-issues (дата обращения 10.06.2025)

2. Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/70/1 (дата обращения 10.06.2025).

3. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 425 с.

4. Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001. 542 с.

5. Мукомель В.И. Вынужденная миграция в СНГ // Миграция. 1997. № 1. С. 7–10.

6. Пилкингтон Х., Физакли А. Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. М.: Изд-во Наталис,1999. С. 180–214.

7. Вишневский А.Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор. // Общественные науки и современность. 2000. № 3. С. 115–130.

8. Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992–2002). М.: Наталис, 2006. 597 с.

9. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М.: Интердиалект+, 2000. 341 с.

10. Щитова Н.А., Белозеров В.С. Современные вызовы и риски трудовой миграции в Ставропольском крае // Экология урбанизированных территорий. 2013. № 4. С.27–31.

11. Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 3 / под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 260 с.

12. Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004. 265 с.

13. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. 324 с.

14. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. 240 с.

15. Гаврилова Т.М. Влияние миграционных процессов на экономическую безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. С. 67–74.

16. Дудин М.Н., Лясников Н.В., Сидоренко В.Н. Оптимизация демографических процессов в рамках миграционной политики и обеспечения демографической безопасности регионов страны // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 6. С. 4–14.

17. Панарин С.А. От каких трансграничных угроз не может защитить государственная граница // Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы. М.: Ин-т географии РАН, 2016. С. 115–126.

18. Чумак Е.В. Глобальные миграционные процессы и миграционные риски // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 237–244.

19. Дроздова Ю. А. Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 100–109.

20. Черевичко Т. В. Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 126–130.

21. Носков А.К., Вишняков В.А., Чеснокова М.В., Косилко С.А., Балахонов С.В. Миграция населения как фактор риска трансграничного завоза опасных инфекционных болезней в Сибирский и Дальневосточный

федеральные округа // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2015. № 14 (6). С. 35–42.

22. Авдашкин А.А. Миграция из Таджикистана в регионы Азиатской части России: современная ситуация и риски // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2021. Т. 8. № 4 (32). С. 143–151.

23. Аршин К.В. Стратегия риск-менеджмента в миграционной политике // Власть. 2020. № 2. С. 38–43.

24. Галас М.Л. Миграционные риски: прогнозирование на основе ГИС-технологий // Власть. 2017. № 1. С. 77–83.

25. Краснодар возглавил рейтинг РФ по строительству жилья в 2024 г. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/ 65d2f6a49a79477699a7584c (дата обращения 10.06.2025).

26. Рейтинг лучших городов для бизнеса. URL: https://www.forbes.ru/ratings/best-cities (дата обращения 10.06.2025).

27. Отчет о научно-исследовательской работе в форме социологического исследования по проблемам межнациональных отношений по теме «Социальная идентичность, межнациональные отношения, потенциал общественной и политической солидарности в Муниципальном образовании город Краснодар». Краснодар, 2005. 87 с.

28. Daveri F., Faini R. Risk and migration // Labour Markets, Poverty and Developmentedited. Oxford: Clarendon Press, 1999.

29. Williams A. M., Baláž V. Migration, risk, and uncertainty: Theoretical perspectives // Population, Space and Place. 2012. Vol. 18. №. 2. P. 167–180.

А. Ю. Рожков

«ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ XYZ» КАК ПОПУЛИСТСКИЙ НАРРАТИВ: РИСКИ МЕНТАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК ДЛЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются риски пропаганды и некритичного восприятия российской молодежью положений так называемой «теории поколений» У. Штрауса и Н. Хау, которая таковой не является. Анализируются базовые постулаты «теории XYZ», критически оцениваются уязвимости основных её положений. К основным рискам ментальных ловушек отнесены популистские нарративы вокруг «теории XYZ», которые способны сформировать у российской молодежи опасные поколенческие стереотипы (авто- и гетеро), влияющие на ложную идентичность, скрытые установки ложной поколенческой идентификации и эйджизма, негативного отношения к старшим поколениям, смешивание понятий возраста, возрастных групп и поколения, подмены объективного

процесса взросления наклеиванием «поколенческих» ярлыков (миллениалы, зумеры и др.).

Ключевые слова: риски, теория XYZ, молодежь России, У. Штраус, Н. Хау, бэби-бумеры, миллениалы, зумеры.

A. Yu. Rozhkov

«XYZ GENERATION THEORY» AS A POPULIST NARRATIVE: THE RISKS OF MENTAL TRAPS FOR RUSSIAN YOUTH

Abstract. The article examines the risks of propaganda and uncritical perception by Russian youth of the provisions of the so-called «generation theory» by W. Strauss and N. Howe, which is not such. The basic postulates of the «XYZ theory» are analyzed, and the vulnerabilities of its main provisions are critically assessed. The main risks of mental traps include populist narratives around the «XYZ theory», which are capable of forming dangerous generational stereotypes (autostereotypes and heterostereotypes) in Russian youth that influence false identity, hidden attitudes of false generational identification and ageism, negative attitudes towards older generations, mixing the concepts of age, age groups and generation, substituting the objective process of growing up with sticking «generational» labels (millennials, zoomers, etc.).

Keywords: risks, XYZ theory, Russian youth, W. Strauss, N. Howe, baby boomers, millennials, zoomers.

В последние десятилетия в мире и в России приобрела большую популярность «новая» теория поколений («теория поколений Штрауса-Хау», «теория поколений XYZ»), ряд положений и терминология которой уже прочно закрепились в общественном сознании и дискурсе. «Общим местом» в СМИ и даже в научной среде сегодня стала легитимация и пропаганда как самой теории, так и производных от неё терминов «зумеры», «миллениалы» и им подобных. Нередко это воспринимается в определенных кругах как престижный маркер «продвинутости» и «современности».

Цель статьи – посредством критического анализа базовых положений «теории поколений» (далее ТП) и анализа научной литературы выявить основные недостатки этой концепции и обозначить риски, которые несет некритичное и тотальное применение этой популистской терминологии прежде всего для социальной идентификации российской молодежи.

Авторы ТП не являются академическими исследователями. У. Штраус (1947–2007) – американский писатель, историк, драматург, театральный режиссер и лектор. В 1969 г. окончил Гарвардский университет, PhD в области юриспруденции и магистр госуправления. Работал консультантом в президентском Совете по помилованию и в министерстве энергетики США. Проблемой поколений он начал интересоваться еще во время войны во Вьетнаме. Н. Хау (род. в 1951 г.) – американский историк, экономист и демограф, также работал консультантом в правительственных структурах США. Общей темой поколений они начали заниматься независимо друг от друга, затем стали работать совместно, написали 7 книг о социальных поколениях, первой из которых была книга «Поколения» («Generations») [1].

Вкратце суть ТП состоит в том, что межпоколенческие различия принимаются как основной фактор социальных и политических преобразований в обществе, а поколения определяются по году рождения. Авторы этой концепции исходят из того, что люди, родившиеся в определенный промежуток времени, испытали на себе влияние одних и тех же событий и социальных процессов и поэтому обладают сходными ценностями. Логика авторов незамысловата: «Если будущее воспроизводит прошлое, то и прошлое должно предвосхищать будущее» [1, p. 7–8]. Авторы ТП изучили «историю будущего» Англии и США с 1584 г., начала английской колонизации Америки, и составили её периодизацию на основе чередования поколений до прогнозируемого ими 2069 г. В американской истории они выделили 5 циклов: колониальный (*colonial*) 1615–1723 гг., революционный (*revolutionary*) 1724–1821 гг., гражданской войны (*civil war*) 1822–1882 гг., «великой силы» (*great power*) 1883–1960 гг., миллениальная эпоха (*millennial era*) 1961 г. и соответствующие им 18 поколений. Авторы разобрали каждое конкретное поколение и выделили такие аспекты как тип поколения, численность всех членов, процент иммигрантов, наиболее известные личности, лидеры страны и многие другие показатели [2, с. 156].

Каждое поколение длится 22 года, по прошествии четырех поколений цикл повторяется, соответственно, полный четырехчастный цикл длится примерно 80 лет. Авторы сравнили эти

циклы с метафорой времен года (зима, весна, лето, осень). Центральным элементом теории поколений является категория «ценности поколения», которые формируются якобы в возрасте 10–12 лет. Двадцатидвухлетние возрастные группы определяются в соответствии с центральной социальной ролью и ценностями: центральная роль старейшин (66–87 лет) – управление, передача ценностей; взрослых среднего возраста (44–65 лет) – лидерство, использование ценностей; растущих взрослых (22–43 года) – активность, проверка ценностей; молодых (0–21 год) – зависимость, приобретение ценностей [1, p. 441–442]. Четыре основных типа поколений обычно повторяются в следующем фиксированном порядке: поколение идеалистов; реактивное поколение; гражданское поколение; адаптивное поколение. Каждому поколению присваивалось определенное образное название (пророки, кочевники, герои, художники) и характеризующий его архетип, которые затем широко освещались в прессе [3, с. 311].

Авторы ТП не скрывают свой фаворитизм в отношении молодого поколения как самого обездоленного, и предлагают ему «инструмент» для понимания образа будущего – свою «теорию»: «Без понимания траектории будущее становится почти случайным. Так почему бы не жить сегодняшним днём?». Авторам не откажешь в миссионерском самомнении. Примеряя корону *Salvator Mundi* (Спасителя мира), они обращаются к читателю: «Мы предлагаем эту книгу как противоядие. Что ещё более важно, мы надеемся дать нашему читателю взгляд на человеческие дела, отличный от всего, что доступно в обычных учебниках по истории и обществознанию» [1, p. 7–8].

Возникает главный вопрос – теория ли это? С позиций академического подхода к трактовке этого термина нет логических оснований назвать ТП теорией. Таковая не соответствует критериям научного знания – объективности, системности, обоснованности, достоверности, непротиворечивости, эмпирической подтверждаемости, концептуальной связности, предсказательной силы и практической эффективности тех или иных утверждений. Впрочем, с точки зрения постмодернистской практики тиражирования свободно конструирующихся теорий, возможно,

это теория. Вместе с тем, в работах Штрауса и Хау действительно присутствует немало интересных и привлекательных положений и идей, прежде всего касательно популярного изложения социальной истории США, местами похожей на историческую социологию (впрочем, весьма далекой до уровня Р. Коллинза).

С одной стороны, концепция Штрауса-Хау ничего нового не добавила в известные концепции и теории поколений Геродота, Ф. Энгельса, Дж. С. Миля, Ж. Дромеля, А. Курно, Г. Рюмелина, Л. фон Ранке, О. Лоренца, Э. Шпрангера, К. Мангейма, Э. Эриксона, Х. Ортега-и-Гассета, Ф. Арьеса, Ш. Айзенштадта, М. Мид, Х. Шельски, Л. Розенмайера, Ф. Тёнбрука, Х. Беккера, К. Аттиас-Донфю, И. Кона, с другой – искусно перетасовала цитаты из работ классиков таким образом, чтобы завуалировать подгонку якобы эмпирических фактов под заданную модель и представить свою необоснованную гипотезу как научное открытие мирового уровня. Примечательно, что классификация современных поколений (бэби-бумеры, поколение Х и др.) была разработана Х. Беккером [4, p. 230], ни одна из работ которого даже не упоминается в «новой» теории Штрауса-Хау. Термин «поколение Х» ввела еще в 1964 г. британская исследовательница молодежи Дж. Деверсон, а канадский писатель Д. Коупленд в 1991 г. использовал этот термин в романе «Поколение Х: сказки для ускоренного времени» [5, с. 12].

Методологически концепция Штрауса-Хау представляет собой весьма противоречивый конструкт, состоящий из симбиоза позитивистского структурно-функционального подхода и постмодернистской парадигмы с её «отменой» классов. В самом появлении на свет ТП очевиден идеологический заказ правящих элит США, столкнувшихся в конце 1960-х с конфликтом «отцов» и «детей» на фоне войны во Вьетнаме, и озаботившихся умиротворением молодого поколения посредством заигрывания с ним, а также поиском объяснительных моделей для предупреждения студенческих бунтов в будущем. Со второй половины 1970-х США вошли в полосу тяжелого экономического кризиса, который тяжело отразился на взаимоотношениях поколений, поскольку молодежь отторгала традиционные ценности протестантской белой Америки. Именно в этот момент Штраус и Хау и выпустили свою книгу «Поколения». Их стали

нанимать государственные ведомства, корпорации и НКО для консультаций по использованию ТП в стратегическом планировании и маркетинге [6].

По сути своей это такая же псевдонаучная теория, как и «новая хронология истории» Фоменко-Носовского. Косвенным маркером её ненаучности является полное отсутствие упоминания о ней в авторитетных академических изданиях в этой области знаний [7; 8; 9; 10; 11 и др.], вышедших значительно позже книг американских авторов. Некоторые зарубежные исследователи обходят молчанием ТП (К. Джиллеард), другие оценивают её весьма критически (К. Ташбаши, Д. Джоунс), третьи высказываются о потенциальном вреде стереотипизации целого поколения или поколений для образования, рынка труда (Е. Гувер), политических и социальных процессов (Т. Фернхольц). Психолог Д. Костанца резонно считает, что Штраус и Хау имеют в виду скорее когорты (объединены биологическим признаком – рождением в одном промежутке времени), нежели поколения, объединенные социально. Маркетолог Н. Давар считает предложенную схему поколений несостоятельной, бессмысленной и безнадежно устаревшей для маркетинга, как наборный диск телефона. М. Келлер отмечает, что У. Штраус и Н. Хау выполнили «домашнее задание», и их теорию можно рассматривать только в качестве поп-социологии. Гарвардский социолог Д. Рисмен заявляет, что книга является впечатляющим набором множества отрывков из теорий и исторических трудов, а журнал Publishers Weekly сравнивает точность книги «Поколения» с городским гороскопом [2, с. 156]. В России эта концепция наиболее основательно и последовательно критикуется историком Н. Поповым [3] и социологами Е. Ковиным и О. Лысенко [2; 13; 18].

Кратко суммируем основные уязвимости ТП.

1) Достаточно жесткая периодизация поколений (длительность в 20 лет) плохо коррелирует с исторической динамикой, поскольку крупные события в мире и соответствующие им поколения редко вписываются в 20 лет. Длина поколений в ТП основывается не на средней разнице возрастов родителей и детей, а на фазе жизненного цикла, который

в свою очередь определяется центральными социальными ролями [2, с. 155].

2) В отличие от фундаментальных теорий Р. Инглхарта и Г. Хофстеде, авторы ТП слабо опирались на эмпирические социологические данные, их выводы в значительной степени – художественная фантазия. Особенно вольно авторы присваивали поколениям характеристики их архетипов – «герои, художники, пророки, странники» [3, с. 312]. М. Линд, американский писатель и академик, критиковал авторов ТП за непрофессиональный подход к источникам, где в тексте теории соседствуют цитаты Гомера и гарвардского политолога С. Хантингтона. Американский колумнист Д. Брукс называл работу Штрауса и Хау «не очень хорошей книгой», если под «хорошей» подразумевать ту, в которой авторы тщательно проанализировали факты и тщательно подкрепили свои утверждения данными [12].

3) Чрезмерная генерализация и универсализация выводов. ТП слишком обобщает целые пласты людей, не учитывая ни психотип, ни темперамент, ни личные мотивы и социальные приоритеты [3, с. 312-313; 2, с. 156]. В этом ТП полностью противоречит выводам К. Мангейма, который утверждал, что «переход от поколения к поколению есть последовательный процесс», и чтобы войти в рамки одного поколения, необходимо принимать участие в общей судьбе протекающей исторической и социальной общности, а не просто присутствовать в одном историческом и социальном ареале. Соответственно, в каждой возрастной когорте мы можем выделить разные по своим установкам и паттернам поведения группы [13, с. 9].

4) Понятие поколения очень многогранно и включает в себя несколько значений – демографическое, антропологическое (генеалогическое), историческое, хронологическое, символическое поколение [14, с. 119–120]. Чаще всего под поколением понимают интервал времени между средним возрастом родителей и их детей (обычно 20–25 лет), что соответствует историческому поколению. Авторы ТП четко не заявляют, в каком значении они рассматривают этот термин, причем проведенный ими «анализ» относится в основном только к узкой части представителей элиты и среднего класса в каждом поколении. Одна из самых слабых сторон теории Штрауса-Хау –

игнорирование социальной динамики поколений, ведь убеждения и поведение людей одного поколения не остаются статичными на протяжении их жизни [15].

5) «Новая» теория Штрауса и Хау на самом деле давно известна в науке как «поколенная» периодизация истории, или культурно-историческое понятие поколения. В.Т. Лисовский справедливо критикует её за то, что она не учитывает социально-классовой и идеологической неоднородности общества. Он утверждает, что современники и сверстники всегда имеют между собой нечто общее, но реакция на одни и те же события может быть разной и зависеть не столько от возраста, сколько от социально-классового положения и персональной идентичности. Лисовский резонно замечает, что акцент на общности значимых переживаний как конституирующем принципе поколения легко открывает дорогу произволу историкам, вольно выбирающим содержательные и хронологические рамки исследования (что мы и наблюдаем в ТП): «Можно говорить об ученых «поколения Декарта», но как представить себе крестьян этого поколения?» [14, с. 111–112].

6) Основное «открытие» ТП – цикличность поколений – вероятно, должно было ставить её авторов в один ряд с основоположниками циклической и волновой теории в развитии общества Э. Мейером, Н. Данилевским, О. Шпенглером, А. Чижевским, Дж. Модельски, Н. Кондратьевым, Й. Шумпетером, Э. Тоффлером, А. Шлезингером-мл. (для США) и др. Однако этого не наблюдается, видимо, потому что исторические факты в ней подгоняются под плохо рассчитанную модель и сомнительные критерии отбора индикаторов развития.

7) ТП опирается на некорректные сравнения (исторических периодов, бумеров и зумеров, между которыми разница больше 50 лет). Кроме того, она не учитывает влияние интернета. Социальные сети открывают людям из разных поколений доступ к одной и той же информации, музыке, книгам и фильмам. Бумеры и зумеры могут свободно общаться друг с другом и не так сильно замыкаться в своей возрастной группе [16].

Современные исследования российских авторов опровергают многие положения и мифы ТП. Так, М. Мирошкина утверждает, что траектория смены российских поколений XX–

XXI вв. носит не поступательный, а дискретный характер [17, с. 31]. В результате проведенного Е. Ковиным исследования многие отличительные черты «поколений X и Y», разработанные в ТП, не подтвердились [18, с. 98]. Аналогичная ситуация обстоит и с представителями «поколения Z», что подтверждает недавнее исследование Н. Богачевой и Е. Сивак (ИО НИУ ВШЭ): поколение Z – просто подростки, живущие в современном мире; слишком рано говорить о них как о специфическом поколении [19]. Лингвисты Л. Жданова и Ван Шоин (МГУ) на материалах серии экспериментов установили, что популярные поколенческие неологизмы (бумеры, миллениалы, зумеры), употребительные в молодежном жаргоне, отрываются от заданных в ТП хронологических границ [20].

Стоит признать, что и сами авторы ТП указывают на слабые места в своей концепции: «…мы не всегда могли представить полностью репрезентативную выборку населения. Иногда, например, нам приходилось ограничивать внимание, уделяемое женщинам и меньшинствам – либо потому, что о них известно меньше, либо потому что мы хотели упомянуть деятелей и события, которые большинству читателей были бы знакомы» [1, p. 16]. Между тем рациональное зерно в ТП, скорее, заключается не в повторяющихся циклах истории, а в уникальных для истории человечества процессах модернизации, урбанизации и демографического перехода.

К основным рискам поколенческих нарративов Штрауса и Хау правомерно отнести следующее.

1. Поскольку первоисточники ТП в России мало кто читал, намного более опасны популистские нарративы вокруг этой «теории», чем её конкретные положения. Реальную опасность для духовного развития молодежи России представляют многочисленные публикации в научных изданиях и блогах, в печатных и электронных СМИ, включая серию книг Е. Шамис и Е. Никонова (проект «RuGenerations»), якобы адаптирующие положения ТП к российским условиям, но на деле заведомо вводящие читателей в заблуждение. На наш взгляд, с точки зрения угроз духовной безопасности нации эти трансляторы ничуть не менее опасны, чем идеологизированная деятельность «Ельцин-центра».

2. Наибольшую угрозу в воспитании молодого поколения представляет внедрение положений ТП в школьную и вузовскую педагогику, где учителей приучают видеть в школьнике «социальный типаж» («игрек» или «зет»), а не субъект отношений. Множится число «научных» статей, в которых приводятся инструкции для педагогов, рассказывающие, как правильно обучать представителей вышеуказанных поколений (например, А.В. Сапа в своей статье «Поколение Z – поколение эпохи») [13, с. 6–7].

3. Внедрение в массовое сознание поколенческих стереотипов XYZ способствует формированию у молодежи ложной идентичности, которая становится следствием поверхностного отношения к жизни, излишней доверчивости к медиакоммуникациям и незнания себя. Смешиваются понятия возраста, возрастных групп и поколений. Возрастные процессы (и неизбежные проблемы) взросления молодежи искусственно подменяются ярлыком «поколения XYZ» со сконструированными кем-то характеристиками, которые навязываются как некая объективная данность. Структура социальной идентичности молодежи намного шире и сложнее узких рамок искусственно сконструированных «поколений». Выходит, у молодого человека нет фамильной, гендерной, гражданской, патриотической, национальной, этнической и других идентичностей, если он зумер?

4. Вдумчивое и критичное изучение двух последних молодежных поколений в ТП (Y и Z) со стороны социологов, психологов, антропологов и других гуманитариев заметно отстает от популистских и поверхностных работ маркетологов, рекламистов, PR и HR агентств. Этот разрыв способен привести к неадекватной оценке реальных перспектив применения потенциала новых поколений в ближайшем будущем, поскольку «теория XYZ» о ментальных различиях поколений продолжает свое триумфальное шествие и многими экспертами делового мира рассматривается как некая общая схема и даже руководство к действию [21, с. 164–165].

5. Существуют риски формирования у молодежи негативных стереотипов (как гетеро-, так и авто) которые мешают раскрытию личностного потенциала. ТП создает почву для эйджизма

(возрастной дискриминации), от обидных шуток и приклеивания поколенческих ярлыков до взаимных конфликтов и травли. Не менее опасны выдумки про «особенных» зумеров, которые на самом деле просто используют модный англоязычный сленг для обозначения вещей, давно известных старшим поколениям.

6. С предыдущим пунктом тесно связаны риски при трудоустройстве и в работе с персоналом, где господствует стереотип «на работе поколениями надо управлять по-разному». Некоторые работодатели не хотят нанимать миллениалов и зумеров, потому что считают их безответственными и ненадежными. Другие отказывают пожилым людям, якобы они слишком консервативны, не дружат с технологиями и плохо ладят с младшими коллегами.

7. Миф о том, что «зеты» лучше взрослых владеют цифровыми технологиями, приводит к самомнению у одних и низкой самооценке у других. По мнению К. Ташбаши, мировоззрение и структура, распространяемые «старыми» коммуникационными технологиями, и контент, создаваемый «новыми» коммуникационными технологиями, не являются несовместимыми и противоречивыми. В этом смысле можно говорить как раз об исторической преемственности поколений [22, p. 18–19].

Итак, «теория поколений» Штрауса-Хау не может признаваться универсальной, поскольку разработана на основе авторской интерпретации истории Англии и США, причем рассматривает в основном только элиту и средний класс белого и городского населения Штатов. Основной методологический изъян ТП состоит в однобоком рассмотрении различий между поколениями и полном игнорировании их преемственности. ТП в лучшем случае правомерно рассматривать как научно-популярную концепцию, абстрактную модель или необоснованную гипотезу.

Идеологически ТП и особенно популяризация этих нарративов в СМИ содержит весьма опасные для российской молодежи скрытые установки ложной поколенческой идентификации и эйджизма, негативного отношения к старшим поколениям. На самом деле эта «теория» не противоядие, а идеологический «яд» в красивой упаковке. Поскольку эти

установки активно навязываются молодежи через многочисленных инфлюенсеров и медиакоммуникации, необходим продуманный комплекс мер по вытеснению из публичного (и тем более официального) дискурса далеко небезобидной терминологии «XYZ» и производных от них поколенческих ярлыков, которые однажды могут превратиться в опасные стигмы.

Список источников

1. Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N. Y.: William Morrow & Company, 1991. 540 p.
2. Ковин Е.А., Лысенко О.В. Теория поколений в контексте социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 4. С. 151–162.
3. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323.
4. Dynamics of Cohort and Generation Research / Ed. by H. Becker. Amsterdam: Thesis Publishers, 1992.
5. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Стратегия беби-бумеров. М.: ИД Университет «Синергия», 2017. 255 с.
6. Теория поколений: как и почему она поменялась за 30 лет? URL: https://habr.com/ru/companies/ruvds/articles/599711/ (дата обращения: 12.07.2025).
7. Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.
8. Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ: науч. монография. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.
9. Поколение в социокультурном контексте XX века / отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2008. 631 с.
10. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. 328 с.
11. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.
12. Белова Т. Уравнение XYZ: что не так с теорией поколений. URL: https://www.setters.media/post/zumerov-net (дата обращения: 10.07.2025).
13. Ковин Е.А., Лысенко О.В. Теория поколений: проекция технократического подхода или новая гуманистическая парадигма? // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. № 1. С. 5–10.

14. Социология молодежи / под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 460 с.

15. Игуменов В. Зумеры, бумеры, миллениалы? Что не так с теорией поколений. URL: https://reminder.media/post/generations-myths (дата обращения: 17.07.2025).

16. Плошкина А. Почему на теорию поколений не стоит слепо полагаться. URL: https://lifehacker.ru/teoriya-pokolenij/ (дата обращения: 17.07.2025).

17. Мирошкина М.Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30–35.

18. Ковин Е.А. Критический анализ современных теорий поколений в социологии // StudNet. 2020. № 7. С. 96–100.

19. Богачева Н.В., Сивак Е.В. Мифы о «поколении Z». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 56 с.

20. Жданова Л.А., Ван Шоин. Термины теории поколений в современном российском медиадискурсе и в молодежной речи // Мир русского слова. 2023. № 3. С. 30-41.

21. Шалыгина Н.В. Игреки и центениалы: новая ментальность российской молодежи // Власть. 2017. № 1. С. 164–167.

22. Taşbaşı K. 2023. Objecıón a La investigación Generacional En Los Estudios De comunicacıón: Una crítica teórica // Vivat Academia. 2024. № 157 (noviembre). P. 1–24.

Н. М. Рощина

РИСКИ МАТЕРИНСКОЙ РОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Современная женщина выполняет множество социальных ролей. Женственность – это сочетание природных свойств и приобретённых качеств в процессе социализации. Женщина выполняет роли в экономической, политической, культурной жизни общества, в семье – она традиционно является женой и матерью. В современном обществе обозначены риски материнской ролевой идентичности как результат кризиса традиционных ценностей. Благополучие, материальная независимость и автономность, карьерные притязания создают условия для распространения таких феноменов как отложенное материнство, чайлдфри, сожительство, безбрачие. Кризис идентичности связан с расстановкой приоритетов между профессиональной, семейной, общественной ролью. Эмпирической основой статьи является фокус-групповое исследование, направленное на выявление связи между женственностью и материнством, а также определение рисков материнской ролевой идентичности.

Ключевые слова: ролевая идентичность, материнская роль, социальные риски, женская роль, женственность.

N. M. Roshchina

RISKS OF MOTHER ROLE IDENTITY

Abstract. A modern woman performs a variety of social roles. Femininity is a combination of natural characteristics and acquired qualities during the process of socialization. Women play roles in the economic, political, and cultural life of society, and in the family, they are traditionally wives and mothers. In today's society, there are risks associated with maternal role identity, which are a result of the crisis of traditional values. The pursuit of well-being, material independence, and autonomy, as well as career aspirations, has led to the emergence of phenomena such as delayed motherhood, childfree, cohabitation, and celibacy. The crisis of identity is associated with the prioritization of professional, family, and social roles. The article is based on a focus group study aimed at identifying the relationship between femininity and motherhood, as well as determining the risks of maternal role identity.

Keywords: role identity, maternal role, social risks, female role, femininity.

В последние десятилетия разрушение полоролевой структуры общества привело к диффузии женских и мужских функций. Женщины чаще считают необходимым в социальных практиках проявлять мужские качества, такие как самодостаточность, материальная независимость и автономность. Их карьерные притязания создают условия для распространения таких феноменов как отложенное материнство и безбрачие. Универсализация гендерных ролей в браке привела к распространению сожительства (или фактической брачности), к неустойчивости официально зарегистрированных браков, падению рождаемости, распространению дискредитирующих родительство дискурсов, таких как «яжемать» и чайлфри. Гендерная социализация перестала выполнять функцию поляризации женского и мужского начала. Категории женственности и мужественности чаще имеют универсальные интерпретации, а половые различия не акцентируются как в традиционном типе общества.

Ролевая идентичность характеризует результат процесса идентификации личности, освоившей социальную роль. Она

формируется за счет осознания принадлежности личности к определенной социальной группе или общности.

Присвоенная индивидом социальная роль персонифицирует сложившиеся общественные отношения в конкретных личностях. Многие роли (отец, мать и др.) можно определить как специфический социальный тип и связанное с ним типическое поведение, поэтому ролевая идентичность позволяет закреплять эти функции в личности [1].

Ролевая идентичность женщины характеризуется представлениями о себе в категориях феминности (биологических, социальных и психических факторов) и часто противопоставляется признакам маскулинности. Одним из главных факторов женской идентификации является способность зачать и родить ребенка, что по биологическим причинам несвойственно мужчинам. Материнская ролевая идентичность обозначает принадлежность женщины к более привилегированной социальной группе, так как статус матери и её роль в обществе высоко оценивается и обеспечивает воспроизводство населения.

В последние годы исследования материнской ролевой идентичности связаны с проблемой маскулинизации женственности, что приводит к деформации представлений о материнской роли. Трансформация семейных ролей объясняет формирование образа «сильной женщины», которая адаптируется в новых социально-экономических условиях как самодостаточная (автономная) личность[2]. Отказ от традиционных ценностей и приоритетов в пользу профессионального и материального благополучия, по мнению Магденко О.В. и Стояновой И.Я. даёт женщине временное ощущение внутренней самодостаточности и самореализации в профессиональной сфере, что отдаляет её от истинно природного предназначения быть матерью[3]. Клепцова Е.Ю. и Макшанцева Л.В. считают, что женщины со сформированной женской идентичностью проявляют умение уступать, помогать, сочувствовать. Для них очень важен брак, где они могут выражать чувственность, нежность, влюбленность, гибкость, стремятся к гармонии и радости. Чем более выражен уровень маскулинности у женщин, тем в меньшей степени для них характерны роли воспитателя детей, они нацелены на поиск работы с хорошим доходом и получение средств от

дополнительных заработков. Роль материального добытчика семьи занимает много сил, поэтому времени и энергии не хватает на выполнение остальных семейных ролей, в частности, на полноценное воспитание детей [4].

Биологическая (естественная) природа женщины основана на продолжении рода и сопровождается функциями по созданию семьи, поиском брачного партнера, подготовкой к беременности и родам, содержанию и воспитанию ребенка.

Одним из механизмов полоролевой идентичности является социализация. Женское и мужское поведение формируется в соответствии с нормами, принятыми в обществе. Материнская идентичность относится к культурно-сконструированным ролям, которые женщины осваивают в институтах семьи и образования, а также под влиянием средств массовой информации [5]. В условиях семьи воспитательный процесс происходит через имитацию и освоение социальной роли женщины, как правило, на примере матери. Иногда образцом для подражания может стать бабушка, сестра и другие родственники. В условиях снижения популярности брачности и родительства, женщины испытывают кризис идентичности, так как находятся в ситуации выбора приоритетов между ролями, обусловленными биологическими, социальными и психическими факторами.

В фокус-групповом исследовании женщин разных поколений, проведенном в Кубанском государственном университете в 2024 году, были выявлены риски материнской ролевой идентичности.

1. Дискредитация материнства проявляется в распространении таких феноменов как «яжемать» и чайлфри. Женщины самостоятельно определяют стиль детско-родительской коммуникации, демонстрируют наличие исключительных прав в обществе в связи с рождением ребенка, оправдывая свое поведение конструктом «я же мать» [6]. Отказ от материнства в связи с демотивацией потребности зачать и родить ребёнка обосновывается желанием «жить для себя», «распоряжаться своим телом», инфантилизацией и другими причинами. Участницы исследования указывали на возможность отсроченного материнства («я могу сама решать, рожать или не рожать»), а также на проблему приватности семейных отношений («общество

слишком вмешивается в жизнь семьи», «матерям многое сейчас дозволено»).

2. Универсализация женских и мужских ролей в обществе формирует новые эталоны феминности и маскулинности. Репрезентация гендерных образов в СМИ позволяет осуществлять передачу стереотипных представлений о мужчинах и женщинах на основе системы ценностей в социальных группах. В настоящее время современные женщины предпочитают быть предприимчивыми и самодостаточными, но при этом выбор брачного партнёра определяется такими же свойствами [8]. В процессе фокус-группового исследования участницы определяли женственность через конструкты: «уверенность в себе», «независимость», но при этом идеализировали мужчин в категориях «сильный», «может обеспечить».

3. Снижение рождаемости связано с показателями официально зарегистрированных браков. Неустойчивые связи между мужчиной и женщиной приводят к бездетности или однодетности. Современные женщины редко принимают решение о рождении двух и более детей в условиях неполной семьи. Риски снижения рождаемости напрямую говорят о проблеме ролевой материнской идентичности, которая адаптируется к изменяющимся социальным условиям жизни. Женщины отказываются от рождения ребенка из-за дефицита времени и денежных средств. На вопросы о возможности родить вне брака были получены ответы «родить для себя», «мой ребенок нужен только мне», а идеалы многодетности были ассоциированы с официально зарегистрированным браком («если рядом муж… всё делает, обеспечивает, что ж не рожать»)

4. Высокая адаптированность женщины к изменяющимся социально-экономическим условиям приводит к попыткам сочетать профессиональную деятельность с семейной ролью. Функция материального обеспечения семьи уже не является исключительно мужской. Женщина в молодом возрасте уже не ставит замужество как первоочередную цель, а стремится обеспечить себя, заработать денежные средства на жилье, а затем она, возможно, будет заниматься планированием семьи и беременности [8]. Часто женщинам приходится сочетать экономическую роль с материнской, а в условиях неполной семьи

или нестабильной брачности материнство может занимать далеко не первые позиции в системе ценностных приоритетов. «Сделать карьеру» и «заработать» становятся задачами современной женщины прежде, чем она будет планировать беременность. Ресурсов на воспитание детей у женщин с полной трудовой занятостью не хватает, они признаются «что сил нет», «времени много надо на ребенка, а если их двое, приходится справляться».

5. Деформация полоролевой социализации проявляется в освоении подрастающим поколением образов и моделей поведения, не имеющих гендерных различий. В образовании основные формирующиеся компетенции обучающихся являются в большей мере предпрофессиональными. Дисциплины, посвященные традициям и культуре семейных отношений, не используются в учебном процессе. Представления о семье и браке формируются на основе интернет-контента, часто искаженного, что создаёт ложные и завышенные ожидания в браке. В условиях дефицита детско-родительской коммуникации «мать-дочь» роль и модель поведения женщины не усваивается подрастающим поколением в контексте традиционных семейных ценностей. Эталонами женственности для участниц исследования в основном являлись собственные матери, но также были названы бабушки, «мамина подруга», «учительница». Предполагается, что для подрастающего поколения девочек эталонами станут транслируемые образы в интернет сообществах, не связанные с семейными ролями. В частности, в молодёжной группе участница определила женственность через «картинку в Пинтерест».

6. Кризис традиционных ценностей в обществе оказывает влияние на расстановку приоритетов в пользу внесемейных потребностей. Традиционные ценности материнства, основанные на любви к ребенку и культуре детско-родительских отношений, трансформируются под влиянием культа престижного потребления и идеологии детоцентризма. Идеи феминизма деформируют ролевую идентичность женщины, которая может отвергать ценность материнства в пользу достижения личного комфорта. В частности, участницы молодёжной группы утверждали, что «женственность может быть не связана с материнством вообще» («материнство может испортить женщину»).

7. Централизация эгоистических потребностей женщины приводит к выстраиванию «одиноких» стилей жизни, которые принято характеризовать через категорию самодостаточности. Распространение культа самоценности приводит к формированию эталона «лёгкой жизни». Отсутствие навыков общения и понимания приводит к становлению личности, которая не сможет построить устойчивые отношения. Это значит, что семейные отношения и рождение ребенка не сможет стать главной потребностью для современной женщины. «Одной проще», «с мужчинами сложно» – такие утверждения являются риском в укреплении ценностей семьи и материнства.

8. Снижение значимости общественного мнения в регулировании семейного поведения привело к тому, что социальные нормы перестали регулировать отношения между мужчиной и женщиной. Стало приемлемым жить в фактическом браке и не регистрировать отношения, планировать материнство после 30 лет или позже. Отсутствие формализации в брачно-семейных отношениях привело к увеличению числа детей, рождённых в неполной семье, и распространению сожительства. Участницы фокус-группы указывали на особый «современный мир», в котором общество терпимо относится к сожительсву, разводам, рождению детей в неполной семье («сейчас всем всё равно», «сейчас много семей, в которых дети и матери с разными фамилиями», «мы сейчас живём в свободном обществе»).

Управление рисками материнской ролевой идентичности осуществляется на уровне государственной политики. Применяются масштабные меры, направленные на поддержку семей с детьми, популяризацию многодетности, укрепление традиционных семейных ценностей. Проводится работа с репрезентацией положительных семейных практик, в которых семья, основанная на официально зарегистрированном браке, является социальной нормой, а рождение ребенка – желанным.

Таким образом, в социологии оценку рисков ролевой идентичности женщины чаще всего связывают с кризисом института материнства, которое включает в себя биологическую возможность зачать и родить ребенка, социальную необходимость заботиться о существовании и развитии ребенка и психологическую способность проявлять эмпатию в связи с

выполнением роли матери. Риски материнской ролевой идентичности приводят не только к снижению рождаемости, это системный кризис общества, для преодоления которого необходимо повышать ценность семьи, родительства и детства, используя ресурсы средств массовой информации, институтов образования и политики.

Список источников

1. Ковалева А.И. Статусно–ролевая идентичность. Знание. Понимание. Умение, № 2. С. 211–214. https://doi.org/10.17805/zpu.2018.2.20
2. Хазова С.А. Пол, гендер и совладание с трудностями // Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в XXI веке: Материалы междунар. симпозиума, Кострома, 27–28 окт. 2005 г. / отв. ред. Н.П. Фетискин, А.Л. Журавлев. М.Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. С. 393–395.
3. Магденко О.В., Стоянова И.Я. Теоретико–методологические подходы к исследованию материнской ролевой идентичности у женщин в период беременности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Психология. 2014. Т.8. Вып. 2. С. 139–144
4. Клепцова Е.Ю., Макшанцева Л.В. Идентичность современной женщины // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 2. С. 216–226.
5. Баранихина А.П. Гендер и пол: проблема гендерной социализации в современных научных исследованиях // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2019. № 2 (16). С. 8–11.
6. Клименко Н.С., Карелина Н.А. Материнство как социокультурный концепт (типология, трансформация, перспективы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 126–129.
7. Максимова О.Б., Масликов А.А. Гендерные стереотипы как разновидность социальных стереотипов: функции в социальной коммуникации // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2021. № 3. 13 с.
8. Кармаева Н.Н., Хавенсон Т.Е., Илиева–Тричкова П. Образование и социально-профессиональный статус: сглаживание неравенства среди мужчин и женщин в России // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 108–120.

Т. А. Рунаев

ОБРАЗ ПАТРИОТА В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ ГЛАВ РЕГИОНОВ ЮГА РОССИИ: ТРЕНДЫ И ПРОГНОЗЫ

Аннотация. В статье отмечается, что в настоящее время существуют различные смыслы патриотизма, формирующие в интернете как позитивные, так и негативные идентичности. В российском сегменте интернета за производство патриотических смыслов отвечают региональные политические лидеры. Поэтому целью статьи является выявление смыслов, которые вкладывают главы регионов Юга России в групповой прототип патриота на интернет-пространстве в различные промежутки времени. Для этого с помощью языка программирования Python автором проводится анализ 44598 постов из публичных страниц глав регионов Юга России в социальной сети «ВКонтакте». В итоге автор приходит к выводу, что в патриотической повестке региональные лидеры транслируют образ «бойца» и на основании модели ARIMA делается прогноз актуализации данного образа в будущем.

Ключевые слова: анализ временных рядов, символическая политика, российская идентичность, текст майнинг, сетевое общество, социальное время

T. A. Runaev

IMAGE OF PATRIOT IN ONLINE COMMUNICATION OF HEADS OF REGIONS OF SOUTHERN RUSSIA: TRENDS AND FORECASTS

Abstract. The article notes that currently there are various meanings of patriotism that form both positive and negative identities on the Internet. In the Russian segment of the Internet, regional political leaders are responsible for the production of patriotic meanings. Therefore, the purpose of the article is to identify the meanings that the heads of the regions of the South of Russia put into the group prototype of a patriot on the Internet at different intervals. To do this, using the Python programming language, the author analyzes 44,598 posts from the public pages of the heads of the regions of the South of Russia on the VKontakte social network. As a result, the author comes to the conclusion that in the patriotic agenda, regional leaders broadcast the image of a «fighter» and, based on the ARIMA model, a forecast is made for the actualization of this image in the future.

Keywords: time series analysis, symbolic politics, Russian identity, text mining, network society, social time

Патриотизм только на первый взгляд кажется интуитивно-эмоциональным фактом, который проявляется сам по себе. На самом деле, патриотизм – это дискурсивное понятие, за которым стоят совершенно различные «означаемые», т.е. смыслы. Именно поэтому патриот в разные исторические эпохи и контексты воспринимался не одинаково: для дворянина XVIII в. патриот – это человек, который служит своему монарху, а для «декабриста» или «народовольца» патриот – это человек, который борется с несправедливостью и царизмом [1]. В современной России этот спектр «означаемых» продолжает сохранять актуальность: для одних сегодня патриот – это тот, кто безусловно поддерживает государство и его политику, а для других – это тот, кто выступает против деятельности и мер, принимаемых представителями государственной власти [2]. При этом усиливающаяся международная напряженность приводит к тому, что через информационные интернет-ресурсы недружественные государства проводят политику, направленную на распространение деструктивных смыслов в образе патриота среди российской аудитории [3; 4]. Поэтому в социологическом сообществе возникает потребность в поиске методов и инструментов, которые будут способны выявлять господствующие смыслы патриотизма в массивах интернет-пространства и тем самым устранять возможные очаги деструктивных «означаемых» в патриотической риторике.

В целом через теории социальной идентичности Л. Хадди, М. Хогга, Д. Абрамса и М. Бревера образ патриота можно рассматривать в качестве группового прототипа, т.е. типичного члена социальной группы, обладающего наиболее общими и часто встречающимися качествами [5; 6]. Другими словами, именно через образ патриота человек способен осуществлять идентификацию с такой воображаемой группой как нация. При этом необходимо обращать внимание на то, что образ патриота является социокультурной флуктуацией, т.е. отдельным представлением (x), которое характеризуется количественной модификацией (больше / меньше) в ходе перемещения из одного момента времени в другой $(y_{t+1} + y_{t+k})$ [7, с. 97–100.]. Для образа патриота такой количественной модификацией (y_{t+1}) выступает

частота упоминаний слов, связанных с патриотизмом, в разные временные отметки.

Поскольку интернет предстает информационным полем, в котором различные коллективные акторы соперничают между собой за распространение смыслов среди аудитории с целью определения контуров «выгодной» им идентичности [8; 9], постольку публичные страницы глав регионов в социальных сетях становятся каналами, через которые транслируются смыслы, укрепляющие государственную и гражданскую идентичности. Таким образом, цель предлагаемой статьи заключается в выявлении смыслов, которые вкладывают региональные лидеры Юга России в групповой прототип патриота на интернет-пространстве в различные промежутки времени. Для достижения поставленной цели исследование проходило по нескольким этапам: 1) сбор данных; 2) поиск ассоциаций; 3) анализ временных рядов (time series analysis); 4) прогнозирование ARIMA. В качестве основного технического решения на всех этапах был выбран язык программирования Python и в частности инструменты IDE Spyder.

1. *Сбор данных*. С помощью методов API VK был проведен парсинг постов из публичных страниц глав регионов Южного федерального округа в сети «ВКонтакте», опубликованных до 31 марта 2025 г. (n = 44598 постов). При этом при парсинге данных не учитывалась страница главы Ростовской области в связи с изменением лица на должности губернатора в ноябре 2024 г. В результате определено, что в среднем от общего количества постов на страницах региональных глав ЮФО патриотическая тематика (т.е. ключевые слова: «патриот», «патриотический», «Отечество», «отечественный», «Родина», «Россия») встречается в 26% постов. В целом этот показатель доли патриотического контента занимает 6 место среди всех федеральных округов.

2. *Поиск ассоциаций*. Далее на основе всей совокупности постов и алгоритма word2vec была обучена модель со следующими признаками: размерность векторного пространства (vector_size) = 100, максимальное расстояние между текущим и предсказываемым словом (window) = 10, минимальное количество употреблений слова в общем объеме постов (min_count) ≥ 10. В результате был получен список ассоциаций, т.е. терминов, косинусное расстояние которых со словом «патриот» составляет ≥

0,9. Выяснилось, что наиболее общими ассоциациями, упоминаемыми при описании образа патриота в публичных страницах глав всех субъектов РФ, являются такие слова, как «уважение» (используется на страницах 40,5% глав регионов), «настоящий» (39,2%), «время» (39,2%), «пример» (36,7%), «знать» (35,4%), «поколение» (34,1%), «честь» (32,9%), «долг» (32,9%), «мужество» (32,9%), «любить» (31,7%), «свой» (31,7%), «традиция» (31,7%), «боец» (31,7%), «сердце» (31,7%), «дело» (31,6%), «достойный» (30%), «жить» (30,4%), «главный» (30,4%), «жизнь» (30%), «слово» (30%), «служить» (30%), «помогать» (30%), «вместе» (30%). Всего было выявлено 160 ассоциаций, на основе которых был создан авторский словарь, позволивший определить частоту упоминаний патриотического контента на страницах глав регионов в конкретные моменты времени.

3. *Анализ временных рядов* предполагал извлечение важной сводной и статистической информации из данных, заданных в хронологическом порядке [10, с. 25], где по оси x фиксируются единицы времени, а по оси y – количество упоминаний слов, ассоциирующихся с патриотом, которые были выявлены ранее с помощью модели word2vec. Тем самым выяснилось, что при рассмотрении динамики, суммарно на официальных публичных страницах глав регионов ЮФО в сети «ВКонтакте» прослеживается положительная динамика частоты репрезентации образа патриота (рис. 1). При этом существенное изменение в тренде, как видно, произошло после 24 февраля 2022 г.: если до начала СВО патриотическая тематика в общем контенте губернаторов увеличивалась ежегодно на 857 пунктов, то после СВО этот показатель возрос в 6 раз, в результате чего рост составил 5232 пунктов в год.

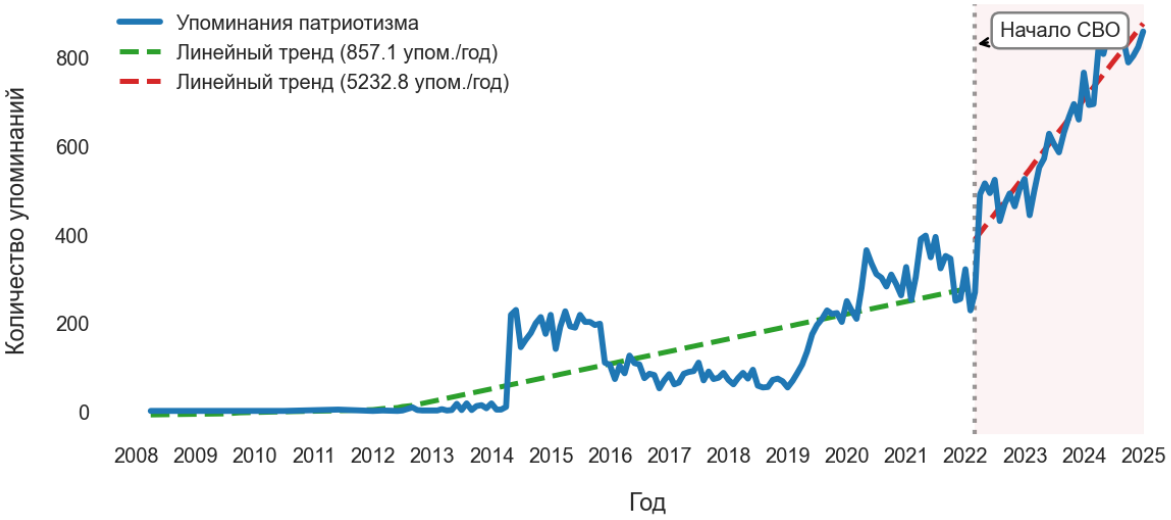

Рис. 1. – Общая динамика патриотической тематики
в онлайн-коммуникации глав регионов ЮФО

Если проводить региональную дифференциацию, то наиболее стремительный позитивный рост с момента СВО демонстрирует патриотический контент таких новых регионов, как Херсонская область (+2026 п.), Севастополь (+1290 п.), ДНР (+502 п.), ЛНР (+ 494 п.). Положительный ежегодный тренд трансляции образа «патриота» также сохраняется у губернаторов Краснодарского края (+251 п.), Волгоградской области (+223 п.), Запорожской области (+215 п.), Астраханской области (+126 п.). В то же время с момента СВО акцент на образе патриота снижается в постах глав Адыгеи (–89 п.), Калмыкии (–247 п.), Крыма (–420 п.) (рис. 2). Если же говорить о сезонности, то образ патриота чаще всего становится объектом повествования в контенте глав регионов ЮФО преимущественно в апреле (медиана упоминаний = 205), июле (205) и октябре (213). Однако реже всего патриотическая повестка становится объектом репрезентации в январе (141) и июне (181).

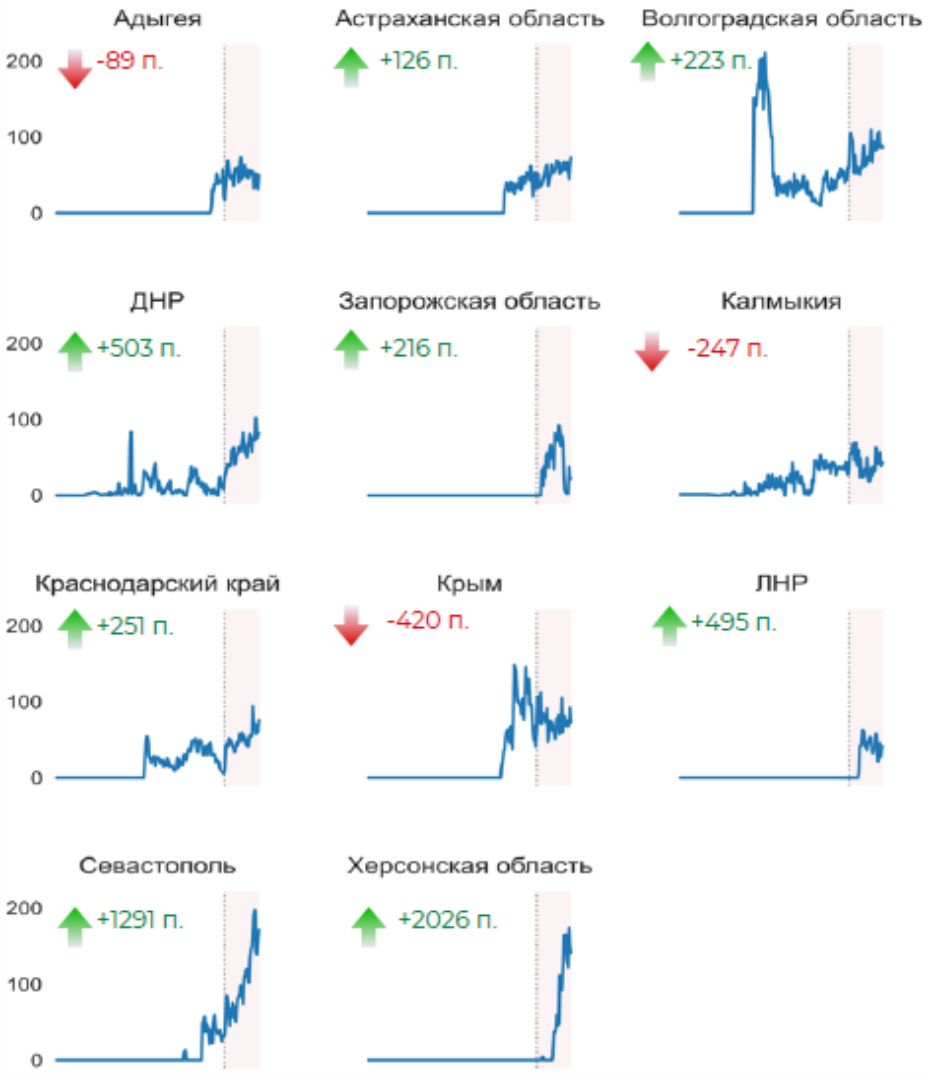

Рис. 2 – Динамика патриотической тематики по главам регионов ЮФО

4. *Модель ARIMA* (Autoregressive Integrated Moving Average – интегрированная модель регрессии скользящего среднего) используется для прогнозирования нестационарных временных рядов [10, с. 229; 11, p. 266]. Поэтому, в первую очередь, с помощью теста Дики-Фуллера (ADF) и теста Квятковского-Филипса-Шмидта-Шина (KPSS) было определено, что количественные модификации образа патриота в постах глав регионов нестационарны. Частичной стационарностью обладают лишь патриотический контент глав Волгоградской (ADF p-value = 0,26; KPSS p-value = 0,1) и Херсонской областей (ADF p-value = 0; KPSS p-value = 0,01). Тем самым результаты ADF и KPSS позволяют использовать ARIMA для прогнозирования динамики. В итоге на основе построенной модели ARIMA было выявлено,

что при отсутствии экстраординарных факторов в течение следующего 2026 года обращение к патриотической тематике увеличится в постах глав Крыма (+3,3%) Херсонской области (+2,2%), Волгоградской области (+0,7%). Небольшое падение тренда ожидается в интернет-коммуникации глав Калмыкии (–0,4%), Краснодарского края (–2,6%), Севастополя (–2,8%), ЛНР (–3,3%), ДНР (–3,7%). Существенное снижение патриотического контента прогнозируется в постах глав Запорожской области (–4,8%), Адыгеи (–10,9%) и Астраханской области (–12,2%) (рис. 3).

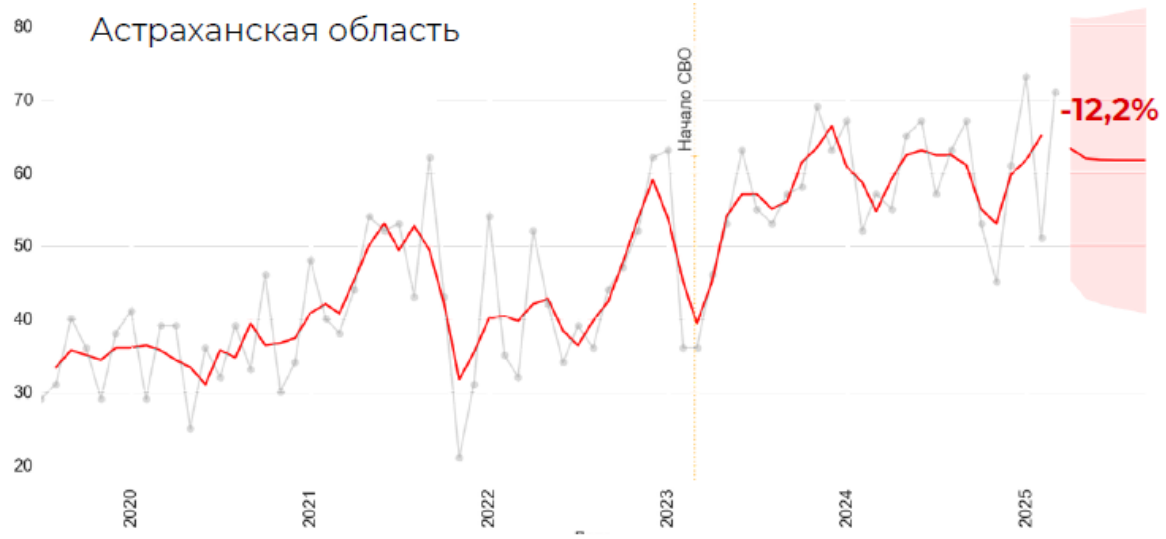

Рис. 3 – Прогноз ARIMA на 2026 г. (на примере Астраханской области)

Таким образом, в риторике властей региона образ патриота продолжает быть связанным преимущественно с военной тематикой. Именно групповой прототип «бойца», наделенного высокими нравственными качествами, выступает потенциальной основой для формирования социальной идентичности аудитории. В постах почти всех глав регионов Юга России такой образ патриота стал стремительно актуализироваться после начала Специальной военной операции 24 февраля 2022 г., что во многом объясняется близостью данных субъектов федерации к территории военных действий. При этом, согласно прогнозу, в 2026 г. частота обращений губернаторов к такому образу патриота будет немного уменьшаться, что может быть связано с хабитуализацией военной тематики в повестке региона.

Список источников:

1. Кром М.М. Патриотизм, или Дым Отечества. СПб., 2020.
2. Клеман К. Патриотизм снизу: «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М., 2021.
3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В. Дискурсы внешнего информационного давления в Крымском и Севастопольском сегментах Рунета: особенности, адресаты, конфликтогенный потенциал // Политическая наука. 2020. № 3. С. 243-265.
4. Ярмак О.В., Цепкова А.С., Калинская И.Л. Украинские информационные потоки в крымском интернет-сегменте: анализ онлайн-контента и медиаповестки в течение 2014-2020 годов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 3. С. 36–44.
5. Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // Political Psychology. 2001. Vol. 22. № 1. P. 127–156.
6. Hogg M.A., Abrams D., Brewer M.B. Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations // Group Processes & Intergroup Relations. 2017. Vol. 20. Iss. 5. P. 570–581.
7. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006. 1054 с.
8. Bourdieu P. Sociology in Question. London, 1993.
9. Флигстин, Н., Макадам, Д. Теория полей. М., 2022.
10. Нильсен Э. Практический анализ временных рядов: прогнозирование со статистикой и машинное обучение. СПб., 2021. 538 с.
11. Brockwell P., Davis R. Time Series: Theory and Methods. New York, 1987. 580 p.

И. В. Самаркина, Н. Г. Гончарова

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РФ: БАРЬЕРЫ ИЛИ КАТАЛИЗАТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ?

Аннотация. В статье представлены результаты исследования политико-психологического контекста социокультурной интеграции граждан, в том числе, молодежи новых регионов РФ. На основе интегративной модели, объединяющей идентитарный и политико-психологический подходы, интерпретирован массив вторичных и первичных данных о социокультурной динамике сообществ новых субъектов РФ. Определены три типа политико-психологических процессов, определяющих вектор и содержание социокультурной интеграции: политическая социализация, политическая ресоциализация и политическая адаптация, а также ее социокультурные и институциональные барьеры.

Ключевые слова: политическая социализация, политическая ресоциализация, политическая адаптация, гражданская идентичность, социокультурная интеграция.

I. V. Samarkina, N. G. Goncharova

POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL PROCESSES IN THE NEW CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: BARRIERS OR CATALYSTS FOR SOCIOCULTURAL INTEGRATION?

Abstract. The article presents the results of a study of the political and psychological context of the sociocultural integration of citizens, including young people in the new regions of the Russian Federation. Based on an integrative model that combines the identity and political-psychological approaches, the article interprets a set of secondary and primary data on the sociocultural dynamics of communities in the new regions of the Russian Federation. The article identifies three types of political and psychological processes that determine the direction and content of sociocultural integration: political socialization, political resocialization, and political adaptation, as well as their sociocultural and institutional barriers.

Keywords: political socialization, political resocialization, political adaptation, civic identity, and sociocultural integration.

Актуальность. В условиях расширения политического пространства РФ социокультурная интеграция общества является одной из первоочередных проблем, требующих аналитического осмысления и практического решения, что обусловлено многосоставным, многонациональным характером российского общества и сопровождается значительными конфликтогенными рисками, предотвращение которого требует разработки технологий, нацеленных на формирование консолидирующего ядра российского общества. Несмотря на то, что процессы консолидации имеют разноуровневый характер и разворачиваются во всех сферах общественной жизни, приоритет по значимости и определяющему эффекту имеют процессы социокультурной консолидации. С учетом этой значимости важно понимать содержание и специфику политико-психологического контекста социокультурной интеграции новых регионов РФ, который составляют процессы политической социализации, политической ресоциализации и политической адаптации.

Цель данной статьи – осмысление массива полученных данных и определение сущности и потенциала происходящих в социокультурном пространстве новых регионов России политико-психологических процессов.

Методология и методы. В качестве основы объяснительной модели исследования процессов консолидации российского общества выступает идентитарный подход, который позволяет держать исследовательский фокус на главном результате сложных консолидационных процессов – формировании российской гражданской идентичности новых граждан. Идентитарный подход позволяет использовать концепт гражданской идентичности во взаимосвязи с концептами национальной, региональной (субнациональной) и этнической идентичности для осмысления происходящих политических процессов (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л.М. Дробижева, В.А. Тишков, И.С. Семененко).

Политико-психологический подход (Э. Эриксон, Р. Харре, Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнёва, Т.В. Евгеньева) в контексте исследования необходим для осмысления институтов, технологий и факторов формирования гражданской идентичности в процессах политической социализации и политической ресоциализации исследуемых сообществ в ситуации кардинального изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства Российской Федерации. Аналитический и эмпирический инструментарий политико-психологического подхода позволит выявить структуру и осмыслить содержание политической картины мира (И.В. Самаркина) взрослых граждан РФ, составляющей когнитивное ядро формирования гражданской идентичности.

Для осмысления политико-психологических процессов в условиях расширения политического пространства РФ был использован анализ вторичных данных, а также эмпирические данные, собранные методами глубинных интервью и экспертных интервью в рамках выполнения исследовательского проекта «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства

образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2024-0013.

Научный дискурс социокультурной интеграции и её эффектов. Осмысление сложных процессов консолидации и интеграции общества на разных исторических этапах уже было предметом научного анализа [1]. Интерес ученых к политико-психологическому контексту политических трансформаций актуализировался в постсоветской России. Е.Б. Шестопал отмечает, что адаптация к новым ценностно-идеологическим реалиям в тот период происходила противоречиво у разных поколений граждан. Молодежь, проходившая этап первичной социализации, естественным образом осваивала новые ценности и нормы новой социально-политической системы, старшее поколение оказалось менее гибкими в восприятии возникающих трансформаций – привычные модели поведения и мировоззренческие основания входили в противоречие с новой господствующей системой общественно-политических отношений [2].

Интерес к изучению социокультурных процессов в условиях геополитических трансформаций XXI века нашел отражение в трудах Н.А. Ильиновой, С.А. Сетовой, А.Ю. Шадже [3], А.В. Баранова, М.В. Донцовой, В.А. Чигрина [4], Е.В. Бродовской, А.Ю. Домбровской, А.В. Синякова [5], В.А. Лукушина [6], А.А. Азарова [7], В.А. Авксентьева, М.М. Шульги [8] и др.

Изменение конфигурации политического пространства РФ в 2014 г. актуализировало исследования процессов консолидации и интеграции, в первую очередь в контексте исследования политики идентичности, среди работ по этой проблематике следует отметить исследования А.В. Баранова [9], С.С. Костяева и И.В. Юшкова [10], С.В. Шефель и В.А. Захаровой [11].

Отдельно следует отметить исследования, которые фокусируются на факторах, определяющих социокультурную динамику российского общества в контексте трансформации российской идентичности. В этой связи М.Е. Попов [12] рассматривает эту проблему в контексте конфликта идентичностей. Л.М. Дробижева [13] – в контексте социальных проблем межнациональных отношений, С.Ю. Иванова [14] – через призму ценностного измерения, С.В. Попова к факторам

укрепления социокультурной интеграции относит модусы прошлого, настоящего и будущего [1].

Цифровой контекст социокультурной интеграции исследуют А.Ю. Домбровская и В.А. Лукушин, отмечая, что прочность вхождения граждан в социально-политическое, культурное и коммуникативное пространство РФ в контексте актуальных геополитических вызовов определяется контекстом информационной повестки [15]. И.С. Башмаков к факторам формирования гражданской идентичности в контексте вхождения в РФ новых территорий относит характер социально-психологических последствий перехода к российской модели государства и власти, а также особенности культурной и национальной самоидентификации новых жителей, установление связи с новым государством и усилия органов власти в системе институционального влияния на обеспечение интеграционных процессов [16].

В целом, следует отметить, что интерес исследователей к проблематике консолидации и социокультурной интеграции российского общества высок, накапливающиеся эмпирические данные требуют осмысления и интерпретации в контексте политических изменений и социально-психологического контекста.

Социокультурная динамика в условиях расширения политического пространства РФ. Социологические опросы, проведенные в период с 2009 г. по 2022 г. на территории Донбасса (ДНР), позволяют охарактеризовать состояние социокультурной динамики региона. В период с 2014 г. по 2022 г. наблюдается сокращение доли тех, кто определяет себя украинцем (40%/19,7%), при этом значительно выросла доля идентифицирующих себя русскими (32,6%/70,1%). Исследователи отмечают, что маркер «русские» стал иметь не просто значение народов, которые ранее проживали в СССР или имеют такой этнический признак, а определяется как «сторонник общерусского единства», представитель русской культуры и носитель русского; термин «украинец» воспринимается в качестве противника русской идеи на фоне украинского конфликта.

Вместе с тем, молодежь от 18 по 25 лет по состоянию на 2016 г. в ДНР определяла себя, в первую очередь, как украинцев

(47%), в то время как русскими себя считала меньшая часть (44%). В других возрастных категориях отмечается обратная тенденция, большинство опрошенных определяют себя как русские, в особенности граждане возрастной категории 56-65 лет (62%) [17].

В ЛНР по данным за 2016 г. более трети респондентов молодого возраста определяли себя украинцами, однако большая часть опрошенных – русскими (максимальное значение составило 63% у категории от 26 до 35 лет). Удивление вызывает самоопределение представителей возрастной категории 76 и более лет, большинство которых (53%) считали себя украинцами. Выявлено, что среди опрошенных преобладает региональная идентичность. На вопрос о том, кем себя идентифицируют респонденты, в большинстве были получены ответы «Жителем Донбасса» (51% в ДНР и 36% в ЛНР), «Жителем Луганщины» (18%) [17].

В 2022 г. большая часть респондентов определила себя в качестве русских (минимальное значение у молодежи от 18 до 35 лет – 52,8%, максимальное у граждан 66-75 лет – 68,4%). Исследователи отмечают, что самоидентификация по этническому признаку оказалась тесно связана с материальным положением опрошенных. Чем менее состоятельным называл себя респондент, тем чаще он относил себя к русским и наоборот – более состоятельные по собственным оценкам граждане в чаще считали себя украинцами [17].

Результаты, полученные нами в серии исследований молодежи новых регионов (2024) показывают, что в молодежной среде российская гражданская идентичность является доминирующей (75%), носителями гибридной идентичности (которые считают *своей* страной и Россию, и Украину) являются около 8% опрошенных; третье место (по распространенности в данной выборке) занимает донбасская идентичность (5%), Донбасс считают *своей* страной примерно пятая часть опрошенных в ДНР и ЛНР. Около 2% опрошенных представляют эскапистскую идентичность (отрицают любую идентификацию с какой бы то ни было страной, государством) и чуть более 1% опрошенных

являются носителями украинской гражданской идентичности (табл. 1).

Табл. 1. Продолжив фразу «Моя страна это...», какую страну Вы бы назвали? (в %)

Варианты ответа	Запорожская область	Херсонская область	ДНР	ЛНР	Республика Крым	Всего%
Россия	76,18	87,71	56	63,54	85,71	75,43
и Россия, и Украина	9,09	8,38	10	6,25	6,35	8,45
Затрудняюсь ответить	9,72	1,68	6	3,13	3,17	5,94
Донбасс	0	0	18	21,88	0,00	5,15
Никакую страну не считаю своей	3,13	1,12	3	1,04	1,59	2,25
Другое (укажите ниже)	0,63	1,12	3	3,13	1,59	1,45
Украина	1,25	0	4	1,04	1,59	1,32

Исследователи подчеркивают влияние проводимой политики на ценностные предпочтения граждан [18]. Респонденты выражают удовлетворенность выбранным курсом государства, ориентированным на укрепление единства, территориальной целостности и суверенитета (42,4%), а также поддержание традиционализма (35,9%); при этом значительное большинство жителей ЛНР (75,5%) наделяет Россию статусом мировой державы (65,1% – ДНР). В целом наблюдается позитивное восприятие новыми гражданами политики России и традиционных ценностей, что демонстрирует поддержку существующих тенденций социально-политического развития и способствует социокультурной интеграции.

Барьеры социокультурной интеграции. Сложные, многоуровневые и многосоставные политико-психологические процессы обуславливают наличие барьеров на пути интеграции и новых субъектов в политическое пространство РФ. В нашем исследовании (на основании глубинных интервью) выявлены два типа барьеров: социокультурные и институциональные.

Наличие социокультурного барьера обусловлено сформированными в разных условиях политической социализации ценностями, поскольку целые генерации новых граждан России были сформированы в иной социокультурной и политической среде: *«У категории населения 18−30 лет, которые не застали ни советское прошлое, не имели никакого представления о том, что было до независимой Украины, для них, конечно, проблема эта (изменение ценностей) глобальная, потому что им необходимо осознать, что они являются частью, прежде всего совершенно другого мира, частью российской, русской цивилизации, а для этого нужно сделать очень много»* (глубинное интервью, ДНР). По мнению участников исследования, этот барьер имеет достаточно прочные институциональные основания, преодоление которые и является частью политики развития новых территорий: «*Я думаю нужна целенаправленная работа в этом направлении, особенно в школе, потому что школа очень украинизирована и у детей нет представления, что все просто возвращаться на круги своя, что мы, в принципе, вернулись в отеческую гавань»* (глубинное интервью, житель ЛНР).

Институциональные барьеры связаны с качеством человеческого капитала региональной и местной власти: *«Не работают многие сервисы, которые работают у вас на Большой России, поэтому есть проблемы, связанные с получением медицинского обслуживания, образования, с постановкой недвижимости на кадастровый учет. У нас люди возмущены, потому что приходится стоять в очереди с четырех утра, брать талончики, это вызывает большое напряжение…»* (житель ЛНР, глубинное интервью). Эффективность власти на местах, качество ее человеческого капитала влияют на легитимность российской власти, и, поэтому, определяют фокус кадровой работы в новых регионах: «*К нам сейчас из России приехало очень много чиновников только из-за высоких окладов, а наладить работу они не могут*» (житель Херсонской области, глубинное интервью).

Заключение. Расширение политического пространства РФ происходит в контексте сложных и многоуровневых социально-экономических, политических и социально-психологических процессов. Их состояние и динамику важно учитывать в стратегическом планировании и практической реализации

внутренней региональной политики. Особую важность имеет учет особенностей социокультурной динамики, связанной с трансформацией ценностей и идентичности. Исследования показывают масштабные ценностные сдвиги и трансформацию этнических и гражданских идентичностей, происходящих в сложных процессах политической адаптации, политической социализации и политической ресоциализации новых граждан России, которые демонстрируют значимую динамику, и в то же время сопровождаются социокультурными и институциональными рисками.

Список источников

1. Попова С.В. Социокультурная адаптация и интеграция в полиэтническом обществе: российская специфика // Научные вести. 2020. № 10 (27). С. 96–101.

2. Шестопал Е.Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2005. № 4. С. 48–69.

3. Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Сетова С.А. Патриотизм как фактор социокультурной интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. № 3. С. 188–197.

4. Баранов А.В., Донцова М.В., Чигрин В.А. Ориентации и установки восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений работающей молодежью Кубани и Крыма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 5. С. 41–51.

5. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Студенческая молодежь Крыма и Севастополя о межнациональных и межрелигиозных отношениях на полуострове: результаты кластерного анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 30–41.

6. Лукушин В.А. Внешнее информационное давление на российскую молодежь как инструмент глобального противоборства // Общественные науки и современность. 2023. № 3. С. 68–82.

7. Бродовская Е.В., Азаров А.А. Мультиагентное имитационное моделирование процессов социокультурной интеграции жителей ЛНР и ДНР // Власть. 2023. № 6. С. 49–53.

8. Авксентьев В.А, Шульга М.М. Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем? // Социологические исследования. 2013. № 12. С. 34–42.

9. Баранов А.В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 10–23.

10. Костяев С.С., Юшков И.В. Особенности интеграции и адаптации Крыма в российскую социально-политическую систему // Вестник Финансового университета. 2015. № 4 (20). С. 45–52.

11. Шефель С.В., Захарова В.А. Реализация концепции социокультурного синтеза в республике Крым как условие социальной адаптации молодых крымчан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №. 2. С. 107–110.

12. Попов М.Е. Социокультурная интеграция и проблемы разрешения конфликтов идентичностей: региональный аспект // Logos et Praxis. 2015. № 2 (28). С. 40–46.

13. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

14. Иванова С.Ю. Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерения // Вестник ВЭГУ. 2012. № 2 (58). С. 22–28.

15. Домбровская А.Ю., Лукушин В.А. Цифровой контент социокультурной интеграции ЛНР и ДНР: результаты когнитивного картирования // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 38–45.

16. Башмаков И.С. Гражданская идентичность и образ будущего новых граждан России: факторы и перспективы формирования // Статья в сборнике: Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: к 80-летию освобождения Крыма и Украины от нацистской оккупации и 110-летию начала Первой мировой войны. 2024. С. 347–350.

17. Черкашин К.В. Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Этническая самоидентификация жителей Донбасса // Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 113–128.

18. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Ценностные ориентации и политические установки жителей ЛНР и ЛНР: Результаты социологического исследования в 2023 году // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 6. С. 88–102.

И. П. Скворцов

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исходя из понимания культуры как совокупности программ деятельности духовная безопасность определяется через способность социума обеспечивать свои устойчивость, социальное развитие и духовный прогресс. Рассматривается системно-деятельностный аспект политики и практики укрепления духовной безопасности. Обозначены некоторые условия укрепления духовной безопасности, касающиеся в первую очередь социальной и политической сфер общественной жизни.

Ключевые слова: дух, духовность, национальная безопасность, духовная безопасность, культурная безопасность, идентичность, ценности, социальный институт.

I. P. Skvortsov

SPIRITUAL SECURITY: SYSTEMIC-ACTIVITY ASPECT

Abstract. In the article, based on the understanding of culture as a set of activity programs, spiritual security is defined through the ability of society to ensure its sustainability, social development and spiritual progress. The system-activity aspect of the policy and practice of strengthening spiritual security is considered. Some conditions for strengthening spiritual security are outlined, primarily related to the social and political spheres of public life.

Keywords: spirit, spirituality, national security, spiritual security, cultural security, identity, values, social institution.

Вначале определимся с основными понятиями, используемыми в статье. По поводу термина *«духовность»* не существует единой точки зрения. Не ставя целью подробное рассмотрение многочисленных точек зрения на содержание этого понятия, отметим, что духовность сопричастна религиозности, нравственности и морали, ценностям внутреннего мира человека, творчеству, уровню и качеству культурного развития личности и т. д.

Будем исходить из более общего понятия духа, как высшей способности человека, позволяющей ему стать субъектом смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преображения действительности; способности, открывающей

возможность дополнить природную основу индивидуального и общественного бытия миром моральных, культурных и религиозных ценностей [1]. Духовность это свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными [2, с. 179].

Соответственно, духовность индивида представляет собой его способность в своей деятельности выходить *за рамки* собственного индивидуального существования, рамки материальной составляющей. Способность стремиться вместо выгоды к справедливости, вместо частного, корпоративного интереса – к общественному, солидарному.

Мы поддерживаем подход, в соответствии с которым культура рассматривается как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях, как историческое развитие человеческой духовности [3].

В таком случае духовность можно представить как способность в процессе реализации совокупности программ деятельности опираться на нематериальные факторы и содействовать их развитию в решении проблемы сохранения и развития общности. Духовность выступает сердцевиной культуры, так как она имеет непосредственное отношение к функционированию сознания как человекообразующего феномена.

Что касается понимания соотношения безопасности культурной и духовной, то нам представляется целесообразным не употреблять данные понятия как синонимы, так как понятие культурной безопасности более широкое по объему. В соответствии с общепринятым пониманием безопасности как защищенности от различных угроз, безопасность культурная подразумевает состояние защищенности культурной системы, объединяющей ценности материального и духовного характера, от внутренних и внешних угроз.

Духовная безопасность касается в первую очередь морально-нравственных аспектов жизнедеятельности социума, групп и личности. Она характеризуется как составляющая национальной

безопасности, выраженная в качественном уровне национального самосознания, отражающем традиции жизнеустройства общества, его культуры и истории, а также уровень морально-политического единства общества [4].

Но более точно, на наш взгляд, сущность духовной безопасности определяет тезис, что она выражает моральный дух нации, ее способность ставить и решать исторические задачи [4]. Духовность может рассматриваться как способность социального субъекта силою духа, внутренними духовными возможностями, преобразовывать существующую реальность. Духовная безопасность в таком случае представляет собою состояние защищенности этой способности социума обеспечивать свое социокультурное развитие.

Духовность характеризует потенциал преобразующей активности конкретного общества, группы, личности. Нам представляется важным подчеркнуть системно-деятельностный аспект в политике и практике укрепления духовной безопасности. Отсюда возникают существенные требования к оптимальности связей между элементами механизма, развитости и гармоничности обеспечивающих структур и функций, устойчивость составляющих систему элементов и их отношений, согласованность лежащих в основе политики укрепления духовной безопасности ценностей, поддерживающих их институтов, реализации массовых социальных практик.

Элементами деятельностной системы обеспечения духовной безопасности выступают такие субъекты, как личность, общество и государство. Объектами являются духовная жизнь общества, функционирующее общественное сознание. Цель системы заключается в обеспечении духовной безопасности. Средства культурной и социальной политики являются инструментами обеспечения духовной безопасности. Параметры деятельности субъектов связаны с функционированием социальных институтов и ценностного каркаса общества, способностью социальной системы к самоорганизации и усложнению.

В политологическом аспекте субъектом политики духовной безопасности выступает государство, в частности, и, особенно, политическая элита. При этом особое значение приобретают качества правящего слоя государства, его способность порождать

смыслы, формулировать цели существования и развития социума, проекты будущего. Что, в свою очередь, обусловливает способность системы к развитию, его проективность, смысловое содержание, творческую составляющую деятельности по укреплению духовной безопасности. Не случайно столь активны в настоящее время дискуссии на тему «Что есть Российская Федерация?», каково ее послание миру и своему народу, а также каковы возможности, политико-идеологическая и духовно-культурная основа, пути консолидации российской элиты.

Духовность реализуется в процессе деятельности людей, создающих институты и правила их функционирования и опирающихся на развитую ценностную основу. По нашему мнению, развитость социальных институтов, их органическая связь со сформированной ценностной матрицей общества выступают непременным условием укрепления духовной безопасности. Поэтому, в частности, мы поддерживаем дискурс традиционных российских ценностей, формулирование своего, по А. Дугину, логоса самобытной цивилизации [5], в которой свет ценностей модифицирует мотивы, потребности и интересы, волю сообщества. Отсюда вытекает и значимость широко обсуждаемой в последнее время проблематики идентичности [6], определенности нормативно-ценностной основы и ее способности к развитию. Практика показывает, что в условиях духовного и идейно-политического вакуума одними лишь средствами социальных технологий, изысками в области методологии социального управления проблему качества развития российского социума не решить.

Идентичность и ценностная матрица общества выступают объектами защиты в политике духовной безопасности. Но проективность и перспективы развития нации проистекают не только из поддержания традиций прошлого, что, несомненно, важно, но не обеспечивает развитие, а должны исходить из нацеленности на будущее. Что также можно описать обращением к пусть и не слишком успешно определяемому социологическими инструментами понятию жизненной энергии народа, способности воспроизводить себя в истории. Положение Л.Н. Гумилева о пассионарности нации как деятельности, направленной на

осуществление цели и способности ее достигать, вполне применимо к проблематике духовной безопасности.

Результатом проявления жизненных сил нации является процесс усложнения социальных структур и функций, созидательная роль государства, его проактивная культурная и социальная политика, развитие современных технологий, науки и образования, сферы культуры и здравоохранения, т.е. того, что обеспечивает развитие человеческого капитала. Отсюда проистекает важнейшее значение вопросов демографии, сбережения народа, качества его месторазвития.

Поэтому трудно переоценить роль солидарности в социальной и экономической сфере, готовности социальных институтов помогать, а не ограничивать развитие, укреплять демократические начала общества. Важную роль при этом играет подключение энергии социума, развитие наряду с вертикальными социальными связями иерархии горизонтальных связей сотрудничества, поддержки инициативы и творчества людей.

Обозначенные условия укрепления духовной безопасности позволяют высказать также предположение относительно некоторых ее критериев, к которым мы относим способность нации осознавать и формулировать свою идентичность, осуществлять целеполагание будущего и его реализацию.

Список источников

1. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. С.255–256.

2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН.; Российский фонд культуры. 2-е изд. М., 1994. 928 с.

3. Стёпин В.С. Энциклопедия эпистемологии. URL: https://epistemology_of_science.academic.ru/352/культура (дата обращения: 30.05.25).

4. Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д.О. Рогозина. М., 2014. URL: https://war_peace_terms.academic.ru/44/БЕЗОПАСНОСТЬ_ ДУХОВНАЯ (дата обращения: 30.05.25).

5. Дугин А.Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект; Трикста, 2010. 364 с.

6. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2023. 512 с.

Е. С. Студеникина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

Аннотация. Одним из важных направлений социальной политики государства является осуществление мер по защите и поддержке инвалидов. Однако, для их оптимальной реализации необходима система объективного контроля. В статье рассматриваются проблемы организации статистического учета и анализа, выявленные в ходе мониторинга по выполнению положений международной Конвенции о правах инвалидов. Мониторинг проводился в 2024 г. на территории Краснодарского края при участии кафедры социологии Кубанского государственного университета. Основные проблемы связаны с отсутствием ряда показателей в краевой статистике, сложностью сопоставления данных разных ведомств и отсутствием единой системы сбора данных.

Ключевые слова: инвалид, права инвалидов, инвалидность, статистика, Краснодарский край, Конвенции о правах инвалидов.

E. S. Studenikina

SOME PROBLEMS OF MONITORING THE OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PERSONS WITH DISABILITIES

Abstract. One of the main directions of the state's social policy is measures to protect and support people with disabilities. However, an objective control system is needed for their optimal implementation. The article discusses the problems of statistical accounting and analysis, identified during the monitoring of the implementation of the provisions of the International Convention on the Rights of Persons with Disabilities. The monitoring was carried out in 2024 in the Krasnodar Territory with the participation of the Department of Sociology of Kuban State University. The main problems are related to the lack of a number of indicators in regional statistics, the difficulty of comparing data from different departments, and the lack of a unified data collection system.

Keywords: persons with disabilities, rights of persons with disabilities, disability, statistics, Krasnodar Territory, Conventions on the Rights of Persons with Disabilities

В 2024 г. Министерством труда и социального развития Краснодарского края при активном участии кафедры социологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» был проведен ежегодный мониторинг принятия правовых, организационных, информационных, финансово-экономических и

иных мер по выполнению положений Конвенции о правах инвалидов. Он включал в себя анализ и оценку соответствия регионального законодательства положениям международной Конвенции о правах инвалидов (принята в 2006 г., ратифицирована в 2012 г.) [1] и федеральному законодательству, а также сбор, статистическую обработку, обобщение и анализ информации о выполнении законодательства Российской Федерации о правах инвалидов [2], в разрезе статей Конвенции с целью выявления и устранения барьеров, с которыми инвалиды сталкиваются при осуществлении своих прав.

К инвалидам, согласно понятиям, обозначенным в Конвенции, относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими [1]. Эта категория граждан нуждается не только в медицинской помощи, но и в социальной поддержке, защите, а также понимании их проблем со стороны окружающих, равном отношении к ним, как согражданам. Таким образом, инвалидность – это не только проблема личности, но и государства, и общества в целом.

Реализация мер социальной защиты, реабилитации и интеграции инвалидов в общество, в том числе детей-инвалидов, являются одними из приоритетных направлений социальной политики в Краснодарском крае. В крае действует 34 закона и более 100 нормативных документов, в которых, так или иначе, затрагиваются права инвалидов. В настоящее время функционирует разветвленная сеть социальных служб, в которых инвалиды, в том числе дети-инвалиды, пожилые и другие люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, получают необходимую помощь и поддержку квалифицированных специалистов.

В Краснодарском крае проблемами инвалидов занимаются организации здравоохранения, образования (где функционируют специализированные учреждения общего образования и обеспечивается доступ инвалидов к профессиональному и высшему образованию), службы занятости, социальные службы, организации культуры и спорта и многие другие. Однако, общей

системы координации, анализа и обмена информацией на данный момент, к сожалению, не существует.

В результате экспертизы законодательства Краснодарского края было установлено его соответствие законодательству Российской Федерации о правах инвалидов в Российской Федерации, положениям Конвенции ООН о правах инвалидов и другим международно-правовым актам о правах и свободах человека, в частности «Всеобщей декларации прав человека», «Декларации о правах инвалидов» (1975 г.), «Всемирной программы действий в отношении инвалидов» (1982 г.), «Стандартных правил обеспечения равных возможностей для инвалидов» (1993 г.), на которых основана и Конвенция.

Однако, при сборе статистической информации был выявлен ряд проблем. В частности, отсутствует система учета по ряду показателей, например, таких как: обращения инвалидов в территориальные органы, федеральные органы исполнительной власти и органы по контролю (надзору) за исполнением законодательства Российской Федерации; причины обращений инвалидов в органы исполнительной власти и органы по контролю (надзору) за исполнением законодательства Российской Федерации; деятельность по обнаружению, расследованию и пресечению фактов дискриминации по признаку инвалидности, и противоправных действий в отношении инвалидов и ряду других.

На данный момент отсутствует также система учета по показателям участия инвалидов в политической и общественной жизни. Более-менее полная информация есть о работе региональных отделениях различных организаций инвалидов (Всероссийские общества слепых, глухих и др.). В случае, если человек с инвалидностью действует не через данные общества, а инициативно, просто как активный гражданин, в статистику участия инвалидов в общественной и политической жизни это не попадает.

Пока практически невозможно получить полные данные на региональном и федеральном уровнях об обеспечение инвалидам доступности туристических объектов и услуг. Реальная доступность для инвалидов различных услуг, а также транспорта, помещений и многого другого существенно зависит от категории инвалидности и учета нарушений функций организма.

Обобщенные данные в подобном случае не дают ясной картины ситуации. Обеспечение возможности учета региональных показателей, показателей с разбивкой по городским и сельским населенным пунктам, а также по отдельным категориям инвалидов позволит более точно и оперативно планировать корректирующие меры на уровне муниципалитетов и края в целом.

Также учет специфики инвалидизирующего нарушения функций организма (заболевания) важен при планировании оказываемой медицинской помощи, программ реабилитации и абилитации и, с разбивкой по возрастам, для оценки ситуации в сфере труда и занятости, где вопросам трудоустройства инвалидов сейчас уделяется повышенное внимание.

В результате сбора и анализа показателей была также выявлена потребность в совершенствовании системы учета численности детей категории "ребенок-инвалид", оставшихся без попечения родителей, помещенных под надзор в организации (так как этот вопрос находится на стыке интересов системы здравоохранения, опеки и образования).

В некоторых случаях единственной возможностью получить адекватную информацию по проблемам инвалидов остается опрос экспертов, однако, и они часто являются специалистами в узком круге вопросов (медицина, трудоустройство, социальные льготы и т.д.) и не владеют ситуацией в целом.

Существенные различия статистики разных департаментов и ведомств затрудняют сопоставление и анализ информации. Еще одной проблемой является недостаточное взаимодействие организационных структур, отвечающих за отдельные участки работы с инвалидами.

По итогам работы над мониторингом мер по выполнению положений международной Конвенции о правах инвалидов в Краснодарском крае была выявлена потребность в совершенствовании системы учета ряда показателей. Следует отметить, что эта проблема не является «местной». Такая же ситуация сложилась и в других регионах РФ. Как иногда бывает при проведении социологических исследований, пока не был задан конкретный вопрос, о некоторых сложностях люди не задумывались. Сам факт мониторинга, проведенного по единой

схеме во всех регионах Российской Федерации, обозначил проблему нехватки информации и взаимодействия.

Таким образом, в результате мониторинга были выявлены проблемы не отсутствия помощи гражданам с инвалидностью, а отсутствия согласованной системы сбора статистических показателей, без которой невозможен объективный контроль, сравнение ситуации в разных регионах и отслеживание динамики развития ситуации.

Список источников

1. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml?ysclid=mfrzoc96ie865505746 (дата обращения 17.08.2025).

2. Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181–ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения 17.08.2025).

3. Усова Л.В., Студеникина Е.С. Интернет как индикатор процесса интеграции инвалидов в общество // Теория и практика общественного развития. 2020. № 6 (148). С. 18–22.

Л. В. Усова, Е. А. Усов

РИСКИ СТУДЕНТОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ

Аннотация. В статье рассматриваются риски, связанные с обучением студентов с нарушением слуха, в ходе реализации инклюзии в высших учебных заведениях. Авторы на основе теоретических и эмпирических данных приходят к выводу о необходимости модернизации образовательных практик, разработки дифференцированного подхода к созданию специальных образовательных условий с учетом индивидуальных особенностей. Выделяются институциональные, коммуникативные и социально-психологические барьеры и вызовы, с которыми сталкиваются слабослышащие студенты в инклюзивной образовательной среде.

Ключевые слова: образовательная инклюзия, высшее образование, нарушение слуха, слабослышащие студенты, риски, барьеры, доступность, стигматизация, эксклюзия, инклюзивная среда.

L. V. Usova, E. A. Usov

RISKS OF STUDENTS WITH HEARING IMPAIRMENTS IN EDUCATIONAL INCLUSION SETTINGS

Abstract. This article examines the risks associated with educating students with hearing impairments within the context of inclusive education in higher education institutions. Based on theoretical and empirical data, the authors conclude that educational practices need to be modernized and that a differentiated approach to creating special educational conditions, taking into account individual needs, is needed. They highlight the institutional, communicative, and socio-psychological barriers and challenges faced by students with hearing impairments in inclusive educational environments.

Keywords: educational inclusion, higher education, hearing impairment, hearing-impaired students, risks, barriers, accessibility, stigma, exclusion, inclusive environment.

В современном мире инклюзия представляет собой комплексный социальный феномен, характеризующийся дуальностью своей природы. С одной стороны, инклюзия выступает как динамический процесс социальной интеграции, а с другой, как итоговое состояние включенности.

Инклюзия предполагает системное взаимодействие социальных институтов, общественных структур и институтов гражданского общества, направленное на создание оптимальных условий для полноценного участия социально уязвимых групп в различных сферах. Инклюзивный подход подразумевает разработку и реализацию специальных механизмов, обеспечивающих равные возможности участия всех членов общества в социальных, экономических, культурных, политических процессах.

В России действует целый комплекс нормативных документов, регламентирующих процесс внедрения и функционирования инклюзивных образовательных практик. Важнейшим аспектом образовательных инклюзивных практик выступает их комплексность, предполагающая синхронизацию усилий различных социальных институтов. Это позволяет преодолеть традиционные барьеры социальной эксклюзии и создать условия для полноценной самореализации и интеграции инвалидов в общество.

Вопросами инклюзии в системе высшего образования занимались Волосникова Л.М., Ефимова Г.З., Огороднова О.В. [1] Зиневич О.В., Дегтярева В.В., Дегтярева Т.Н. [2], Усова Л.В. [3], Хуснутдинова М.Р. [4], Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Зайцев Д.В., Наберушкина Э.К. [5] и др.

Основными рисками для студентов с инвалидностью в условиях образовательной инклюзии выступают институциональные ограничения, коммуникативные и социально-психологические барьеры.

Институциональные ограничения характеризуются риском институциональной изоморфности и бюрократической инерцией. Чаще всего здесь можно говорить об образовательных траекториях, неадаптированных к специфике обучения из-за заболевания.

В учебных заведениях наблюдается дефицит ресурсного обеспечения, отсутствует специализированное оборудование (ассистивные технологии), педагогическому составу не хватает достаточной квалификации в области инклюзивной дидактики.

Нормативно-правовая фрагментарность не обеспечивает детализированного регламентирования образовательного процесса. Происходит подмена инклюзии интеграцией. Соблюдение нормативных требований к формированию доступной среды приводит к «ложной инклюзии», где физическое присутствие студента с ограничениями не обеспечивает полноценного академического участия.

Коммуникативные риски связаны с медицинскими и социальными причинами. Эти препятствия вызваны как внутренними, так и внешними факторами. Во-первых, медицинские и физические ограничения, связанные с сенсорными, двигательными и прочими нарушениями, затрудняют взаимодействие и коммуникацию, ограничивают студента с нарушениями в возможности воспринимать и/или выражать свои мысли. Во-вторых, когнитивные нарушения проявляются в понимании сложных конструкций, в построении логических линий. Дополняют все это психоэмоциональные риски. Это проявляется в депрессии, страхе, неуверенности, изоляции, связанных с инвалидностью. Культурные и языковые различия

вызывают затруднения в общении между особыми студентами и другими участниками образовательного процесса.

При преодолении коммуникативных барьеров студенты испытывают психологическую нагрузку. Социально-психологические риски связаны с формированием идентичности и межличностными отношениями. Студенты с особыми потребностями подвержены стигматизации.

Целью нашего исследования является анализ проблем и рисков в обучении студентов с нарушением слуха в системе профессионального образования. Для реализации поставленной цели поводилось исследование среди студентов с нарушением слуха различных курсов и форм обучения краснодарских вузов. Стоит отметить, что студенты поступили в учебные заведения как на льготных, так и на общих условиях. Главным критерием отбора респондентов служило то, что они причисляют себя к обществу слышащих и глухих, нарушение слуха скорректировано с помощью кохлеарных систем слухопротезирования и слуховыми аппаратами, сформированная в разной степени речь. Такой отбор респондентов обусловлен тем, что данная группа максимально включена в инклюзивное образовательное пространство, но при этом сталкивающееся с рисками и проблемами при получении профессионального образования ввиду особенностей.

Последние годы наблюдается рост числа студентов с инвалидностью в системе профессионального образования. Обучающиеся с нарушениями слуха – особая категория студентов. Нарушение слуха – это не просто количественное снижение возможности слухового восприятия, а качественные необратимые стойкие изменения слуховой системы. В учебном процессе у них часто возникают трудности, обусловленные спецификой их психофизического развития.

Каждый студент с нарушением слуха уникален, и его потребности в образовательном процессе могут существенно отличаться, поэтому необходимо учитывать индивидуализированные особенности заболевания и личность обучающегося, что является ключевым принципом успешного обучения и включения в образовательный процесс.

Потеря слуха конструирует барьеры, приводящие к эксклюзии и ограничению доступа к ключевым видам

социального капитала. Это выражается в затруднениях при усвоении культурного капитала, ограничениях в социальной и трудовой деятельности, оказывает влияние на формирование габитуса и личностной идентичности.

Студенты с нарушением слуха в условиях инклюзивного образования сталкиваются с различными институциональными рисками и проблемами, например, с рисками формальной инклюзии. Сегодня студенты с инвалидностью формально внедрены в инклюзивный образовательный процесс, но при этом не учитывается их индивидуальность и возможности, специфика образовательного учреждения и выбранной специальности. Студентам с нарушением слуха должны системно предоставляться услуги по сурдопереводу, но ввиду того, что университетов, реализующих такую услугу, единицы, можно говорить о декларируемой инклюзии, не подкрепленной реальными механизмами.

Да, в университете есть сурдопедагог, но он не может присутствовать на занятиях. Воспользоваться можно только при сдаче материала…

В нашем заведении отсутствует сурдопедагоги… сами справляемся... прошу помощи у одногруппников…

Таким образом, имеются структурные трудности в образовательных учреждениях. Штатная единица «сурдологопед» или «сурдопедагог» (имеющий квалификацию для оказания помощи при необходимости) в структуре вуза отсутствует практически везде, т.к. вузы не являются «целиком инклюзивными» в отношении лиц с нарушением слуха, а наличие такого специалиста возможно только в специализированных учебных заведениях.

Студенту с тугоухостью сложно взаимодействовать и вступать в активную коммуникацию, адекватно воспринимать, перерабатывать и воспроизводить информацию ввиду своего нарушения. Все это дополняют особенности внимания и памяти, процесса мышления.

Много не могу разобрать на лекциях, хоть и сижу на первой парте… С презентацией намного лучше воспринимаю материал… Ребята помогают на занятиях… иногда мне кажется, что тупой…

Например, обучающиеся, закончившие интернатные учреждения с трудом воспринимают материал, не подкрепленный синхронным переводом на язык жестов, а обучающимся из общеобразовательных школ требуется подавать материал в замедленном темпе плюс с использованием визуализации.

Еще можно выделить такие риски, как неуверенность в себе, гипертрофированная зависимость от близких, неадекватная самооценка, неспособность наладить отношения с «другими» людьми. Все это приводит к формированию самостигматизации.

Я не хочу общаться с другими в группе… сложно говорить… плохо разбираю речь…

Я как связующее звено между глухими и слышащими ребята, сам учился в обычной школе, для меня это привычно…

Таким образом, можем отметить, что у студентов возникают сложности с адаптацией к новым условиям, в стремлении к общению с себе подобными.

У студентов (и их родителей) также существуют риски нарастания социального иждивенчества на ментальном и поведенческом уровне. Например, формирование стереотипа «инвалиду можно всё», злоупотребление правами и привилегиями, формирование потребительского отношения.

Итак, инклюзивное образование представляет сложный социокультурный феномен. Данные свидетельствуют, что студенты с нарушением слуха сталкиваются с системными рисками и проблемами, препятствующих полноценному включению их в образовательное пространство.

Эффективность инклюзивного профессионального образования для студентов с нарушением слуха остается декларативной в условиях отсутствия персонифицированного подхода к образовательной траектории с учетом ресурсов и особенностей студента, несформированной инклюзивной культуры.

Список источников

1. Волосникова Л.М., Ефимова Г.З., Огороднова О.В. Риски образовательной инклюзии: опыт регионального исследования Тюменского государственного университета // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 1. С. 98–105.

2. Зиневич О.В., Дегтярева В.В., Дегтярева Т.Н. Инклюзивное образование в российской высшей школе: современные вызовы // Власть. 2016. Т. 24. № 5. С. 61–67.

3. Усова Л.В. Инклюзивное пространство: доступная среда в системе образования // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность: Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 октября 2019 года / гл. ред. С.В. Алехина. М.: Моск. гос. психол.-пед. ун-т, 2019. С. 472–475.

4. Хуснутдинова М.Р. Риски инклюзивного образования // Образование и наука. 2017. Т. 19 № 3. С. 26–45. EDN: YIPVSX.

5. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Зайцев Д.В., Наберушкина Э.К. Политика в сфере высшего образования инвалидов // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 1. С. 91–114.

Н. Л. Фадеева, А. А. Комаров

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРОДЕ ПЕТРОЗАВОДСКЕ

Аннотация. Безопасность семьи выступает фактором успешности реализации ею определенных функций, в том числе репродуктивной. При существующей тенденции к снижению естественного прироста населения России качество жизни семьи стоит как наиболее приоритетная задача государственных и общественных отношений. Целью работы становится определение существующих рисков у современных семей Петрозаводска через анализ имеющихся у них потребностей и использованных мер социальной поддержки. Важнейшие потребности семей отличаются в зависимости от отношения к группе риска: для льготной категории это потребности в достойной работе с хорошей заработной платой, а среди прочих – потребности в отдыхе и путешествиях. Установлено, что семьи разных категорий стремятся использовать материнский капитал в качестве инструмента для удовлетворения потребности в жилье и его благоустройстве.

Ключевые слова: семейная политика, меры поддержки семей, современная семья, материнский капитал, безопасность семей

N. L. Fadeeva, A. A. Komarov

SOCIAL MEASURES SUPPORTING FAMILIES AS A FACTOR OF DEMOGRAPHIC SECURITY: ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN PETROZAVODSK

Abstract. The safety of the family is a factor in the success of certain functions, including reproductive. With the current trend of declining natural population growth in Russia, the quality of family life is the highest priority for state and public relations. The goal of the work is to identify existing risks in modern families of Petrozavodsk through analysis of their needs and social support measures used. The most important needs of families differ according to their attitude towards the risk group: for the privileged category, it is the need for decent work with a good wage, and among others - the need for rest and travel. It has been found that families of different categories tend to use maternal capital as a tool for meeting the need for housing and its improvement.

Keywords: family policy, family support measures, modern family, maternal capital, family safety

Введение. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что современная социальная политика направлена на решение демографической проблемы и улучшения качества жизни семей. Подтверждением тому является заявление президента от 20 декабря 2024 года о необходимости отведения семье центральной роли в государственной политике России [7].

Здесь следует отметить весьма частое упоминании важности направления в политическом дискурсе, однако помимо этого момента, необходимо подчеркнуть и существование большого количества реализуемых мер материальной и нематериальной поддержки российских семей. Среди последних возможно выделить такие мероприятия как пропаганда традиционных ценностей, а также нематериальные меры непосредственной поддержки семей (льготы, отпуска, выходные дни и т.д.). Материальные меры характеризуются поддержкой семьи при помощи реализации финансовых и непрямых финансовых действий.

В рамках семейной политики отмечается также многочисленное количество проблемных зон, одной из которых является отношение к вопросу об эффективности мер поддержки.

Мы можем говорить о существовании двух позиций. С одной стороны, авторы говорят о том, что меры поддержки оказывают эффективность, но имеют ряд недостатков. Среди таковых могут считаться Ю.Р. Хайруллина, Т.В. Жигитова, Р.Р. Хайруллин [5], О.В. Синявская [4] и А.Ф. Валидова [2]. Другая часть ученых говорит об отсутствии высокой эффективности мер поддержки по различным причинам, к этой группе можно причислить таких ученых, как Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Безвербная [3], А.И. Антонов [1].

С нашей точки зрения следует придерживаться системной оценки семейной политики, что в свою очередь говорит о необходимости рассмотрения мер семейной поддержки в качестве одного из факторов сохранения безопасности и защищенности семей.

В рамках данной работы мы рассмотрим существующие потребности семей Петрозаводска как фактор безопасности семей, а также обратимся к существующим возможностям их удовлетворения посредством мер поддержки.

Методология исследования. С целью реализации научной работы весной 2025 года был проведен опрос 196 семей города Петрозаводска. Методом исследования выступил Интернет-опрос.

В качестве объекта исследования выступили семьи, проживающие в городе Петрозаводске, в составе которых есть хотя бы один ребёнок младше 18 лет или старше на иждивении.

Цель исследования – определить существующие риски у современной семьи города Петрозаводска через анализ имеющихся у них потребностей и использованных мер поддержки.

Задачи исследования:

1) сравнить разные категории семьи по существующим у них потребностям в мерах поддержки, предлагаемых государством;

2) определить наиболее значимые меры поддержки для семей;

3) сравнить отношение семей разных категорий к проводимой государством семейной политике.

Гипотезы исследования:

1) семьи, относящиеся к разным категориям, имеют неодинаковые потребности, связанные с улучшением их качества жизни;

2) более половины опрошенных семей используют материнский капитал для решения жилищной проблемы;

3) наиболее популярными среди желаемых статей расходов материнского капитала являются те, которые направленны на решение жилищных проблем.

Результаты исследования. В ходе исследования нами были определены несколько основных типов семей, среди которых наибольшее число составляют семьи, которые не причисляют себя ни к одной льготной категории (рис. 1). Наименее ярко выражены категории приемных семей и семей с ребенком-инвалидом, что, как мы предполагаем, связано со специфичностью семей данного типа.

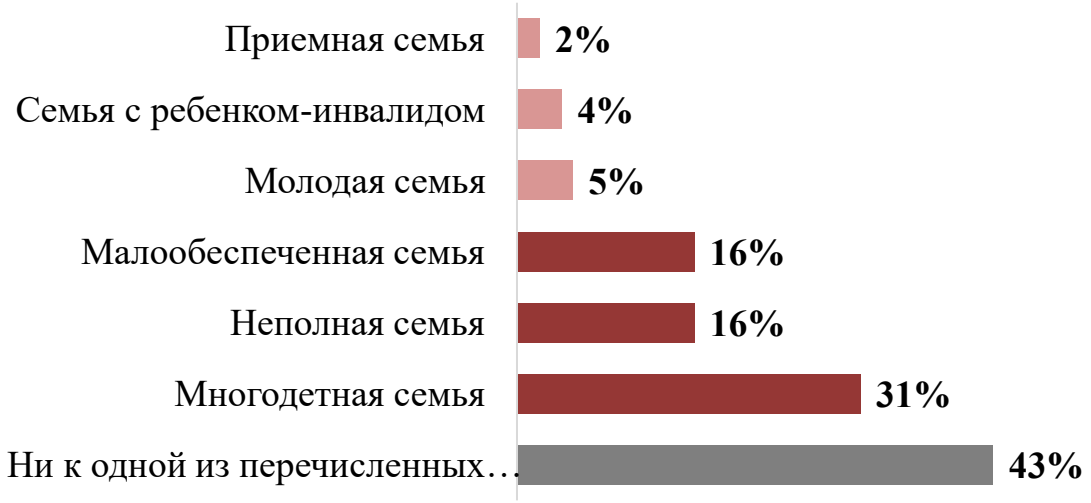

Рис. 1 – Распределение ответов на вопрос: «Относится ли Ваша семья к каким-либо из следующих категорий?» (в % от n=196)

На основании представленных на диаграмме данных, семьи были разделены на две группы: первые относятся к группе социального риска, их мы будем называть «льготными семьями»; вторые не соответствуют формальным требованиям, то есть не причислены ни к одной из льготных категорий. Таким образом, число «льготников» в выборочной совокупности составило 53%, а не относящихся к льготной категории – 43%.

Стоит, однако, отметить, что семьи, относящиеся к категории неполных, не являются в формальном смысле категорией, получающей льготы и меры поддержки в рамках семейной политики, однако нами они были также отнесены к тем семьям, которые мы называем льготными. Причиной тому является попытка государства защитить эти семьи об этих семьях государством, в том числе реализуя специфические меры поддержки, например, ограничение на увольнение сотрудников, которые в одиночку воспитывают детей в возрасте до 16 лет, установленный Трудовым кодексом РФ [9].

Рассматривая различия потребностей семей, определенных нами в льготную категорию, и семей к ней не относящихся, мы видим как сходства, так и различия (рис. 2). Говоря о сходствах, следует отметить большую важность потребности в возможностях для отдыха и путешествий – 60% и 45%, в хорошей работе с достойным заработком – 44% и 57%, в улучшении жилищных условий – 36% и 41%. Как мы видим, сходства есть в выраженности важности этих потребностей как по отдельности в этих группах, так и в целом среди всех опрошенных.

Разница данных заключается в случае рассмотрения всех показателей, не ограничиваясь наиболее выраженными. Здесь видно, что у группы льготников значительно менее выражена потребность в возможностях для отдыха и путешествиях, но более чем в два раза выражена потребность в социальных пособиях и льготах.

В отличии от серьезных различий между льготниками и не льготниками в вопросе удовлетворения наиболее ярко выраженных потребностей серьёзных отличий в отношении к семейной политике, проводимой государством, не обнаруживается. Среди опрошенных обеих категорий наибольшее число оценивает политику как стремящуюся помочь семьям, но не самую эффективную: 51% и 49% соответственно.

Около половины опрошенных говорят, что государство старается помочь семьям, но есть недостатки в этой политике, что говорит о том, что семейная политика скорее эффективна, нежели бесполезна. Однако «скорее не эффективна» говорят среди льготников на 13% больше опрошенных, нежели среди не относящихся к категории риска.

Рис. 2 – Распределение ответов на вопрос: «Каких изменений не хватает для улучшения благополучия Вашей семьи?» (в % от n=196)

Мы можем говорить, что наличие самого опыта получения мер и нахождение в ситуации использования мер поддержки может быть одним из факторов, создающих более усредненный взгляд на проводимую семейную политику, так как позволяет понять её эмпирически. Другим предположением является обращение внимания на два аспекта. Меры поддержки, удовлетворяющие потребности льготных семей, во-первых, фактически, а, во-вторых, психологически делают получателя более склонным к лояльному отношению к проводимой семейной политике, при том, в первом случае эта лояльность формируется за счет получения реальной, эффективной, удовлетворяющей потребности помощи.

Материнский капитал и потребности семей. Предложенное нами разделение показывает наличие значимой разницы между семьями. Однако вопрос безопасности семьи поднимается при рассмотрении данных о статьях расхода полученных мер поддержки и пожеланий по созданию новых. По данным, полученным в результате проведения опроса, наиболее известной мерой поддержки является материнский капитал: о ней информированы две трети семей, а оставшаяся треть смогла воспользоваться мерой поддержки. Ввиду высокой информированности, а также комплексности меры, мы обратимся

к расходам материнского капитала и желаемых статей расходов по нему.

Наибольшее распространение среди статей расходов материнского капитала получила статья, направленная на улучшение условий жилья (рис. 3). Использование материнского капитала на первый взнос по ипотеке, занимающая второе место в рейтинге самых частых расходов, является как бы дополняющей или связанной с улучшением условий жилья.

Таким образом, мы констатируем, что более 80% всех трат материнского капитала вызвано стремлением к повышению качества жилищных условий, что, скорее всего, приравнивается именно к приобретению собственного жилья или стремлением к его улучшению.

Рис. 3. – Распределение ответов на вопрос: «Если Ваша семья получила «Материнский капитал», на что Вы его потратили или собираетесь потратить?» (в % от n=196)

Каждая десятая семья потратила материнский капитал на образование ребенка/детей. Чаще всего данную статью расходов материнского капитала используют семьи, проживающие в квартире/жилом доме в собственности, выплачивающие

ипотечный кредит (44%). Другие семьи, можно предположить, используют данную статью, считая её более лучшей стратегией, способной в будущем повысить шансы на жизненную реализацию детей респондентов.

Респонденты, потратившие материнский капитал на ежемесячную выплату, характеризуются наличием жилья в собственности, что также, как и в случае с образованием, может говорить об удовлетворении потребности в жилье. Однако есть и 12%, проживающих в съемном жилье, что, возможно, связано с выбором стратегии использования средств в сиюминутный момент, так как большие ресурсы для приобретения жилья отсутствуют.

Отдельно следует рассмотреть жилищный вопрос у респондентов, не получавших материнский капитал: это каждая четвертая семья в выборке. Указанные семьи возможно разделить на две группы, где к первой относятся те, кто уже решил жилищную проблему и проживает в собственном жилье (33%), а ко второй – семьи, находящиеся в процессе её решения, проживающие в жилье в собственности и выплачивающие за него ипотеку (44%). Остальные проживают в съёмном, жилье находящимся в собственности родственников или выбрали вариант ответа «другое», где говорят о наличии лишь части жилья в собственности.

Таким образом, мы можем говорить о примерно одинаковом положении и потребности в жилье тех, кто получил материнский капитал и тех, кто не смог им воспользоваться.

В исследовании также уделялось внимание тем, кто не получал материнский капитал с точки зрения возможных причин. Стоит отметить, что последние не дают возможности утверждать, что они помешали воспользоваться именно материнским капиталом, так как вопрос о них задавался в отношении всех мер поддержки, однако дают возможность говорить о наиболее возможных сложностях неполучения меры.

Среди опрошенных почти половина семей не прошли по правилам получения поддержки, а для каждой третьей семьи меры были введены слишком поздно, когда семья уже вышла из льготной категории. Подчеркнем, что отсутствие помощи не говорит об отсутствии необходимости в ней, так как, по

полученным в ходе опроса данным, 33% семей опрошенных обладают низким уровнем материального положения, характеризующимся уровнем дохода на одного члена домохозяйства одному или ниже прожиточному минимуму, то есть ниже 19 684 рублей [7].

В рамках исследования респондентам был задан вопрос о том, какие статьи расходов материнского капитала были бы полезны для их семей. Предполагая, что респонденты выберут варианты ответа, характерные их потребностям (рис. 4). Из этой логики, семьи более всего нуждаются в ремонте дома и/или жилого помещения (43%), а также его благоустройстве, а именно водо- и газоснабжении, проведении канализации (31%). Как мы видим, жилищная проблема имеет яркую выраженность на всех стадиях: от вопроса приобретения жилья, выплаты за него ипотечного кредита, до его ремонта и проведения инфраструктуры первой необходимости. В дополнение 26% ответов составила потребность в приобретении земельного участка, что теоретически коррелирует с жилищной проблемой, в случае если участок приобретается с целью строительства жилого дома, но может быть связано с получением от земли продовольственных ресурсов.

Однако наравне с проблемой жилья выступает потребность в приобретении автомобиля (41%). Республика Карелия, в частности город Петрозаводск, характеризуется самым высоким уровнем автомобилизации - наличием в составе домохозяйств, как правило, большего числа автомобилей, нежели в домохозяйствах других регионов [8]. С точки зрения нашего исследовательского взгляда, общая тенденция к большом число средств передвижения связано со спецификой региона, относительной удаленностью населенных пунктов, что создаёт потребность семей в приобретении автомобиля практически наравне с потребностью ремонта дома, жилого помещения.

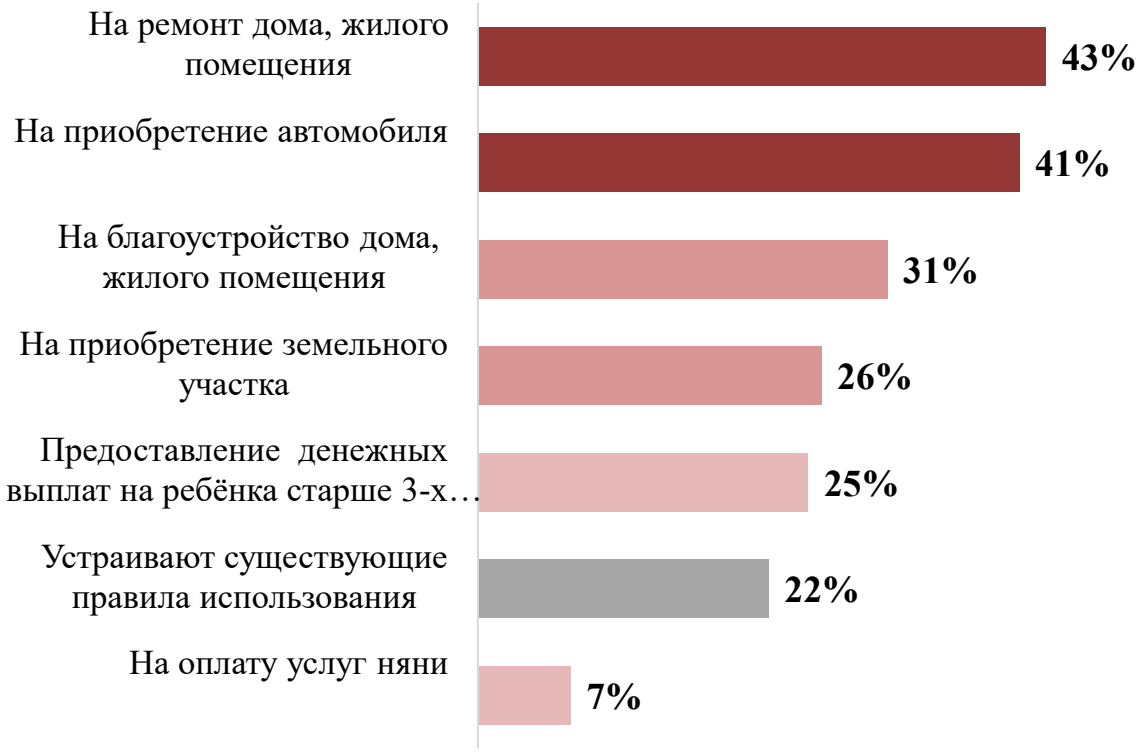

Рис. 4 – Распределение ответов на вопрос: «Какие статьи расходов «Материнского капитала», которые отсутствуют сейчас, были бы полезны для Вашей семьи?» (в % от n=196)

Четверть респондентов говорят о необходимости предоставления ежемесячных выплат на ребёнка, что также сочетается со стратегией использования средств в настоящий момент, отсутствии средств на благоустройство жилья или обслуживания автомобиля.

Заключение. Рассмотрев результаты исследования, следует обратиться к проверке гипотез, поставленных в начале нашей работы.

Первая гипотеза исследования подтверждена: между обозначенной нами льготной группой и не относящейся к ней существует разница в их неудовлетворенных потребностях. Среди респондентов льготной группы менее выражены потребности в отдыхе и путешествиях, но значительно больше выражены потребности в хорошей работе с достойным заработком и потребности в социальных пособиях.

Вторую гипотезу исследования возможно считать также подтвержденной: более 80% респондентов воспользовались материнским капиталом для решения жилищной проблемы. Среди

использованных статей расходов материнского капитала наиболее актуальными стали улучшение условий жилья и первый взнос по ипотечному кредиту.

Ответы респондентов на вопрос о расходных статьях материнского капитала, отсутствующих в данный момент, позволяют говорить о подтверждении третей гипотезы. Большая часть респондентов выразили мнение о полезности мер, направленных на ремонт жилого помещения, а также его благоустройство.

Основные результаты исследования показывают, что практически все респонденты в той или иной степени находится в группе риска при рассмотрении жилищной проблемы. Респонденты тратят полученные меры поддержки на её решение, но недостаток полученной помощи отражается в предложениях по введению новых статей расходов, направленных также на её решение. Вопрос о жилье поднимается на уровне первичного анализа статистических данных, при котором становится очевидным, что более половины семей проживают в жилье не являющимся их собственностью, а если и является, то нуждаются в его улучшении.

Главным выводом нашего исследования является обозначение жилищного вопроса как наиболее перспективного в дальнейшем продвижении семейной политики. Таким образом, потребность в жилье является одной из базовых, а значит без реализации, которой вряд ли возможен тот прирост в деторождении, ожидаемый государством.

Данные статистики показывают отсутствие качественных и значимых количественных изменений в демографическом положении при том факте, что работа в сфере семейной политики длиться чуть менее 20 лет. При этом большую часть прошедшего времени, а обращаясь к некоторым источникам до сих пор, было принято считать, что улучшение жизни семей способствует повышению естественного прироста населения. В случае, если мы опираемся на этот же взгляд, следует говорить о необходимости решения жилищной проблемы в качестве первостепенной для безопасности семей.

Список источников

1. Антонов А.И. Цели активной семейно-демографической политики в связи с тенденциями динамики населения в РФ / А.И. Антонов //Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Том 211. №3. С. 264–274. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/137967195/ (дата обращения: 05.10.2024).

2. Валидова, А. Ф. Влияние "материнского капитала" на рождаемость по данным российских обследований домохозяйств / А. Ф. Валидова // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития : Сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах, Екатеринбург, 08–09 июня 2018 года / Институт экономики УрО РАН. Том 1. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2018. С. 506–513. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/68278/1/978-5-94646-613-4_2018-1-49.pdf (дата обращения: 05.10.2024).

3. Ростовская, Т.К. Состояние и перспективы семейной политики в России: социально-демографический анализ / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Безвербная // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 209–227. DOI 10.15838/esc.2019.6.66.12. EDN JSISYV.

4. Семья в центре социально-демографической политики?: сборник аналитических статей / Независимый ин-т социальной политики; отв. ред. О. В. Синявская. М.: Независимый ин-т социальной политики, 2009. 191 с.

5. Хайруллина, Ю.Р. Материнский капитал. Инвестиции в будущее или социальное пособие / Ю.Р. Хайруллина, Т.В. Жигитова, Р.Р. Хайруллин // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 270–274. EDN ULQZJX.

6. Семья должна занимать центральную роль в госполитике России – Путин // Информационный портал «РИА Новости» [электронный ресурс]. 20.12.2024. URL: https://crimea.ria.ru/20241220/semya-dolzhna-zanimat-tsentralnuyu-rol-v-gospolitike-rossii--putin-1142801450.html (дата обращения: 2.06.2025).

7. Постановление Правительства Республики Карелия от 30 августа 2024 года № 270-П «Об увеличении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения по Республики Карелия на 2025 год» // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс]. 02.09.2024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/1000202409020004 (дата обращения: 12.06.2025).

8. Карелия стала регионом с самым высоким уровнем автомобилизации в России // Новостной портал «РБК» [электронный ресурс]. 23.04.2024. URL: https://karelia.rbc.ru/karelia/23/04/2024/66277e1a9a79475f6c786633 (дата обращения: 2.06.2025).

9. Федеральный закон от 14.02.2024 №12-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс]. 14.02.2024. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402140005?index=1 (дата обращения: 12.06.2025).

Л. П. Федоренко

РИСКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье анализируются основные функции института образования и делается вывод о том, что в настоящее время государство создает условия для их успешного выполнения. Результаты государственной образовательной политики начинают проявляться в функциях обучения, воспитания и социализации. При этом качество выполнения функции социальной селекции пока еще создает риск заполнения профессиональных ячеек общества специалистами, не мотивированными на эффективную работу своего социального института.

Ключевые слова: образовательная среда, риск, безопасность, обучение, воспитание, социализация, социальная селекция.

L. P. Fedorenko

RISKS OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A THREAT TO SOCIETY'S SECURITY

Abstract. The article analyzes the main functions of the institution of education and concludes that the state currently creates conditions for their successful implementation. The results of the state educational policy are beginning to manifest themselves in the functions of training, upbringing, and socialization. At the same time, the quality of the function of social selection still poses a risk of filling the professional cells of society with specialists who are not motivated to work effectively in their social institution.

Keywords: Educational environment, risk, safety, training, upbringing, socialization, social selection.

Роль образования в безопасности общества сегодня практически никем не оспаривается. Крылатая фраза немецкого профессора географии Оскара Пешеля о роли учителя в достижении воинской победы во франко-прусской войне 1870–1871 годов хорошо описывает стратегическое значение

института образования для любого общества в любой исторический период. Риски, возникающие в сфере образования неизбежно отражаются на всей социальной системе.

Риск имеет множество толкований, как общепринятых, так и различающихся в зависимости от сферы использования этого термина. Если обобщить определения риска, не привязанные к конкретному виду деятельности, то получим следующий спектр значений этого понятия:

– вероятность наступления неблагоприятных событий и их последствий;

– событие, способное принести кому-либо ущерб;

– ситуация, имеющая неопределенность исхода при наличии неблагоприятных последствий;

– количественная оценка опасностей, определяемая как частота одного события при наступлении другого;

– событие, которое в случае возникновения имеет позитивное или негативное воздействие на объект;

– вероятность возможной нежелательной потери чего-либо;

– вероятность выхода опасного фактора из-под контроля [1].

Все эти определения близки по своей сути, но в дальнейшем анализе рисков образовательной среды будем опираться на определение риска как вероятности возможной нежелательной потери чего-либо, а именно – потери должного качества результатов деятельности образования как социального института.

Институт образования призван выполнять для общества ряд важнейших функций, среди которых обучающая, воспитательная, социализационная и селекционная. Остановимся на анализе указанных функций. Хотя у образования есть и другие обязанности перед обществом, но, на наш взгляд, риски в выполнении перечисленных видов деятельности наиболее опасны.

Если безопасность общества понимать как отсутствие опасности, то для оценки угрозы безопасности общества со стороны образовательной среды, необходимо выяснить, какую опасность создает не выполнение каждой функции образования.

Обучающая функция состоит в передаче опыта новым поколениям. В случае успешного выполнения этой функции качество полученных знаний гарантирует высокий уровень

профессионализма во всех видах деятельности. Фактически качество знаний лежит в основе успешной деятельности любого социального института. Если же образование выполняет обучающую функцию недостаточно хорошо, то возникает угроза безопасности общества во всех жизненно важных сферах из-за отсутствия профессионалов в экономике, в медицине, в армии и т.д.. На сегодняшний день оценка рисков, связанных с утратой качества знаний, вселяет некоторый оптимизм, поскольку эксперты фиксируют увеличение этого показателя. Так, например, Министерство просвещения сообщает о стабильном росте результатов ЕГЭ [2]. Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» указывает на положительную динамику читательской, математической и естественно-научной грамотности обучающихся [3].

В ходе реализации воспитательной функции образование выполняет социальный заказ на формирование базовых личностных качеств. Сегодня образование должно ответить на государственный запрос по воспитанию патриотизма, гражданственности, милосердия, трудолюбия и коллективизма [4]. По данным мониторингового опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2024 года уровень патриотизма россиян достиг максимума за последнюю четверть века наблюдений: на сегодняшний день патриотами себя считают 94% наших сограждан. Отмечается, что чувство патриотизма примерно в равной степени разделяют молодежь и представители старшего поколения (87% в группе 18-24 лет и 94% среди 60+). При этом зафиксированы два всплеска патриотизма — в период воссоединения Крыма с Россией в 2014 году и с началом специальной военной операции в 2022 г. [5]. Вероятно, объясняется такой прирост патриотизма не столько эффективностью воспитательных мероприятий в образовательной среде, сколько эмоциональным потенциалом самих политических событий. Тем не менее, в образовательной среде очевидно увеличение объемов воспитательной работы по формированию патриотизма.

Функция социализации предполагает деятельность, направленную на помощь в усвоении норм и ценностей того общества, в котором формируется личность. Собственно, этот

процесс осуществляется с помощью обучения и воспитания, но есть и другие инструменты социализации. Например, идентификация, то есть отожествление себя с желаемым образцом, зачастую бывает более эффективным инструментом, чем воспитание. Самостоятельное критическое осмысление социальной реальности так же позволяет личности делать выводы о том, на какие ценности и нормы ориентироваться в дальнейшей жизни. Поэтому конструирование такой реальности агентами социализации имеет большое значение для успеха социализации, то есть, для соответствия социализационной норме.

Социализационная норма определяется, как результат успешной социализации, позволяющий воспроизводить ценности данного общества и обеспечивать их дальнейшее развитие; как многомерный эталон социализированности личности с учетом его возраста и индивидуально-психологических особенностей; и как устоявшаяся в обществе совокупность правил передачи социальных норм и ценностей от поколения к поколению [6]. Образовательная среда насыщена разными агентами социализации, среди которых и те, кто не ориентирован на социализационную норму. Например, друзья и одноклассники, как стихийные агенты социализации, могут содействовать приобщению к курению, в то время как институализированные агенты, то есть, педагоги стремятся передать ценность здоровья и нормы здорового образа жизни. Можно сказать, что риски в усвоении социальных норм и ценностей в образовательной среде исходят со стороны стихийных агентов социализации. За рамками образовательной среды этот риск подкрепляется неконтролируемым интернетом и другими агентами. Тем не менее, традиционные ценности не чужды современной молодежи. Так, например, ценность семьи подтверждается исследованием ВЦИОМ, проведенном в январе 2024 года, согласно которому вариант «одной из важнейших целей для человека является создание семьи» среди молодежи 18-34 лет указали 70-77% респондентов [7].

Функция социальной селекции представляет собой «…своего рода «сито», которое просеивает индивидов и определяет им то, или иное место в обществе. Основная цель этого контроля – распределить индивидов в соответствии с их талантами и

возможностями успешного выполнения своих социальных функций. Если они неправильно распределены, то они плохо выполняют свою социальную роль, а в результате страдает все общество: оно дезинтегрируется» [8, с. 405]. Институт образования в рамках выполнения этой функции на уровне средней школы предоставляет возможность обрести опыт в различных видах деятельности с помощью кружков по интересам. В профессиональном образовании фильтрация осуществляется оценкой знаний: неудовлетворительные оценки не допускают некомпетентных лиц к профессиональной деятельности. Но для качественной фильтрации этих средств недостаточно, поэтому в средней школе они дополняются профессиональной ориентацией. Оценивая выполнение функции социальной селекции, Министерство просвещения РФ в Методических рекомендациях по организации профориентационной работы, ссылаясь на первые результаты проекта по профессиональной ориентации «Билет в будущее» отмечает, что «…в 2018-2020 гг., при выборе профессии большинство обучающихся 6-11 классов российских школ демонстрируют неосознанную некомпетентность – т.е. проявляют довольно низкую осведомленность о современном мире профессий и системе среднего профессионального образования (СПО) или ВО при невысоком уровне мотивации к выбору и освоению инструментов выбора» [9]. Таким образом сформировался риск получения низкого уровня компетентности специалистов во всех сферах общества не из-за плохого качества обучения, а из-за ошибки в выборе профессии, которая объясняет низкую мотивацию к обучению. Нейтрализовать этот риск призвана разработанная Министерством просвещения России и внедренная с 1 сентября 2023 г. во всех школах страны единая модель профориентационной деятельности (профминимум) для обучающиеся 6–11-х классов, включая детей с ОВЗ и инвалидностью [10].

Анализ основных функций образования позволяет сделать вывод о том, что в современной ситуации государство принимает меры для минимизации рисков образовательной среды. Результаты государственной образовательной политики начинают проявляться в функциях обучения, воспитания и социализации. При этом качество выполнения функции социальной селекции

пока еще создает риск заполнения профессиональных ячеек общества специалистами, не мотивированными на эффективную работу своего социального института и, тем самым, создающими угрозу безопасности общества.

Список источников

1. Курбатов В.И. Управление социальными рисками: учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2009. 80 с. ISBN 978-5-9275-0576-0. URL: https://znanium.com/catalog/product/555563 (дата обращения: 03.07.2025).

2. Подведены итоги ЕГЭ по истории. URL: https://edu.gov.ru/press/9966/podvedeny-itogi-ege-po-istorii?ysclid=mcrwlmr1mx809519798 (дата обращения: 12.07.2025).

3. Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О. А. Зорина и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 01.07.2025).

5. О современном российском патриотизме. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme?ysclid=mcx61ibvu7181659033 (дата обращения: 01.07.2025).

6. Ковалева А.И. Социализационная норма в современном российском обществе: Автореферат дис. д.с.н. М., 1997.

7. Семья как ценность. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost?ysclid=mcxaim82if693549680 (дата обращения: 01.07.2025).

8. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

2. Методические рекомендации по реализации профориентационного минимума в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих образовательные программы основного общего и среднего общего образования. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b1115a4a3b99035313abf9a3cf66c949/ (дата обращения: 01.07.2025).

3. Профориентация. URL: https://edu.gov.ru/career_guidance?ysclid=mcxeei9yjm709634188 (дата обращения: 01.07.2025).

Е. Д. Хомченко
Научный руководитель В. Н. Ракачев

РИСКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние глобальных и локальных рисков на уровень социальной идентичности общества и индивида в современном мире. Выделяются экологические, социально-экономические и геополитические угрозы, глобальные эпидемии, а также локальные конфликты, преступность и миграция. Также выведены классификации рисков для формирования понимания изменения социальной идентичности.

Ключевые слова: социальная идентичность, риск, глобальные риски, локальные риски, Россия, рискогенные факторы, безопасность.

E. D. Khomchenko
Scientific supervisor V. N. Rakachev

CONTEMPORARY SOCIETY'S RISKS AND THEIR EFFECT ON SOCIAL IDENTITY

Abstract. The article explores the influence of global and local risks on the level of social identity of society and the individual in today's world. The study identifies various threats, including environmental, socio-economic, and geopolitical challenges, as well as global epidemics, local conflicts, crime, and migration issues. Additionally, risk classifications are introduced to enhance the understanding of how social identity evolves.

Keywords: social identity, risk, global risks, local risks, Russia, risk factors, security

Изучение специфики современного общества достаточно трудоёмкий процесс, с учётом существования большого количества концепций, выдвинутых учёными новейшего времени. Множество социологов, психологов и философов находятся в поиске более правильного подхода в изучении современного человека, его отличия от предшествующих поколений. Можно выделить как минимум девять подходов к определению современного общества: постиндустриальное, информационное, надиндустриальное, электронное, программируемое, телепатическое, цивилизационное, постмодернистское, рискогенное [1]. Каждая концепция имеет полное право на

существование для расширения методологии изучения человека и масс в разных условиях, но в контексте данной статьи мы рассмотрим именно рискогенный подход в изучении современного общества и его влияния на социальную идентичность.

Современное общество нередко сталкивается с различными глобальными и локальными ситуациями, влекущими за собой множество последствий для общества и самого человека. Рискогенный фактор никогда не был настолько разнообразен, как сейчас, этому поспособствовало общее человеческое развитие в разных направлениях, о чём свидетельствуют учёные Н. Луман, первым определивший «риск» в контексте важнейшего фактора изучения современной социальной структуры развития общества; У. Бек, сформулировавший основную концепцию «общества риска»; Э. Гидденс, определивший рефлексированный подход к «обществу риска» в условиях изучения резкой изменчивости социальной идентичности.

В формате концепции У. Бека рассматривается переход общества с аналитического мышления на прогнозируемое. «Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место – как причина нынешней жизни и деятельности – приходит будущее, т.е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное…» [2]. Изучение специфики современного общества, в контексте концепции «общества риска», является основополагающим фактором для понимания общей картины происходящего в мире.

Подход Э. Гидденса в контексте концепции У. Бека основывается на системном и динамическом анализе социальных процессов, связанных с возникновением и распространением новых видов рисков, обусловленных техническим прогрессом, глобализацией и социальными трансформациями. Гидденс выделяет понятие «среда риска», которая включает технологические, экономические, социальные и информационно-ментальные уровни, взаимосвязанные между собой. В его концепции риски рассматриваются не только как внешние угрозы, но и как продукт социального конструирования, связанные с индустриализацией и глобализацией, которые разрывают границы личностной ментальности и создают условия для возникновения угрозы самоуничтожения индивида и общества в целом [3].

Одним из следствий перехода от аналитического к прогнозируемому мышлению общества является изменение общего положения социальной идентичности общества и человека. Если ранее изменения в социальной идентичности происходили достаточно редко, то сейчас человек формирует своё мировоззрение, опираясь исключительно на постоянную изменчивость положения дел. Постоянные риски делают общество более эластичным в восприятии резких перемен.

Классификация рискообразующих факторов включает в себя прямое и косвенное воздействие на уровень риска. Рискообразующие факторы могут быть неповторимы, и относится только к определённым рискам, и на другие вовсе никак не влиять [4]. Таковыми являются «локальные риски», появляющиеся в формате конкретной ситуации в обществе и группе. Противовес «локальным» составляют «глобальные риски» (экологические угрозы, глобальные эпидемии, техногенные катастрофы, геополитическую нестабильность и т.д.), возникающие на основе фундаментальных политических, экономических, духовных и социальных институтов. На основе этой структуры Э. Гидденс вводит понятие «дисконнекция» (от англ. *disconnection* – разъединение, отделение, разрыв связи), определяющая переход социальных связей из локального в глобальный уровень, и наоборот. При этом он рассматривает социальную идентичность как динамический и рефлексивный процесс [5].

Также Гидденс вводит ещё одну структуру, разделяющую риски на управляемые (обдуманные, просчитанные) и неуправляемые (непредсказуемые, неподконтрольные). При этом нужно отметить, что этот подход к структурированию рисков не опирается на локальность и глобальность, а лишь дополняет их: как локальные риски могут быть управляемыми и неуправляемыми, так и глобальные могут быть таковыми (но чаще – неуправляемыми, в связи с кратно увеличенными масштабами). Но, беря во внимание фактор характера человека или группы лиц, нужно отметить, что при аналитическом мышлении, неуправляемые риски практически нивелируются. Так, по сути, неуправляемые глобальные риски, при определённом подходе к их прогнозированию, могут с лёгкостью стать управляемыми. Возьмём в пример изменение климата, что влечёт за собой

масштабную засуху, зафиксированную в последние годы и в южных регионах России.

Глобальные риски формирования экологической нестабильности в регионах России влияют на формирование негативной социальной идентичности. Фермеры теряют прибыль, пропадает возможность обеспечить себя теми благами, с которыми жили до этих глобальных изменений. Опираясь на формирующиеся рискогенные факторы в контексте современного положения дел, социальная идентичность может меняться не только у самих производителей, но и у потребителей (дефицит зерновых продуктов питания не раз вызывал «бум» покупательных войн у обычных граждан).

Но, беря во внимание классификацию Э. Гидденса, необходимо ответить на вопрос: является ли риск поводом для изменения социальной идентичности, или же он – следствие отсутствия прогностического характера конкретного человека или группы лиц в условиях возникновения риска. Так, на примере засухи на Кубани последних трёх сезонов (2022–2025 гг.), в этом году понёсшей за собой многомиллионные убытки со стороны обычных фермеров [6], есть антипод этим пострадавшим фермерам: главы хозяйств, заранее вложивших средства в закупку современных поливных систем. Это способствовало сохранению и развитию позитивной социальной идентичности, так как фактор верного прогнозирования улучшил положение дел данных компаний, их сотрудников и даже обычных потребителей.

Также нужно отметить дисконнекцию по Гидденсу: фактор резкого изменения климата в мире, относящемуся к глобальному риску, поспособствовал появлению множеств локальных рисков, приведших к появлению резкого изменения социальной идентичности не конкретных людей или локальных групп, а целого общества.

Человечество испокон веков сталкивалось с глобальными эпидемиями. Особенно тревожным является тот факт, что с 1970-хгг. наблюдается беспрецедентный рост числа новых заболеваний. На сегодняшний день насчитывается примерно 40 серьёзных заболеваний, о которых предыдущее поколение даже не подозревало [7]. Беспрецедентной явилась миру пандемия COVID-19. В работе научного коллектива С.А. Дьяков, М.Н. Абрамян,

Д.А. Колесникова, Е.Р. Шабатура отмечается неутешительная статистика положения дел в российском малом бизнесе вследствие пандемии: «По состоянию на 10.05.2020 г. количество субъектов малого предпринимательства сократилось на 10,1 % (в годовом выражении), в среднем – на 8, 5%, что означает потерю около 300 тыс. рабочих мест в малом бизнесе и 100 тыс. в среднем» [8].

Но и даже при этом нельзя не отметить наличие баланса между негативными и позитивными факторами изменчивости социальной идентичности. Пандемия способствовала формированию новой глобальной идентичности – единства общества перед лицом общей угрозы. В этой связи В.А. Антонов отмечает, что в условиях кризиса на первый план выходит именно идентичность, она становится объединяющим и укрепляющим фактором [9].

Современная геополитическая нестабильность в России, связанная с военными конфликтами, санкциями, миграционными кризисом, поспособствовала усилению и укреплению национальной и этнической идентичности, но также и усилению «ксенофобии». О.Б. Иванов считает, что геополитические риски берут своё начало с разрушения социально-экономического прогресса в мире, что в конечном итоге приведёт к уничтожению всей общественной системы [10]. Сюда мы можем отнести невозможность быстрого урегулирования военных конфликтов, терроризма, появления организованной преступности, риск ядерной катастрофы.

Каждый из этих рисков становится следствием главных проблем современного общества – индивидуализации и дивергенции, возникновения мировой многополярности. Исторически человечество это проходило не один десяток раз: в связи со многими факторами в мире регулярно появлялась гегемония одной державы, что в итоге приводило к борьбе с этой гегемонией другими государствами и попыткам формирования многополярности.

Но основное различие между историческими и современными войнами за монополизацию мироустройства одной страной является наличие макронациональной идентичности. Так Р.Д. Гребнев отмечает: «Национальная идентичность применяется в международных отношениях как критерий принятия

внешнеполитических решений. Очевидно, что чем сложнее этногенетический, религиозный, культурный и т.д. состав политически самоопределяющейся нации, тем выше её потенциал развития в контексте устойчивых меж- и транснациональных коммуникаций. И наоборот, чем однороднее состав национальной идентичности, тем выше вероятность формирования таких установок в обществе, которые направлены на сегрегацию и рознь. Устойчивое развитие государств и международных отношений с их участием приводит к формированию стратегической национальной идентичности» [11].

Под стратегической национальной идентичностью подразумевается целеопределяющая идентичность нации, выходящая за рамки границ своей страны. Сегодня, с развитием медиапространства, технологий и общего улучшения жизни, человек формирует своё гражданское самоопределения не только на базисе любви к родине, но и на общем целеполагании будущего свой страны на мировой арене. Это кардинально меняет суть человеческой вовлеченности в жизнь своей страны.

Идентичность играет важную роль в объединении политических сил как внутри самого государства, так и на международном уровне. Последствия глобальных рисков неоднозначны, они оказывают как положительное, так и негативное влияние: усиление тревожности, потери чувство безопасности, утрата целостного образа себя, рост значимости групповой идентичности, поиск «Я» в различных идентичностях. Фрагментация – это разделение личного «я» или социальной группы на множество частей, которые не могут дать чёткого представления о себе. Изменение климата, пандемия и геополитическая нестабильность рушит привычные структуры – экономику, политику, территориальную принадлежность, а также культуру. Все эти факторы влияют на социальную идентичность. И это только малая часть глобальных рисков, но даже так мы можем прийти к выводу, что они оказывают значительное влияние на формирование социальной идентичности.

Вместе с тем при определении локальных рисков социальная идентичность формируется более устойчиво: изменение влечёт за собой либо позитивные, либо негативные последствия, в отличии от абсолютной неопределённости при глобальных рисках.

Локальные риски – это угрозы, которые возникают на определенной территории, в определённом окружении людей, в культурной среде. Они могут быть природными, социальными, экономическими, культурными. Так С.Г. Ивченков, указывает на отражение естественно-локальных рисков, как случайных, непредвиденных результатов рада событий, но при этом как предначертанной необходимости (фатальности). Он относит локальные риски к социальным, связанным с недостаточным развитием социальных отношений, культуры межличностного общения [12].

Локальные риски можно разделить на два вида: прогнозируемые и непредсказуемые. Также каждый из этих видов локальных рисков делится на индивидуальный и групповой, выводя четыре основные подвида. Определяя их основными рискогенными факторами изменчивости социальной идентичности, можно вывести цепочку, на основе которой формируется общее понимание влияния локальных рисков на человека и общество: проигрышные прогнозируемые риски масс рождают непредсказуемость повседневной жизни человека и общества в целом. На примере любой локальной катастрофы, можно вывести эту закономерность.

Пример России показывает, что в условиях сложного геополитического противостояния защитить национальные интересы может только сплочённое общество, где каждый гражданин чувствует крепкую и неразрывную связь со своей родиной [13].

Данные социологических опросов также отмечают существенный рост общегражданской идентичности. На основании опросов ВЦИОМ, были выдвинуты следующие показатели (на сентябрь 2024 г.):

– уровень патриотизма с 2016 г. вырос до максимальных значений;

– на фоне роста патриотических настроений значительно усилилась гражданская идентичность россиян: 57 % опрошенных считают, что Россия – лучше других стран;

– рефлексия сплочённости, единства российского народа увеличилась в 2,5 раза: с 23 до 61 % за последние 12 лет;

– отмечается увеличение понятийности «русского характера»: опрошенные всё чаще формулируют присущность русскому человеку доброты, душевности и отзывчивости как качеств, определяющих истину «русскости» [14].

Это стало следствием того, что с 2014 г. на Российскую Федерацию осуществляется мощнейшее давление со стороны Запада. Санкции, ограничение прав наших граждан, находящихся за границей, экономическая и политическая изоляция, ограничение ввоза продовольствий, запрет на участие в научных, спортивных и культурных мероприятиях и др. своим следствием имело усилению национальной идентичности граждан России.

Выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям 19 мая 2023 г. Президент России В.В. Путин, отметил, что за последние годы консолидация российского общества существенно выросла, вырос уровень общегражданской идентичности. «За 5 последних лет он вырос на треть и на начало 2023 г. превысил 94%», – сообщил Путин, добавив, что в 2017 г. этот показатель составлял 63%. Этот показатель, «в последние годы растет прямо пропорционально давлению на нашу страну. Чем больше в отношении нас принимали санкций, чем больше было клеветы, тем выше становилась наша консолидация» [15].

Социология риска в современной России достаточно новое направление, но оно набирает огромный потенциал. В университетах появляются новые научные программы, связанные с рисками. Проводятся социальные эксперименты, связанные с социальной безопасностью, изучением реакции людей на риски. Анализируются экологические риски, их влияние на будущее человечества. С каждым годом развивается тема цифровой безопасности, особенно с появлением Искусственного интеллекта. Это делает необходимым знание, понимание и научный анализ рискогенных проблем важным и необходимым. Современное общество – это общество риска, но риски приобретают качественно новый характер, что имеет существенные социальные последствия, выражаемые в кризисе традиционных моделей социальной идентичности, что в свою очередь ставит задачи для социологов и психологов по преодолению этого кризиса.

Список источников

1. Жукова О.И. Современное общество и место в нем человека // Вестник Томского государственного университета 2007. № 300-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obschestvo-i-mesto-v-nem-cheloveka (дата обращения: 20.08.2025).

2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. М.: Прогресс–традиция, 2001. 303 с.

3. Добрина О.А. Социальные риски современности и угрозы идентичности: системный анализ концепции Э. Гидденса // Системная психология и социология. 2019. № 1 (29) С. 100–108.

4. Измайлович С.В. Классификация рискообразующих факторов, воздействующих на деятельность предприятия // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2005. № 8. С. 67–73.

5. Giddens A. Risk Society: The Context of British Politics. The Politics of Risk Society. Cambridge: Polity Press, 1997. P. 23–34.

6. Российская газета – Федеральный выпуск: № 152 (9691). URL: https://rg.ru/2025/07/13/kolos-otoshchal.html (дата обращения: 20.08.2025).

7. Холиков И. Распространение эпидемий, пандемий и массовых заболеваний как глобальный вызов современности // ИМЭМО РАН. 2020. № 2 (59). С. 27–40.

8. Дьяков С.А., Абрамян М.Н., Колесникова Д.А., Шабатура Е.Р. Основы антикризисного управления в малом бизнесе в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19 // ЕГИ. 2022. № 1 (39). С. 134–140.

9. Антонов В.И. Российская идентичность в условиях пандемии COVID-19 и виртуализации реальности // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 11. С. 89–93.

10. Иванов О.Б. Глобальные риски и тенденции современного мира // ЭТАП. 2017. № 1. С. 7–20

11. Гребнев Р.Д. Геополитическая субъектность и геополитическая идентичность // Постсоветские исследования. 2023. № 1. С. 10–19.

12. Ивченков С.Г. Современные риски: проблема типологизации // Известия Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. 2011. № 4. С. 49–51.

13. Пушкарева Г.В. Российская идентичность: испытание геополитическим кризисом // Власть. 2023. № 2. С. 139–146.

14. Фёдоров В.В. Презентация из пленарного заседания Форума российской идентичности об общероссийской гражданской идентичности: эмоционально-ценностное восприятие, самоидентификация и зоны риска «Идентичность россиян». URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan (дата обращения: 20.08.2025).

15. Заседание Совета по межнациональным отношениям 19.05.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71165 (дата обращения: 20.08.2025).

К. С. Хромых
Научный руководитель А.Ю. Рожков

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ

Аннотация. В современном мере, где технологии развиваются с невероятной скоростью, искусственный интеллект играет все более важную роль в жизни общества. Он может значительно облегчить повседневную жизнь людей, ведь сейчас его успешно используют в разных сферах, таких как распознавание речи, машинный перевод, рекомендации в интернет-магазинах, диагностика заболеваний и многое другое. Успехи ИИ стимулируют его дальнейшее развитие и внедрение в разные области, облегчая повседневную жизнь людей. В рамках данной статьи нами было проведено исследование, цель которого изучить влияние искусственного интеллекта на сохранение исторической памяти и выявить новые возможности и угрозы. Методология исследования основывается на социологическом опросе студентов ВУЗов, который обеспечивает достижение поставленной цели.

Ключевые слова: искусственный интеллект, новые технологии, историческая память, история, социальная память.

J. S. Khromykh
Scientific supervisor A.Yu. Rozhkov

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: OPPORTUNITIES AND THREATS

Abstract. In today's world, where technology is advancing at an incredible pace, artificial intelligence is playing an increasingly important role in society. It has the potential to greatly enhance people's daily lives, as it is already being used in various fields such as speech recognition, machine translation, online shopping recommendations, disease diagnosis, and more. The success of AI is driving its further development and adoption in various industries, making people's lives easier. In this article, we conducted a study to explore the impact of artificial intelligence on preserving historical memory and identify new opportunities and challenges. The research methodology is based on a sociological survey of university students, which ensures the achievement of the set goal.

Keywords: artificial intelligence, new technologies, historical memory, history, social memory.

Память о прошлом – это не просто воспоминания, это фундамент, на котором строится настоящее и будущее всего человечества. Без нее люди были бы лишены корней и ориентиров, потеряли бы связь с традициями и ценностями своего народа.

Человек на протяжении всего своего существования стремится запечатлеть свою историю с помощью письменности, живописи, скульптуры для того, чтобы передать информацию будущим поколениям. Однако и это не дает гарантии того, что все эти источники смогут стать безусловным интерпретатором исторических событий, так как они не всегда способны запечатлеть саму суть в моменте того или иного явления, а иногда такая фиксация и вовсе проходит спустя года [1]. Например, «Повесть временных лет» Нестор написал в XII веке – спустя 200-300 лет после событий, которые в ней были описаны. Поэтому мы можем говорить о том, что ни одна из ранее известных форм хранения исторической памяти не может претендовать на объективность, но благодаря развитию новых технологий появляется возможность отойти от этого и передавать информацию более объективно. Несмотря на такую возможность история продолжает быть субъективной, так как она все еще пишется и интерпретируется живыми людьми, а не машинами.

Понятие «историческая память» понимается разными авторами по-разному: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом или как синоним исторического сознания. К. С. Романова в своей работе говорит, что «историческая память – понятие коллективное, которое заключено как в сохранении, так и в понимании общественного исторического опыта. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социальной жизни. Содержание памяти составляет прошлое, так как без него невозможно мышление в настоящем, прошлое – это глубинная основа актуального процесса сознания. Историческая память есть в какой-то мере сфокусированное сознание, которое отражает значимость и

актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [2].

Несмотря на то, что эта тема находится в центре внимания исследователей, многие аспекты остаются неизученными, поскольку постоянно возникают новые сферы, оказывающие на неё значительное воздействие. Одной из таких сфер является – искусственный интеллект. Искусственный интеллект (ИИ) – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно–коммуникативную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [3].

Сам термин «искусственный интеллект» является научно-популярным, а в науке применяется его смысловой синоним – искусственная когнитивная система. С. Рассел и П. Норвиг считают, что существует четыре подхода к определению сущности искусственного интеллекта [4, с. 77]. Первые два подхода связаны с максимальным сходством данной системы с человеком, что выражается в форме «думающий, как человек» и «действующий как человек». Вторые два подхода являются в некотором роде антонимичными первым двум, так как в понимании их сторонников искусственная когнитивная система может быть признана и являться таковой, исходя только из критерия рациональности мышления и рациональности действия. Исходя из этого, техническая система считается ИИ, если думает и действует правильно, но только при том условии, что она знает, что «правильно», а что нет [5].

Современные технологии и развитие искусственного интеллекта в области сохранения памяти о прошлом могут стать как помощником человека, так и его врагом. ИИ может создавать основу для изучения и анализа наследия передков, сопоставляя одни артефакты с другими, находя в них нечто общее. Но при этом можно предположить, что сопротивление новым технологиям в

данной области не является рациональным развитием событий, так как уже сегодня ИИ применяется для фиксации событий исторического и культурного наследия (виртуальные экскурсии по городам, музеям, реконструкция исторических событий, оцифрованные печатные исторические источники из архивов – это лишь немногое, что способен сегодня предложить ИИ) [1].

С другой же стороны есть риск того, что использование искусственного интеллекта приведет к возникновению ложных исторических нарративов, что отрицательно скажется на массовом сознании и формировании правильного понимания истории. Поэтому необходимо изучать влияние искусственного интеллекта на сохранение исторической памяти, выявлять угрозы и возможности, которые он представляет, а также разрабатывать этические и безопасные подходы к его использованию в этой области.

Все вышесказанное подтверждает актуальность данной темы, поэтому мы решили провести пилотажное исследование, в котором приняли участие студенты российских ВУЗов, а также студенты Белорусского государственного университета. В качестве метода исследования был выбран социологический опрос, всего в нем приняло участие 95 респондентов, из них 61% студенты Кубанского государственного университета, 11% – Белорусский государственный университет, 13% опрошенных студенты ВГСПУ, 3% – МГТУ им. Носова, по 2% опрошенных это студенты ИСОП, Оренбургского государственного университета, Финансовый Университет при правительстве РФ, по 1% – ВГУ, ВолгГТУ, Горный, Мелитопольский государственный университет, СпбГУПТД, Уральский государственный университет.

Для начала необходимо было узнать о том интересует ли историческое прошлое респондентов. Так, 47% опрошенных ответили, что их очень интересует прошлое их страны, 44% – Скорее интересует, чем нет и лишь 8% ответили, что их не интересует историческое прошлое. Эти результаты свидетельствуют о том, что большинство людей проявляют интерес к историческому прошлому своей страны. Такой интерес может быть связан с познанием истории и культуры своей нации,

а также с желанием понять события и процессы прошлого для лучшего понимания своего настоящего и будущего.

Историческая память человека формируется под воздействием информации, которую он получает из разных источников и вместе с этим она может деформироваться. Именно поэтому нами был задан вопрос про источники, из которых респонденты получают информацию об истории. Результаты получились следующие: интернет и онлайн-ресурсы (89%), книги и энциклопедии (64%), разговоры с родственниками или историческими экспертами (58%), музеи и выставки (46%), вариант «другое» (4%). Стоит отметить, что респонденты не только выбирали ответы из представленного списка, но также активно упоминали и другие источники. Например, проповеди священников, фильмы и сериалы. Это еще раз указывает нам на то, что информация об исторических событиях можно получить из различных источников, которые отражают разные точки зрения и подходы. Однако, интернет и онлайн-ресурсы наиболее популярным средствами получения информации об истории среди наших респондентов.

Далее мы обратились к респондентам с вопросами о том, какую роль искусственный интеллект играет в сохранении исторической памяти, какие возможности и угрозы связаны с его применением в исследовании и расширении исторических знаний. И здесь хотелось бы отметить то, что 63% выбрали вариант ответа «помощь в анализе и обработке больших объемов исторических данных», одинаковое количество процентов (51%) у вариантов ответов «создание виртуальных музеев и экскурсий» и «воссоздание исторических событий и персоналий», 40% – «улучшение доступности исторической информации» и лишь 2% выбрали «затрудняюсь ответить». По результатам на этот вопрос мы можем увидеть, что респонденты рассматривают искусственный интеллект преимущественно как мощный аналитический инструмент для работы с большими объемами исторических данных, средство популяризации истории через создание виртуальных музеев и реконструкцию исторических событий, а также способ улучшения доступа к историческому знанию.

Если же говорить про новые возможности, то опрошенные считают, что искусственный интеллект способен заниматься поиском исторических фактов и связей в больших базах данных (65%), созданием интерактивных образов исторических личностей (47%), автоматическим анализом и классификацией исторических текстов (46%), предсказание результатов исторических событий (26%) не смогли ответить на данный вопрос 6% респондентов.

Респонденты также назвали и инновации в области искусственного интеллекта, которые могут быть полезны для сохранения исторической памяти (рис. 1).

Рис. 1 – Инновации в области искусственного интеллекта

Согласно полученным данным самая популярная инновация, которая может быть использована это «автоматизация архивного дела и каталогизации исторических материалов», что может быть связано с тем, что существует достаточно много документов в архивах, которые не оцифрованы.

Несмотря на все новые возможности, которые предлагает ИИ он, может и представлять некие угрозы. Одними из таких угроз, по мнению 67% опрошенных, может стать искажение исторических факторов и событий, а также неправильная интерпретация исторических данных – 63%. Данные варианты ответов среди респондентов являются самыми популярными и это можно объяснить тем, что люди склоны не доверять новым технологиям, в частности, искусственному интеллекту, ведь они создаются и

развиваются с такой скоростью, что их сложно контролировать. Помимо угроз, названных выше были отмечены: утрата оригинальности исторического наследия – 33% и зависимость от технологических систем и программ 32%. Более подробно распределение ответов представлено на рис. 2.

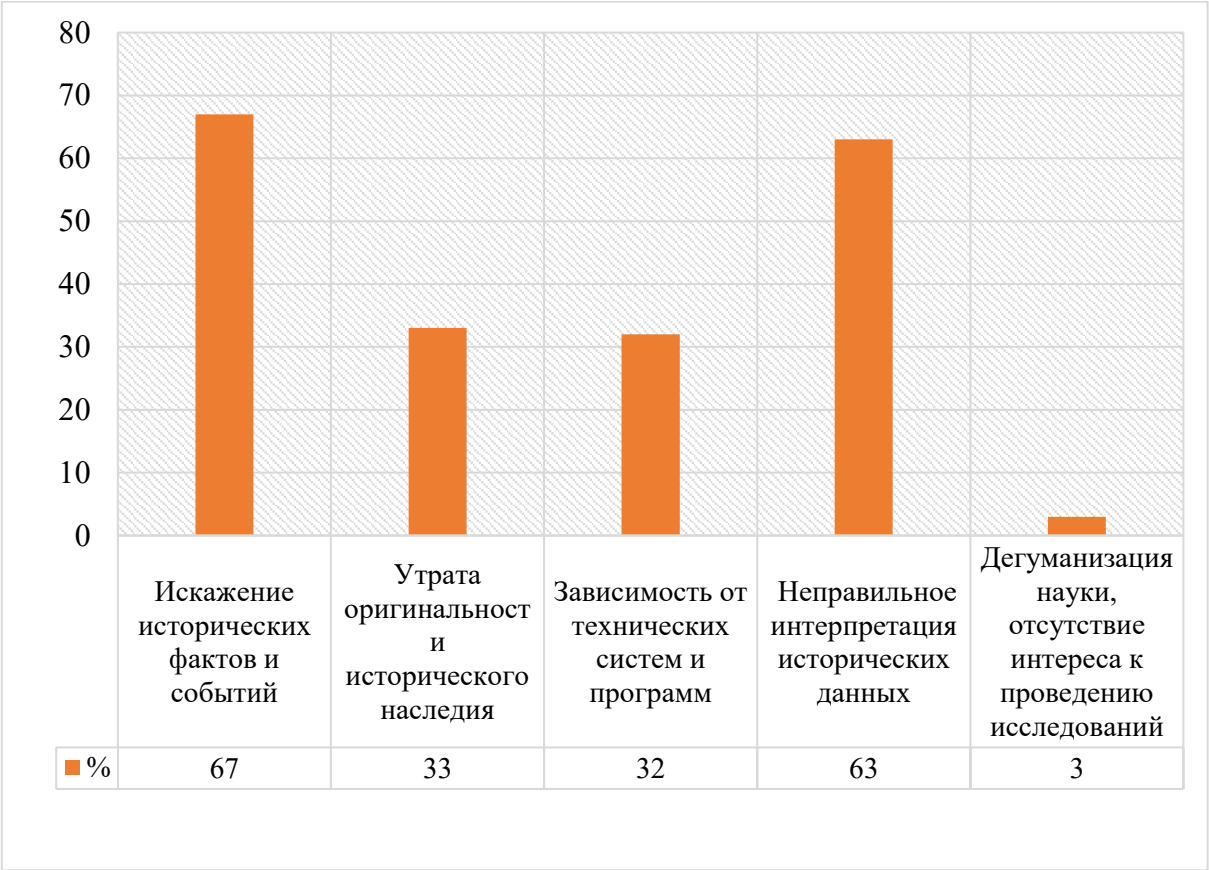

Рис. 2 – Угрозы в использовании искусственного интеллекта

Следующий блок вопросов был связан с мерами безопасности и этическими принципами, которые должны сопровождать использование искусственного интеллекта в сохранении исторической памяти. ИИ – это новая область, которая требует контроля для сохранения стабильности в обществе и искоренения его использования в негативном ключе. Поэтому 74% опрошенных считают, что необходимо проверять достоверность источников данных; 51% – учитывать разнообразие исторических точек зрения; 47% – защищать данные и приватность; 44% – соблюдать принципы прозрачности и объективности алгоритмов искусственного интеллекта; 4% – признание единой истины,

помощь только в поиске, организации, систематизации уже имеющийся, беспристрастность исследователей (рис. 3).

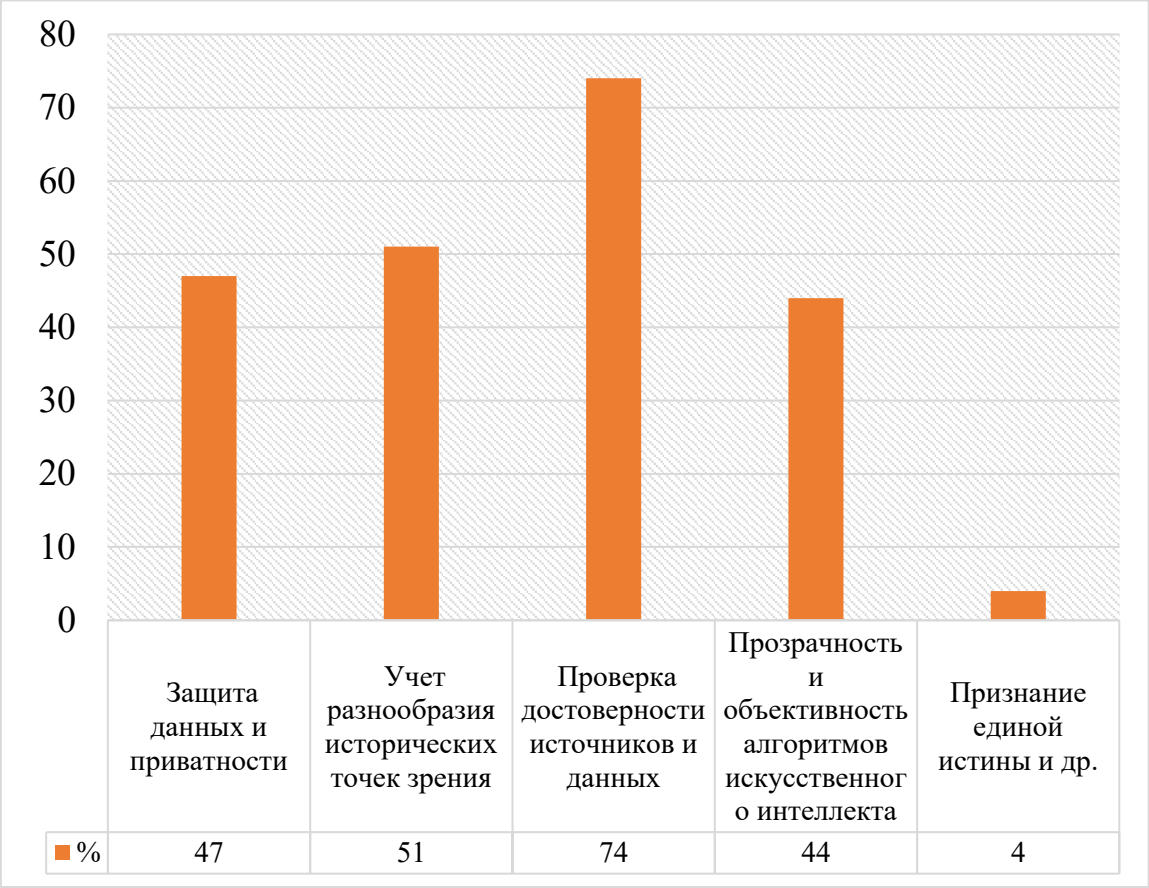

Рис. 3 – Меры безопасности и этические принципы при использование искусственного интеллекта

Контроль за соблюдением данных принципов можно осуществить с помощью законодательства, ведь 58% респондентов считают, что уже сейчас нужен специальный закон, регулирующий использование технологий искусственного интеллекта; 23%, что он нужен, но только через 2-4 года; 7% - нужен через 5-10 лет. Также были и те, что считают это не нужным –14%. Полученные результаты на этот вопрос говорят нам о высокой общественной поддержке идеи законодательного регулирования использования технологий искусственного интеллекта, причём большинство опрошенных выступают за скорейшее введение соответствующих законов.

Таким образом мы можем сделать вывод о том, что искусственный интеллект непременно способен облегчить работу по сохранению исторической памяти, но в то же время возможны

искажения исторических фактов и утрата оригинальности исторического наследия, что может привести к искажению исторической реальности и созданию новых исторических неправдоподобий. Поэтому крайне важно разрабатывать этически обоснованные и безопасные подходы к использованию искусственного интеллекта для защиты и передачи исторической памяти последующим поколениям, создавая комплекс мер, позволяющий эффективно применять достижения ИИ, оставаясь верными высоким стандартам научного исследования и профессиональному подходу.

Список источников

1. Строков А.А. Роль искусственного интеллекта в сохранении исторической памяти: философско-правовые аспекты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57).

2. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // Дискурс-Пи. 2016. № 3–4.

3. Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490. URL: https://base.garant.ru/72838946/ (дата обращения: 07.08.2025).

4. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 75–79.

5. Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10.

А. М. Чернова
Научный руководитель В. Н. Ракачев

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Аннотация. В статье рассмотрены процессы трансформации социального института отцовства в современной России под влиянием глобальных процессов «общества потребления» и «общества риска». Актуальность изучения процессов изменения социального института отцовства заключается, прежде всего, в потребностях российского общества создавать крепкие моногамные семьи, с четкими гендерными и статусными

установками. Такие семья должны стать оплотом государства в вопросах национальной безопасности.

Ключевые слова: отец, институт отцовства, общество потребления, общество риска, статус отца.

A. M. Chernova
Scientific supervisor V. N. Rakachev

THE INSTITUTE OF FATHERHOOD: FEATURES OF TRANSFORMATION IN A RISK SOCIETY

Abstract. The article examines the processes of transformation of the social institution of fatherhood in modern Russia under the influence of global processes of the «consumer society» and the «risk society». The relevance of studying the processes of changing the social institution of fatherhood lies primarily in the needs of Russian society to create strong monogamous families with clear gender and status attitudes. Such a family should become a stronghold of the state in matters of national security.

Keywords: father, institution of fatherhood, consumer society, risk society, status of a father.

В социологии отцовство понимается как сложный «социальный институт, включающий в себя систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине в его роли родителя. Эти нормы и требования интегрированы в нормативную систему культуры и функциональную структуру семьи, что позволяет говорить об отцовстве, как о многослойном феномене, формирующемся под воздействием внешних и внутренних факторов» [1].

Социальный конструкт «отец» составлен как ответ на внешние стимулы социальной системы (мать, отец, жена, ребенок, нормы, ценности, традиции, законы, СМИ, социальные сети, глобальные общественные процессы и т.д.). Внутренние преобразования этих стимулов, включая принятие мужчиной своей идентичности как отца, формируют специфический алгоритм поведения, который определяет его роль и функции в семейной и общественной системах.

Социальный институт отцовства изучается зарубежными и отечественными социологами и как процесс обеспечения условий развития ребенка, и как часть личностной сферы мужчины.

Разные аспекты отцовства анализировались классиками социологии, такими как Т. Парсонс, Р. Мертон и другие. Так Парсонс подчеркивал незыблемость традиционного разделения ролей матери и отца для сохранения основ общества, Мертон, в свою очередь, акцентировал внимание на вариативности выполнения отцом своих социальных функций в рамках структурно-функционального анализа.

Современные западные социологи, опираясь на парадигму социального конструктивизма, активно исследуют феномен «вовлеченного» отцовства, который характеризуется активным участием отца в воспитании и уходе за ребенком. Дж. Плек, У. Ла-Росса, Р.Д. Доэрти, Д. Ленгерсдорф, М. Мейзер, В. Шнайдер внесли значительный вклад в изучение этой темы.

Российские ученые также активно исследуют различные аспекты отцовства. О.Н. Безрукова предлагает к рассмотрению идентификационные типы отцов и изучает феномен «вовлеченного» отцовства. И.С. Кон в своих работах анализировал процессы гендерной идентичности через практики отцовства и влияние различных методов воспитания на детей, особенно мальчиков [2].

Ж.В. Чернова акцентирует внимание на политической и социокультурной составляющей процессов трансформации практик отцовства, влияние «дружественной общественной среды». Она отмечает, что традиционное понимание отцовства в России часто ассоциируется с «отсутствующими отцами», выполняющими роль «кормильцев» с дефицитом времени для реализации отцовских практик [3].

Теоретики «общества риска», такие как Э. Гидденс и У. Бек подчеркивают, что глобализация и индивидуализация приводят к трансформации семьи [4]. З. Бауман указывает на разрушение традиционных семейных отношений под воздействием процессов индивидуализации [5].

Опросы показывают, что в российском современном обществе сохраняются традиционные основы института отцовства, на которые направлен внутриполитический курс нашего государства. Однако, современные социальные процессы, такие как глобализация, индивидуализация и риски общества

потребления, оказывают значительное влияние на трансформацию отцовства.

И.С. Кон обращал внимание на то, что оценка отцовства происходит по женским критериям, по достижениям мужчины в той деятельности, которой он раньше не занимался и к которой его, как правило, не готовят. И в этих смыслах риск стать плохим отцом гораздо больше, чем возможность стать хорошим [6].

Э. Фромм писал о том, что отцовскую любовь, в отличие от материнской, необходимо заслужить. Требование современного мира – заслужить любовь детей. Тенденция к усилению роли отца в семье и обществе наблюдается в контексте «культа детей» (детоцентризма), когда родители стремятся быть нужными и полезными своим детям, а также в таком явлении как «потребительство детства» [7].

Мужчины сегодня находятся также в процессе трансформации своей идентичности под влиянием социокультурных изменений. За последние десятилетия мировая мода на различные типажи настоящего мужчины претерпела значительные изменения, что оказывает давление на гендерную идентичность, особенно в условиях отсутствия примера собственного отца, что приводит к снижению их уверенности в своей роли [8].

Какие еще рискогенные факторы влияют на изменения института отцовства?

1. Трансформация института материнства и роли женщины в семье оказывает прямое влияние на отцовство. Необходимо помнить, что семья, прежде всего – союз мужчины и женщины [9].

2. Эффективное отцовство. В новом обществе пропагандируется многодетность отцов не в традиционном смысле, а множество детей от разных женщин (пронатализм). Такие отцы говорят о том, что они дают своему потомству самое главное – здоровый генетический материал, но они не обязаны при этом содержать своих детей материально [10].

3. Повышенная экстремальность современной жизни, тяга к экстремальности как реакция на стрессы [11].

4. Рост числа разводов и внебрачных рождений, снижение способности и мотивации к деторождению, потеря экономической

выгоды отцовства и родительства в целом, неуверенность мужчин в том, что дети, рожденные в семье, биологически их дети, легитимация социального статуса холостяка.

По данным исследования ВНИИ труда Минтруда России, опубликованного в апреле 2024 года, число одиноких отцов в России составляет 1,13 млн чел. – 7,3% от общего числа домохозяйств с несовершеннолетними детьми (около 15,5 млн чел.) [12].

Современные западные и российские социологи обсуждают феномен «нового отцовства», который характеризуется эгалитарным взглядом на распределение домашних обязанностей, активным участием в воспитании детей и поддержкой матери ребенка во время беременности и после родов. Выполнение всех перечисленных функций не вызывает у «новых отцов» никаких трудностей, семья занимает лидирующую позицию в их системе жизненных ценностей. Мужчины этого типа готовы, если понадобится, оставить работу и полностью заняться воспитанием детей. Поколение младше 35 лет, по исследованиям социологов, нацелено на такое «вовлеченное» отцовство, хотя в России только около 3% мужчин можно отнести к такому типу [13].

Создается впечатление, что «новое отцовство» – это прогрессивная тенденция, отвечающая требованиям времени. Однако содержание отцовских ролей в современном обществе определены культурой не так четко, как содержание роли материнской, что приводит к множественной вариативности в реализации отцовских функций [14].

По данным ВЦИОМ, качества, наиболее точно описывающие современного идеального отца, включают: заботливое и уважительное отношение к матери детей (25% ответов мужчин респондентов), совместный поиск решения проблем (24%), быть примером для подражания, и также активное участие в жизни детей (19%). Главные качества, которые формирует отцовское воспитание: мужество (22%) и дисциплина (21%). Еще 12% считают, что отец прививает ребенку честность и справедливость. Каждый десятый считает, что отец учит ребенка постоять за себя и быть смелым. Роль отца в патриотическом воспитании отмечают 9%, столько же назвали трудолюбие и хозяйственность [15].

Сегодня общество все чаще требует от отцов проявления женских чувств, таких как: эмоциональная эмпатия и нежность, что размывает гендерные установки мужчин. И.С. Кон в своих работах указывал на то, что новый стиль отцовства предполагает более тонкую душевную организацию и таким образом делает мужчин психологически более уязвимыми.

Если мы говорим о том, что в представлении общества девочка уже при рождении несет установку гендерной роли будущей матери, то в этом смысле мальчик в современном российском обществе определяется ролью защитника Родины, гражданина, успешного человека, но в меньшей степени – будущего отца.

Вместе с тем, в современном обществе существует дискуссия относительно четкого дифференцирования гендерных установок, которая в свою очередь отражается и на общественном мнении россиян. Это обусловило проведение социологического исследования, целью которого было выявить понимание респондентами феномена отцовства и присущих ему характеристик. Исследование проводилось в июне 2025 г. в г. Краснодаре, было опрошено 15 мужчин в возрасте 38–65 лет, использовался метод полуструктурированного интервью. Следует отметить, что так называемые «формативные» годы этих мужчин прошли в советское или переходное время, таким образом, можно предположить, что их гендерные установки были заложены в традиционном российском формате.

Так респондент О. (65 лет, священнослужитель) акцентирует внимание именно на проблеме воспитания: «Проблема в том, что мальчиков не учат быть отцами, не воспитывают правильно в этом смысле».

Вопросы девиации в отцовских практиках в настоящее время требуют более пристального внимания. Многоженство, дети в разных браках, оставление семей, отстранение от вопросов воспитания детей, нетрадиционные методы воспитания – сегодня не являются более девиациями, скорее – альтернативными способами ведения отцовских практик. Из проведенного интервью: (респондент Д., 46 лет, 3 детей): «У младшего

восьмилетнего сына есть друг. Недавно обсуждали, что у него проблемы с отцами (отчимами), у него их было семь…».

И.С. Кон писал о том, что все более усложняются структуры и усиливается текучесть брачно-семейных отношений и необходимо более тщательно изучать новые или недооцененные отцовские роли и идентичности, и их влияние на становление новых отцовских практик у будущих поколений. Это касается таких статусов как: приемные отцы, отчимы, разведенные и/или одинокие отцы, несовершеннолетние отцы, символические отцы (учителя, гуру, священнослужители, командиры и т.д.).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что функции отца – более широкая категория, не ограничивающаяся только своими детьми. Если мы говорим о том, что процесс транзакции растянулся на период до 30 и более лет, можно предположить, что потребность в отцовской поддержке существует гораздо дольше, чем просто в период взросления. Процесс становления и преобразования отцовских функций продолжается всю жизнь мужчины.

Вопрос отцовства для большинства является вопросом интимного характера, который не многие готовы выносить на обсуждение, предпочитая ограничиваться фразами: «Отцовство – это прекрасно, проблем никаких нет».

Также, в ответах отдельных респондентов опрос выявил травмирующий опыт пережитого безотцовского детства (неполные семьи). Респондент Е. (48 лет, 1 ребенок): «У меня не было отца, воспитывала мать, у меня даже не отчество, а матчество…». Теперь же на своих детях они хотят показать всю мудрость и правильность воспитания. Респондент А. (40 лет, 3 детей): «Надо любить детей, проводить больше времени с ними, знать, чем они интересуются…».

Большинство респондентов утверждает, что статус отца в обществе и семьях изменился. Респондент А. (40 лет, 2 родных детей, 1 пасынок): «Раньше отцов больше боялись и уважали, сейчас отец – больше друг или наставник, или спонсор». Изменились воспитательные функции отцов по сравнению с предыдущими поколениями (сравнение с отцами и дедами). Респондент Е. (48 лет, 1 ребенок): «Раньше воспитание детей

считалось бабским делом, сейчас мужчины включены с рождения в процесс воспитания».

По результатам опроса мы можем выделить ряд проблем стоящих перед мужчинами при реализации своих отцовских функций:

– размытие нравственных установок в сочетании большого числа требований к роли отца;

– мальчиков не учат быть отцами, необходимо учить этому только личным примером, существует опасность влияния посторонних на этот процесс;

– влияние «общества потребления» – стремление молодежи к выгоде и заработку, легким деньгам, присутствуют установки, что не обязательно владеть специальностью или навыками;

– одной из основных проблем современных отцов было обозначено опасение за детей – как уберечь ребенка от ненужной информации, как контролировать информацию;

– информационное общество постоянно навязывает идеалы, которым реальным отцам сложно противостоять;

– границы дозволенного сегодня определяются не родителями, а социальным окружением, в том числе социальными сетями;

– мужчины по-прежнему обеспокоены темой физической безопасности детей и проблемами материального достатка;

– отцы законодательно незащищенная категория, в отличие от матери, государство больше нацелено на защиту прав матерей. Когда говорят о многодетных семьях, в основном подразумеваются многодетные женщины. Отцы как будто сознательно исключаются из проблемной области;

– изменений функций материнства влияет на изменение функций отцовства.

Респонденты, которые росли в полных семьях и у кого были хорошие взаимоотношения с отцами, также стремятся быть для своих детей значимыми.

Так респондент Д. (46 лет, 3 детей от 2 браков) говорит о том, что старается соблюдать баланс в вопросах традиционного и демократичного воспитания: «У нас с сыном есть кодовое слово. Если я во время воспитательных бесед перехожу грань, меня так

сказать «заносит», то сын говорит это кодовое слово. Я останавливаюсь, обдумываю, и мы продолжаем более сдержанно или прекращаем на время обсуждение. Так называемая работа с гневом…».

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно говорить о том, что институт отцовства в российском обществе – это динамически развивающийся социальный конструкт. Сегодня отец, чтобы оставаться главой семьи, должен научиться создавать свой авторитет самостоятельно. Все происходящие в обществе политические, социокультурные и иные изменения отражаются и на восприятии самими мужчинами тех ролей, которые они осуществляют в семьях, и на том, как общество пытается или вынуждено быть «дружественной» средой для семей. Трансформация функций отца и матери должна проходить одновременно. Необходимо искать решения, как сделать эти процессы более сглаженными, особенно в условиях повышенной рискогенности и негативного влияния глобальных преобразований и когнитивного разрушительного воздействия внешних «недружественных» сил.

Список источников

1. Шевченко И.О. Авторитет отца в современной российской семье. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avtoritet-ottsa-v-sovremennoy-rossiyskoy-semie-1 (дата обращения: 29.07.2025).

2. Кон И.С. Гендер и маскулинность, сыновья и отцы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gender-i-maskulinnost-synovya-i-ottsy/viewer (дата обращения: 29.07.2025).

3. Чернова Ж.В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsii-ottsovstva-sotsiologicheskii-analiz-blogov/viewer (дата обращения: 29.07.2025).

4. Козырева Л.Д. Семья в парадигме социологического модернизма и постмодернизма // Научно-методический и теоретический журнал Социосфера. 2013. № 3. С. 44–51.

5. Волков В. Зигмунд Бауман. Мир без иллюзий и эпоха экономического роста // Вестник Европы. 2017. № 49. URL: https://magazines.gorky.media/vestnik/2017/49/zigmund-bauman-mir-bez-illyuzij-i-epoha-ekonomicheskogo-rosta.html (дата обращения: 29.07.2025).

6. Кон И.С. Отцовство как компонент мужской идентичности. Материал к размышлению // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238. URL:

https://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit03.php (дата обращения: 29.07.2025).

7. Мамычева Д.И. От детоцентризма к «потреблению» детства // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 79–82.

8. Сикилинда С.В. О культурно-философской интерпретации мужской идентичности в современном социуме URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kulturno-filosofskoy-interpretatsii-muzhskoy-identichnosti-v-sovremennom-sotsiume (дата обращения: 29.07.2025).

9. Нуруллина Э.Р. Анализ тенденций трансформации института отцовства в современных социально-экономических условиях // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 4. С. 205–208.

10. Шацкая Д. Пронатализм и апокалипсис: Илон Маск тайно создаёт «легион» своих детей. URL: https://www.gazetametro.ru/articles/pronatalizm-i-apokalipsis-ilon-mask-tajno-sozdaet-legion-svoih-detej-27-04-2025 (дата обращения: 29.07.2025).

11. Бородовская М.А. Страсть к экстремальности // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2012. № 14 (133). Вып. 21. С. 173–177.

12. Виноградова Е. Эксперты при Минтруда описали «портрет» неполной семьи в России. Почему их число растет и что с этим делать. URL: https://www.rbc.ru/economics/11/04/2024/661677bc9a794770abfbb1f5 (дата обращения: 29.07.2025).

13. Русских Л.В. Состояние и проблемы современного отцовства // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. № 3. Т. 18. С. 94–98.

14. Кон И.С. Отцовство как социокультурный институт. URL: https://papaland.ru/library/explorers/history/41.html (дата обращения: 29.07.2025).

15. День отца // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 14.10.2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-otca-2021 (дата обращения: 29.07.2025).

В. О. Шипулин

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. В статье анализируются демографические риски для национальной безопасности Российской Федерации, способы их профилактики и купирования, имея в виду их обусловленность, среди прочего, социокультурными факторами. В этом контексте исследуются, в

частности, проблема депопуляции и связанный с ней феномен замещающей миграции. Обосновывается недостаточность использования для решения проблем демографии исключительно административных и финансовых инструментов, необходимость поиска адекватных способов воздействия на экзистенциальные, культурно-ценностные установки индивидов. Отмечено, что предлагаемые и предпринимаемые в этом направлении мероприятия требуют адекватной научной и общественной экспертизы с учетом неоднозначного восприятия в коллективном сознании их содержания и последствий.

Ключевые слова: национальная безопасность, демография, демографический переход, депопуляция, замещающая миграция, социокультурные факторы.

V. O. Shipulin

RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF DEMOGRAPHIC CHALLENGES: SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Abstract. The article analyzes demographic risks for the national security of the Russian Federation, methods of their prevention and relief, bearing in mind their determinacy, among other things, by socio-cultural factors. In this context, the problem of depopulation and the related phenomenon of replacement migration are examined. The insufficiency of using exclusively administrative and financial instruments to solve demographic problems is substantiated, as well as the need to find adequate ways to influence the existential, cultural and value attitudes of individuals. It is noted that the measures proposed and undertaken in this direction require adequate scientific and public expertise, taking into account the ambiguous perception of their content and consequences in the collective consciousness.

Keywords: national security, demography, demographic transition, depopulation, replacement migration, sociocultural factors.

Очевидным является факт, что деятельность по обеспечению внутренней и внешней безопасности выступает важнейшей функцией государства, в первую очередь она относится к зоне ответственности специально учрежденных для этого институтов. Однако поливариативность и подчас непредсказуемость угроз и рисков, с которыми сталкивается Российская Федерация в нынешнее нестабильное время, столь велики, что недостаточным видится возложение ответственности за их предупреждение и противодействие им на условно силовую часть государственного

механизма. Интеллектуалы, научное сообщество, в том числе представители социогумантарных направлений знания, также должны принимать активное участие в аналитической, экспертной работе по выявлению рисков для национальной безопасности, выработке адекватных мер профилактики потенциально возможных угроз и реагирования на уже актуализировавшиеся. Среди прочего это касается информационных, культурно-ценностных, мировоззренческих рисков, а также тех что имеют отношение к деструктивным аспектам интеракций индивидов и социальных групп.

Спектр проблем, связанных с демографией, на протяжении последних лет постоянно находится в фокусе внимания властных структур, научно-экспертных кругов, религиозных организаций, представителей гражданского общества. При этом, рассматривая соотношение социокультурных факторов и демографических процессов, нетрудно удостовериться, что они взаимно детерминируют друг друга. С одной стороны, эволюция институтов семьи и брака, динамика рождаемости и смертности, рост населения или депопуляция, безусловно, зависимы как от меняющихся экономических обстоятельств, так и от общего социального «самочувствия» населения, от сложившихся в конкретную историческую эпоху в определенном культурно-цивилизационном локусе мировоззренческих и поведенческих стандартов. С другой стороны, изменение демографических, в том числе возрастных, параметров, в свою очередь, также способствует продвижению и закреплению в коллективном сознании определенных идейных и ценностных нарративов, а процессы, связанные с территориальным перемещением населения в глобальном и внутригосударственном масштабе, ведут к изменениям национального состава, способствуют конфессиональному, этическому и поведенческому плюрализму. Далее мы рассмотрим некоторые проблемы взаимовлияния демографических и социокультурных трендов в современной России, представляющие интерес с точки зрения рисков для ее национальной безопасности.

Очевидной проблемой является вступление России в вторую стадию демографического перехода, когда имеет место уже не просто сочетание факторов низкой смертности и низкой

рождаемости (взамен равновесия высокой смертности и рождаемости ранее), но снижение рождаемости ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения (2,1 ребенка на одну женщину). Несмотря на серьезные усилия, прилагаемые на государственном уровне (финансирование различных мер социальной поддержки многодетных семей, молодых родителей, женщин, ожидающих ребенка, в том числе введение программ т. н. материнского капитала, семейной ипотеки; строительство новых детских садов, площадок и поликлиник; популяризация здорового образа жизни), переломить негативно складывающуюся тенденцию депопуляции, ведущую к старению и сокращению населения страны, пока не удается. Частично причины отрицательного депопуляционного тренда относятся к области объективных, условно материальных факторов: влияние демографических волн начиная с периода Великой Отечественной войны, социально-экономический кризис 1990-х гг. и пр. Однако не меньшее, а, скорее всего, большее влияние не него оказывают изменения в социальных предпочтениях россиян, детерминируемые сдвигами культурно-ценностного характера. Приоритет индивидуальных ценностей над коллективными, профессиональной самореализации над желанием посветить себя семье вкупе с растущим в целом благосостоянием и снижением роли традиционных ценностей, прежде имевших преимущественно религиозное обоснование, означает на практике, что решение о создании семьи и рождении ребенка откладывается на все более поздний срок, а то и навсегда. Как отмечает Р. Инглхарт, «стратегия высокой рождаемости, которая была необходима для выживания в доиндустриальных обществах, с течением времени стала избыточной; она поддерживается целостным набором ценностей, касающихся гендерного равенства, разводов, абортов и гомосексуальности, но этот набор норм сейчас меняется…» [1, с. 118]. Каждое новое поколение молодежи оказывается все более восприимчивым к ценностным установкам гедонизма и индивидуализма, начинает воспринимать бездетность как нормальное состояние [2], – описанная ситуация стала складываться на Западе начиная со второй половины XX, а впоследствии стала присуща многим другим регионам мира, в том числе России.

Сам по себе индивидуалистический взгляд на мир, побуждающий членов общества смотреть на жизнь с очень личной точки зрения, вполне понятен и объясним, также как ясны и причины его распространенности в наши дни. Более того, такой подход допускает и наличие определенных возможностей для общества: инициативные, в первую очередь молодые, люди могут достигать личностной самореализации, осуществляя деяния и свершения, которые позволят сделать мир лучше для будущих поколений, а сами они тем самым смогут прославить свое имя в истории человечества [3]. В то же время сложно отрицать тот факт, что численность населения отдельных государств выступает в качестве показателя, коррелирующего (пусть не линейно) с их влиянием на международной арене, в том числе политическим и экономическим [4, с. 49]. Свидетельством тому – успешное развитие экономик крупнейших по численности населения стран – Индии и Китая, а также общий рост их влияния в мире. Для России с ее самой большой в мире территорией риски депопуляции воспринимаются тем более остро. Кроме того, остро стоит проблема внутрироссийских демографических прекосов: на протяжении столетий европейская часть страны была гораздо более населенной и в абсолютном смысле, и с точки зрения плотности населения в сравнении с азиатской; в постсоветские десятилетия эта разница только увеличилась. Темпы рождаемости отличаются в различных российских регионах.

Поэтому внимание, уделяемое вопросам демографии российским руководством, естественно. И если мы проанализируем подходы и способы, предлагаемые и реализуемые для улучшения ситуации этой сфере, то убедимся, что, как и в случае причин демографических проблем, они весьма различны по своей сути и не сводятся лишь к мероприятиям социальной поддержки семей с детьми и финансовой мотивации рождаемости. К тому же действенность мер материального стимулирования в этой сфере имеет свои пределы: например, распространение материнского капитала со второго на первого ребенка с 2020 г. не поспособствовало увеличению количества третьих и последующих детей [5, с. 73–74]. И поскольку основания тех или иных паттернов репродуктивного поведения лежат в значительной степени в области индивидуальной и коллективной аксиологии, то

и социальные технологии, направленные на их изменение, также предполагают целевое влияние на экзистенциальные, культурно-ценностные предпочтения индивидов. При этом, что не менее важно в контексте данной статьи, некоторые предлагаемые решения в силу их неоднозначного восприятия в коллективном сознании и отсутствия полной ясности методов реализации могут в иных случаях подаваться их критиками как повод для продуцирования или усиления социокультурного, мировоззренческого раскола в российском обществе.

В последнее время на самом высоком уровне сделано немало заявлений, в том числе облеченных в юридическую форму, относительно необходимости поддержки традиционных ценностей. Первое, что следует назвать – это Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6]. Среди ценностей, которые предлагается сохранять и укреплять, названа крепкая семья, и можно предположить, что именно укрепление института семьи, предполагающего наличие детей, стало одной из важнейших причин опубликования данного указа. Действительно, проводимые во многих странах исследования показывают, что что люди, придерживающиеся традиционных, консервативных, правых в политологическом смысле предпочтений, имеют большее детей и внуков, нежели сторонники леволиберальных установок (существует и обратная зависимость) [7; 8]. В российскую Конституцию в 2020 году были добавлены положения, в которых говорится о необходимости защиты семьи, материнства, отцовства и детства, а также института брака как союза мужчины и женщины. При этом встает ряд вопросов, на которые не так просто однозначно ответить. Каким образом следует проводить заявленные приоритеты в реальную жизнь? Является ли желаемое переформатирование коллективного сознания в сторону большего восприятия им традиционных ценностей в принципе возможным? Каким образом предложенные методы будут восприняты в обществе, не вызовут ли отторжения?

И если учреждение нового праздника – Дня семьи, любви и верности и проведение в этот день (8 июля) праздничных мероприятий вряд ли может вызывать у кого-либо отрицательные

эмоции, то, например, установление административной ответственности за «распространение информации или совершение публичных действий, направленных на формирование привлекательности отказа от деторождения» [9], иначе говоря – за пропаганду «чайлдфри», не однозначно поддерживается в женском сообществе, некоторые представительницы которого видят в этом покушение на свои личные права. Отрицательное отношение у значительной части населения вызывают звучащие время от времени предложения в духе жесткой регуляторной биополитики относительно запрета абортов и введения налога на бездетность. (Хотя в европейской Польше, например, аборты находятся под запретом.)

Одним из способов решения проблем депопуляции и, соответственно, снижения численности населения, который неоднозначно воспринимается в российском обществе и продуцирует далеко идущие социокультурные последствия, выступает замещение сокращающегося населения за счет переселенцев из других стран. Конечно, феномен миграции в Россию объясняется прежде всего экономическими причинами: недостаток трудовых ресурсов компенсируется притоком рабочей силы преимущественно из стран бывшего СССР, в основном – из Центральной Азии; существует и с каждым годом возрастает образовательная миграция. Не стоит сбрасывать со счетов и внешнеполитический фактор: в условиях политического и экономического давления со стороны т. н. коллективного Запада Россия вынуждена интенсифицировать разноплановые контакты с другими странами [10, с. 158], в том числе с теми, часть населения которых заинтересована в переезде (временном или постоянном) сюда. Однако и вышеназванное обоснование этого явления также присутствует: так, в Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года прямо провозглашается «стабилизация и увеличение численности постоянного населения РФ за счет внешней миграции» [11] как одна из целей. На идеологическом уровне проведению данной линии содействует закрепленный на конституционном уровне статус Российской Федерации как многонационального государства, в котором нет деления этносов на коренные и некоренные.

Упомянутая цель миграционной политики вызывает возражение у части российского населения: при всей важности поиска способов адекватного реагирования на вызов депопуляции раздача российского гражданства миллионам людей с иным культурным бэкграундом, плохо знающим русский язык или вовсе им не владеющим, часто рассматривающим статус гражданина России лишь как инструмент для получения материальных дивидендов не выглядит в ее глазах оптимальным решением. Ко всему прочему, неконтролируемый рост количества мигрантов и «новых россиян» может вести к дополнительной нагрузке на социальную сферу, снижению уровня образовательного процесса в классах, значительная часть учеников которых не понимают языка обучения, росту межнациональной напряженности, в особенности в районах массового проживания таких людей. Актуальна, к сожалению, и прямая угроза национальной безопасности в виде вербовки лиц из мигрантской среды иностранными спецслужбами для совершения актов терроризма. Согласно опросам, большинство россиян положительно относятся к переезду в Россию этнически «своих» мигрантов, тогда как влияние на жизнь страны иммигрантов как таковых оценивается ими преимущественно негативно [12, с. 76]. В качестве профилактирования перечисленных рисков предлагается внедрение на разных уровнях программ социокультурной адаптации и интеграции людей с миграционной историей в российское общество. Практики такого рода активно используются в Европе, впрочем, положительный результат их не всегда очевиден.

Таким образом, демографические риски, с которыми сталкивается российское государство и общество, весьма остры и при этом в значительной степени имеют социокультурную подоплеку. Меры, которые могут быть предложены для их профилактики и купирования, предполагают, помимо прочего, воздействие на мировоззренческие, культурно-ценностные, социально-психологические установки людей, проживающих в России. Целевое программирование когнитивных и аксиологических предпочтений и поведенческих моделей является непростой задачей, требует адекватной научной экспертизы и учета последствий, которые, в свою очередь, могут продуцировать

новые социальные риски. Вместе с тем отказ от ответственности за естественным образом развивающиеся негативные тенденции в сфере демографии также вряд ли будет правильным выбором со стороны российского государства. Поэтому его совместный с гражданским обществом поиск пути решения стоящих в этой сфере проблем, заключающийся, очевидно, в гармоничном и грамотном сочетании и применении административных, финансовых и идеологических стимулов, неизбежен.

Список источников

1. Инглхарт Р.Ф. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. Москва: Мысль, 2018. 334 с.
2. Noordhuizen S., de Graaf P., Sieben I. The Public Acceptance of Voluntary Childlessness in the Netherlands: from 20 to 90 per cent in 30 years // Social Indicators Research. 2010. Vol. 99. P. 163–181. https://doi.org/10.1007/s11205-010-9574-y
3. Aitken R.J. What is driving the global decline of human fertility? Need for a multidisciplinary approach to the underlying mechanisms // Frontiers in Reproductive Health. 2024. Vol. 6: 1364352.
4. Биополитические аспекты национальной безопасности Российской Федерации // Биополитика: антропологические измерения и художественные практики: коллективная монография / отв. ред.: С. А. Маленко, А. Г. Некита. Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. С. 46–58.
5. Антонов А.И., Карпова В.М. Вариативность линий репродуктивного поведения и типов репродуктивного цикла // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 73–87.
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России: сайт. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 28.01.2025).
7. Banducci C., Elder L, Greene S., Stevens D. Parenthood and the polarisation of political attitudes in Europe // European Journal of Political Research. 2016. Vol. 55 (4). P. 745–766.
8. Fieder M., Huber S. Demography leads to more conservative European societies // Biodemography and Social Biology. 2024. Vol. 69 (4). P. 183–202.
9. Установлена административная ответственность за пропаганду «чайлдфри» // Консультант плюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87133.html
10. Шипулин В.О. Феномен межнациональной Масленицы: об инновационных практиках презентации коллективных идентичностей в

российской поликультурной среде // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). 2025. № 1 (10). С. 146–178. https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-1(10)-146-178

11. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Законы, кодексы и правовые акты Российской Федерации. URL:

12. https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-gosudarstvennoi-migratsionnoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-na/?ysclid=mchc3s2fou811639131 (дата обращения: 29.06.2025).

13. Воронина Н.С. Динамика установок россиян по отношению к иммигрантам: результаты анализа данных европейского социального исследования за 2006–2021 гг. // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 61–78. https://doi.org/10.31857/S0132162524080059

В. М. Юрченко

ИВАН ИЛЬИН О САМОБЫТНОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЕ

Аннотация. В статье рассматривается ряд аспектов, касающихся разработки теории и механизмов обеспечения национальной безопасности российского общества и государства в контексте значимости философских разработок известного русского православного философа Ивана Александровича Ильина, а также некоторых представителей евразийства. Рассматривается ряд существенных проблем, связанных с историческими факторами, имеющими не только познавательное, но и практическое, прикладное значения для современной ситуации в стране, требующей обеспечения внутренней консолидации российского общества в условиях глобальных геополитических трансформаций. Отмечается значение понимания роли политической и интеллектуальной элиты как социально-продуктивной части общества, руководствующейся духовно-нравственными ценностями, обеспечивающей интересы развития самобытной русской культуры и суверенной государственности.

Ключевые слова: российская государственность, политическая элита, политико-философские взгляды Ивана Ильина, сравнение с евразийцами, духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, самобытная цивилизация, национальный духовный характер.

V. M. Yurchenko

IVAN ILYIN ABOUT THE DIFFERENT RUSSIAN STATE AND POLITICAL ELITE

Abstract. The article examines a number of aspects relating to the development of the theory and mechanisms for ensuring the national security of Russian society and the state in the context of the significance of the philosophical developments of the famous Russian Orthodox philosopher Ivan Aleksandrovich Ilyin, as well as some representatives of Eurasianism. A number of significant problems related to historical factors are considered that have not only cognitive, but also practical, applied significance for the current situation in the country, which requires ensuring the internal consolidation of Russian society in the conditions of global geopolitical transformations. The importance of understanding the role of the political and intellectual elite as a socially productive part of society, guided by spiritual and moral values, ensuring the interests of the development of distinctive Russian culture and sovereign statehood is noted.

Keywords: Russian statehood, political elite, political and philosophical views of Ivan Ilyin, comparison with the Eurasians, spiritual and moral values, national security, original civilization, national spiritual character.

Понимание ценностной системы политических взглядов Ивана Ильина возможно на основе целостного духовно-нравственного учения, созданного им в целях постижения главного предмета философского исследования – это Российская самобытная цивилизация, перспективы ее развития, своеобразие русской культуры, особенности национального духовного характера русского народа, то есть все то, что обусловливает специфику российской государственности. Сложность предмета философского анализа заключалась в том, что российское государство не было сущностно однородным на протяжении своей истории, особенно после социальных потрясений в начале XX века. Научный интерес представляет сравнительный анализ двух трактовок Русской революции, представленных в публицистических работах Ивана Ильина, с одной стороны, и евразийцев – с другой [1]. По мнению Демина И.В., «разделяя общую установку на ценностный примат национальной самобытности, Ильин и евразийцы радикально расходились в оценках сущности и перспектив русского большевизма. Это расхождение объясняется несовпадением фундаментальных исторических презумпций. Для евразийцев советское государство

было продолжением многовековой истории России-Евразии. Ильин же усматривал в русской революции катастрофический разрыв исторической преемственности» [1, с. 41]. Считая революцию «величайшим насилием» и «величайшей ложью», он демонстрировал бескомпромиссность, в отличие от евразийцев (Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева), которые занимали сдержанную позицию, но были солидарны с Ильиным в определении духовных «западнических» истоков революционных настроений в интеллигентской среде политического активизма. По мнению Ивана Ильина, для России в то время главным риском и главной опасностью были русские западники, которые не знали и не понимали своего отечества, [2, с. 107–108], но их идеи и взгляды проявились и актуализировались в марксизме и материализовались в революционных потрясениях. Поэтому Русская революция была в его интерпретации катастрофой для страны, для русской культуры и для всего народа, а марксизм, как проявление русского «западничества», был антиподом и отрицанием отечественной духовно-исторической традиции и особенно враждебно относящимся к сущностному основанию русской культуры – православной религии. И. Ильин, также, как и евразийцы, отвергал западничество и резко критиковал так называемую «прогрессивную» элиту (русскую интеллигенцию, стремившуюся во всем подражать Европе). В то же время, несмотря на совпадающие оценки деструктивной роли части российской интеллектуальной элиты в активизации революционных процессов, Ильин и евразийцы в ряде вопросов имели радикально противоположные позиции, например, в оценках роли советской политической системы. Евразийцы считали, что советское государство было продолжением многовековой истории России-Евразии доказывали важность сущностной исторической непрерывности, которая и в советской государственности оппонировала Западу, а поэтому была естественным этапом развития русской цивилизации. А Ильин, как уже отмечалось ранее, видел в российской революционной истории катастрофу и своеобразный «конец истории», проявившийся в деградации и разрушениях основ самобытной русской культуры. Он выступал категорическим противником отождествления «русского» с «советским». В этой связи

необходимо для сравнения привести слова Н.С. Трубецкого, который отмечал, что евразийство «решительно отвергая атеистические, материалистические и социалистические доктрины большевизма, тем не менее старается сквозь накинутую на Россию красную мантию коммунизма прощупать биение живого сердца России, проследить изменения живого организма России» [3, с. 389]. Феноменология Ивана Ильина проявляется в теоретическом мышлении в виде переживаний. Разнообразные переживания, по-разному проявляющиеся в аналитических исследованиях религии, искусства, нравственной жизни показывали ученому, что духовное развитие каждой личности предопределяет духовное развитие всего общества. Система философских взглядов Ивана Ильина включает фундаментальные представления, без понимания которых невозможно говорить о реальном обеспечении социальной безопасности. Прежде всего, это аксиология мыслителя, который видел ценность философии, религиозной философии, морали, правосознания, права и политической философии в направлении духовного развития личности, которое предопределяет духовное развитие социальной и, в особенности, политико-правовой сферы общества. Государство в его понимании должно быть средством, благодаря которому человек может обрести полноту духовности. В учении Ильина особо необходимо выделить идеи об основах нравственного государства, которое характеризуется таким важнейшим критерием, как наличие духовного единства народа. Таким образом, в целом, характеризуя основы политико-правового учения Ивана Ильина, необходимо подчеркнуть обоснование им нравственного содержания государственности и деятельности политической элиты, важности диалектики между нормами морали и права. Этот идеал достигнуть очень трудно, считал философ, но возможно, о чем он и писал во множестве своих произведений, по нашему мнению, актуальных и сегодня. Особенно важной в современных условиях является характеристика, данная И. Ильиным, людям, идущим во власть. Именно – лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно даровитый, дальнозоркий и образованный. Можно было бы, пишет Ильин,

добавить к этому и другие качества. Например, храбрый, сердечный…, но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к лучшим человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишенного государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно лучшие должны править во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие. Нелепо и противоестественно говорить, что мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс. Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя… В жизненном распознавании лучших людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценке их, но задача их выделения бесспорна и основательна. Ильин заключает: «Дорогу честным и умным патриотам!» [4, с.289-290]. Характеризуя современный тип самобытной российской цивилизации, необходимо анализировать концептуальные подходы к изучению сущности и своеобразия русской культуры, которые использовали выдающиеся ученые и философы прошлого. Так, например, Иван Ильин считал, что для Российской государственности первостепенной задачей должно быть воспитание в русском народе национального духовного характера и формирование воли к совершенству.

Таким образом, проблемы риска и безопасности в тематизации научного дискурса находятся в центре внимания общественности. И как подчеркнуто в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5], необходимо гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека. В условиях, когда современный мир переживает период трансформаций, а стремления Западных стран сохранить свою гегемонию ведет к новым виткам кризисов и конфликтов, усилению межгосударственных противоречий, снижению эффективности системы глобальной безопасности, от Российской государственной политики требуются новые подходы в решении вопросов обеспечения национальной безопасности, что должно способствовать внутренней консолидации общества, с учетом исторического опыта.

Список источников

1. Демин И.В. Революция 1917 года в интерпретации Ивана Ильина и евразийцев: два вектора русской консервативной публицистики 20–30-х гг. // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2022. Т. 4. № 3. С. 41–47. DOI: https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2022.3.3

2. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Москва: МП «Рарог», 1992.

3. Трубецкой Н.С. Наш ответ. Наследие Чингисхана. Москва: АГРАФ, 1999. С. 382–394.

4. Ильин И.А. Национальная Россия: наши задачи. – М.: Алгоритм, 2018. – 464 с.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". – электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

И. В. Юрченко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА И ПРГНОЗИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В работе рассматриваются основные теоретико-методологические подходы к изучению и прогнозированию этнополитических процессов на региональном уровне. Подчеркивается значимость адекватного определения основных целей исследования угроз региональной безопасности, осуществления конфликтологической диагностики, анализа и прогнозирования развития этнополитической ситуации в условиях глобальных трансформаций. Обозначены основные риски возникновения социальной напряженности и флуктуаций конфликтности в процессе межэтнических и межконфессиональных взаимодействий. Отмечается значение дискурсивного анализа для познания природы и сущности региональных этнополитических процессов.

Ключевые слова: конфликтологическая парадигма, региональное развитие, вариативные сценарии, миграционные процессы, миграционная политика, экспертная диагностика, межэтнические напряжения, дискурсная конфликтность.

I. V. Yurchenko

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYSIS AND PREDICTION OF THE ETHNO-POLITICAL SITUATION IN THE SOUTHERN OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Abstract. The paper examines the main theoretical and methodological approaches to the study and forecasting of ethnopolitical processes at the regional level. The importance of adequately defining the main goals of studying threats to regional security, carrying out conflictological diagnostics, analyzing and forecasting the development of the ethnopolitical situation in the context of global transformations is emphasized. The main risks of social tension and conflict fluctuations in the process of interethnic and interfaith interactions are identified. The importance of discourse analysis for understanding the nature and essence of regional ethnopolitical processes is noted.

Keywords: conflictological paradigm, regional development, variable scenarios, migration processes, migration policy, expert diagnostics, interethnic tensions, discursive conflict.

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Конфликт-менеджмент и обеспечение устойчивой этнополитической стабильности на геостратегическом «Большом Юге России» (Южный и Северно-Кавказский макрорегионы) в условиях глобальных трансформаций» в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2025 г. (00-25-08, номер госрегистрации 125011200140-3, шифр FMRE-2025-0055).

Важнейшей теоретико-методологической базой для изучения и прогнозирования этнополитических процессов в современном обществе является конфликтологическая парадигма, которая применяется для анализа и диагностики этнополитической ситуации в соответствующем исследуемом регионе. В контексте выявления угроз для этнополитической безопасности на теоретическом уровне необходимо разрабатывать вариативные сценарии, комплексно характеризующие региональное развитие на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Важнейшими критериальными характеристиками могут выступать механизмы этнической дифференциации, региональные особенности миграционных процессов и миграционной политики, специфические особенности деятельности этнических сообществ, структуры межэтнических

взаимоотношений, специфические элементы, проявляющиеся в управленческой деятельности и ее влияния на этноконфессиональные отношения, характер занятости различных этносоциальных общностей и др. Региональные и этнополитические конфликты, идеи совмещения этнических и политических границ, распространение этнонационализма приводят к глобальной турбулентности, усилению политико-экономического раскола мира, политизации этничности и этнизации политики, что стало новыми опасными вызовами для современного геополитического пространства. Теория экспертной конфликтологической диагностики разрабатывается и применятся для изучения всех межэтнических напряжений, в том числе на уровне сознания, высказываний, проявлений недовольства и притязаний на доминирование, в дискурсной конфликтности, перерастающей в информационные и «гибридные» войны, в реальном и виртуальном формате. Теория и методология событийного дизайна как концептуальный подход, развивающий некоторые социологические и политологические парадигмы исследования, позволяет «актуализировать фундаментальные научные задачи определения составляющих сложносоставной региональной конфликтности с этническими факторами, такими как резкое усложнение и влияние внешнеполитической ситуации, последствия антироссийской санкционной политики со стороны Запада, проявляющиеся в региональной экономике и в миграционных процессах, взаимосвязанных с межэтническими отношениями, их влияние на социально-экономическую сферу и рынок труда» [1]. Данная методология основана на использовании актуальных для информационного общества теоретических аспектов. В ходе исследования необходимо акцентировать внимание на важности определения тенденций интеграции и конфликтности как взаимообусловленных процессов социального взаимодействия в различных регионах страны, в частности территориально расположенных в приграничье. Территориально-пространственные проблемы и проблемы развития человеческого потенциала на сегодняшний день рассматриваются как приоритетные стратегические цели обеспечения безопасности Российской Федерации. Качество развития человеческого потенциала напрямую связано с возможностями реализации

инновационных стратегий развития нашей страны и ее регионов. Важнейшим условием пространственно-регионального развития, особенно в условиях современных геополитических вызовов, является эффективное использование всех человеческих ресурсов и повышение качества человеческого потенциала. Эти аспекты связаны с проведением когнитивных исследований, как теории и методологии изучения личностного измерения политики и этно-социальных взаимодействий, с опорой на индивидуально-персональные факторы, непосредственно определяющие динамику течения разнообразных конфликтов. «Показатели и индикаторы уровней интеграции и конфликтности, разработка когнитивных моделей для анализа политических практик, а также исследования консенсусных и конфронтационных факторов социального поведения позволяют систематизировать получаемые данные из официальных источников информации, опросов и экспертных интервью» [2, с. 28]. Особое значение для прогнозирования региональной этнополитической ситуации имеет теоретический анализ динамики [3] и эффективности, проводимой органами власти и управления социокультурной и этноконфессиональной политики [1]. В контексте теории конфликтологической диагностики регионального и локального уровней этнополитического управления, определения особенностей и условий пространственного развития, эта деятельность рассматривается также и как особая политика исторической памяти, языка и дискурсного конструирования социальной реальности, политика идентичности, образовательная и демографическая политика, что в целом позволяет акцентировать внимание на человеческом измерении политики. Научное направление, связанное с прогнозными оценками, оперирует такими важными теоретическими концептами XXI века, как риск, удача, опасность, возможность, потенциал, альтернатива, противоречие, деятельность [4, с. 29–30], а также уязвимость, угроза, конфликт, дестабилизация и др. Профилактика и урегулирование межэтнических и межконфессиональных конфликтов ориентируется на формирование и укрепление общероссийской, общегражданской идентичности. А решение этой проблемы во многом зависит от применяемых механизмов создания пространства консенсуса различных социокультурных

ценностей. Иными словами, важно определить, как в современном политическом процессе эффективно генерировать коммуникативное согласие, которое должно быть признано значимым самими участниками коммуникации. Естественно, что большое место в этой теоретической проблематике отводится медийному дискурсу, способному влиять на процессы социального доверия, как первичного условия внутренней консолидации общества. Оптимизация техник урегулирования, возникающих межнациональных и этноконфессиональных конфликтов обусловлена новыми результативными управленческими практиками, необходимыми в условиях, когда «противниками России активно применяются информационно-сетевые технологии, используются когнитивные, информационные и организационные средства борьбы с целью дезорганизации, дезориентации населения…» [5]. Теоретико-методологические аспекты конфликтологического анализа проблем региональной безопасности и стабильности на Юге России, включающие совокупность научных парадигм познания социальных процессов, особенно важны для обоснования валидности методик прогнозирования, например, если мы рассматриваем диалектику формирования региональной и общегражданской идентичности как ментальных оснований Российской государственности в условиях глобальной турбулентности и геополитической напряженности [6]. Прогнозирование региональной ситуации и сценарное моделирование в сложносоставном федеративном государстве, с учетом природно-территориальных, антропологических, социокультурных и этнополитических характеристик федеральных округов и субъектов федерации – это теоретическая деятельность, как процесс поиска и анализа больших данных и оперирование «логико-смысловыми алгоритмами, организующими смысловую ткань информационных потоков» [7]. В теоретико-методологическом обосновании основных этапов разработки прогнозных сценариев [8] необходимо исходить из принципа проведения системной предпрогнозной аналитики. Также особенно важно подчеркнуть, что прогнозирование, этнополитической ситуации (например, в Краснодарском крае) возможно при условии детального анализа, не только внутренних,

но и внешних факторов, (например, политического кризиса в ноябре 2024 года в Абхазии) по поводу «инвестиционного соглашения», ставшего тогда одной из основных причин конфликта. Поскольку непосредственная территориальная близость к этому новому «очагу этнополитической и политико-экономической мобилизации» могла вызвать непредсказуемые реакции многообразных этно-социальных общностей на Кубани и в ряде других регионов, где непростые бизнес-отношения усложняются фоном конфликтов в сфере так называемой «этноэкономики». Теоретическое сценарное моделирование, как составная часть прогнозирования региональной и субрегиональной ситуации включает в себя два основных варианта экспертных оценочных суждений: «негативный» и «позитивный», дополненные различными вариациями («умеренно-негативный», «умеренно-позитивный»). Инновационно-целевой сценарий, предполагает долгосрочные процессы оптимизации этнополитической сферы, ориентируется на социальные реформы (например, в области миграционной политики, налоговой, кредитно-денежной политики) и поэтому постоянно связан с рисками. В контексте теории политического прогнозирования необходимо опираться на принцип системности, непрерывного мониторинга данных, верификации прогнозных характеристик течения конфликтных взаимодействий и рисков возникновения новых конфликтов в процессе изменений социально-политической и этноконфессиональной ситуации в рамках краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспектив.

Список источников

1. Юрченко И.В., Юрченко В.М., Зети-Катич П.П., Юрченко Н.Н. Событийный дизайн исследования региона: практики публичной власти в управлении этносоциальными процессами на Юге России // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 138–155.

2. Юрченко И.В. Конфликтный и интеграционный потенциал регионов в условиях расширения политического пространства РФ: методология исследования и роль цифровизации // PolitBook. 2024. № 2. С. 24–34.

3. Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко Н.Н. Динамика ситуационных и долгосрочных рисков региональной этнополитической

стабильности (на материалах Краснодарского края и других регионов юга России) // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 6. С. 44–53.

4. Буянов В. П., Кирсанов К. А., Михайлов Л. М. Рискология: управление рисками. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 381 с.

5. Юрченко И.В., Завьялова О.А. Конфликтогенные и интеграционные факторы регионального развития в условиях современных геополитических трансформаций // Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС. 2023. С.598–606.

6. Юрченко И.В. О значении конфликтологического анализа современных социально-политических процессов в Азово-Черноморском регионе // Стратегические проблемы, угрозы и риски Азовского бассейна и Приазовья («Опасные явления – V»): материалы V Международной научной конференции памяти члена-корреспондента РАН Д.Г. Матишова / г. Ростов-на-Дону (10–14 июля 2024 г.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. 2024. С.159–162.

7. Курносов Ю.В. Аналитика и разведка. Размышления профессионала. 4-е изд. М.: Ритм. 2020. 392 с.

8. Назаренко А.В., Бабкина О.Н. Теоретические основы прогнозирования в социально-экономических системах // Проблемы экономики и менеджмента. 2013. № 12. С. 95–98.

Н. А. Яковлев

РОССИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МНОГОПОЛЯРНОГО ЦИФРОВОГО ПОРЯДКА: СТРАТЕГИИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья предлагает социологический анализ стратегии России по построению многополярного цифрового порядка через призму технологического суверенитета и сотрудничества в БРИКС/ШОС. Используя концепции различных исследователей, проведено исследование ценностных основ стратегии и ее ключевых социальных вызовов: острый кадровый дефицит, проблемы доверия к отечественным цифровым системам и институтам, риски цифрового неравенства. Подчеркивается стратегическая роль науки и образования в подготовке кадров, экспертизе рисков и критической рефлексии. Анализ официальных документов и публикаций показывает, что успех стратегии зависит не только от технологий и геополитики, но и от системного решения внутренних социальных проблем и эффективности практических инициатив в рамках многосторонних объединений.

Ключевые слова: Россия, многополярный цифровой порядок, технологический суверенитет, социальные риски, кадровый дефицит, цифровое неравенство, БРИКС, ШОС, наука и образование, цифровая безопасность.

N. A. Yakovlev

RUSSIA IN THE FORMATION OF A MULTIPOLAR DIGITAL ORDER: STRATEGIES, ACHIEVEMENTS, PROSPECTS

Abstract. The article offers a sociological analysis of Russia's strategy for building a multipolar digital order through the lens of technological sovereignty and cooperation within BRICS/SCO. Using the concepts of different researchers, the study examines the value foundations of the strategy and its key social challenges: an acute personnel shortage, issues of trust in domestic digital systems and institutions, and risks of digital inequality. The strategic role of science and education in personnel training, risk assessment, and critical reflection is emphasized. Analysis of official documents and expert publications shows that the strategy's success depends not only on technology and geopolitics but also on systematically addressing domestic social problems and the effectiveness of practical initiatives within multilateral frameworks.

Keywords: Russia, multipolar digital order, technological sovereignty, social risks, personnel shortage, digital inequality, BRICS, SCO, science and education, digital security.

Цифровое пространство стало новым стратегическим полем глобального соперничества, где контроль над технологиями и инфраструктурами напрямую влияет на национальную безопасность, экономическое развитие и социальную стабильность государств [6]. На этом фоне концепция многополярного цифрового порядка, предполагающая распределение влияния между несколькими центрами силы и отказ от монополии отдельных игроков на установление правил, приобретает особую актуальность. Россия позиционирует себя как одного из ключевых архитекторов такого порядка, активно продвигая стратегии технологического суверенитета и укрепляя сотрудничество в рамках альтернативных международных форматов.

Существующие работы по социологическому осмыслению роли России в этом процессе часто фокусируются на

технологических или геополитических аспектах, оставляя в тени социальные измерения стратегии: восприятие ключевыми действующими сторонами, институциональные основы, кадровые вызовы, проблемы доверия к создаваемым системам и потенциальные социальные последствия. Между тем, именно эти факторы во многом определяют устойчивость и эффективность любых инициатив в цифровой сфере [7].

Рассмотрены три взаимодополняющие социологические концепции, которые позволяют комплексно осмыслить роль России в формировании многополярного цифрового порядка, особое внимание уделено социальным процессам, управлению рисками и институциональным механизмам:

1. Миросистемный подход И. Валлерстайна рассматривает глобальное устройство как иерархию с центрами, полупериферией и периферией [11]. В контексте цифровой трансформации стремление России к технологической самостоятельности и лидерству в объединениях БРИКС и ШОС можно интерпретировать как попытку изменить свое положение в мировой технологической иерархии.

2. Концепция «общества риска» У. Бека акцентирует роль глобальных рисков в формировании политики современных государств. Цифровые угрозы – такие как кибератаки, утрата данных или технологическая зависимость – становятся ключевыми факторами, побуждающими к действию [9].

3. Концепция доверия к абстрактным системам Э. Гидденса подчеркивает, что стабильность современных обществ зиждется на доверии не к отдельным людям, а к сложным системам – институтам, экспертизе и технологиям [10]. Реализация стратегии технологического суверенитета (внедрение отечественных ОС, ПО) и создание новых институтов сотрудничества (БРИКС, ШОС) требуют формирования и поддержания именно такого типа доверия.

Анализ официальных стратегических документов и выступлений высшего руководства России выявляет устойчивый комплекс социокультурных ценностей и институциональных интересов, лежащих в основе курса на технологический суверенитет и многополярный цифровой порядок. Эти ценности

формируют смысловое ядро государственной политики в данной сфере:

1. Безопасность как абсолютный приоритет. Язык официальных источников последовательно конструирует цифровую сферу как поле постоянных внешних угроз. Ключевые документы, такие как Стратегия национальной безопасности, определяют защиту информационного пространства и критической инфраструктуры как вопрос выживания государства и общества. Например, введение законодательства о «суверенном Рунете» обосновывалось необходимостью обеспечить неприкосновенность цифрового пространства страны в условиях гипотетической агрессии, что прямо связывает технологическую независимость с национальной безопасностью.

2. Справедливость и равенство суверенитетов. Концепция многополярности подается не только как геополитический курс, но и как этический императив. В выступлениях на площадках БРИКС и ШОС подчеркивается несправедливость сложившейся модели, где «цифровой колониализм» позволяет отдельным государствам диктовать правила и извлекать односторонние выгоды. Российская позиция апеллирует к принципу равноправия и уважения цифрового суверенитета всех наций, позиционируя создание альтернативных технологических платформ и стандартов в рамках БРИКС/ШОС как путь к установлению более справедливого мироустройства. Эта риторика находит отражение в совместных декларациях, где Россия выступает одним из главных инициаторов формулировок о недопустимости доминирования в цифровой сфере.

3. Стабильность и управляемость. Официальный язык подчеркивает, что технологическая зависимость от недружественных юрисдикций несет риски дестабилизации экономики и социальной сферы. Программы импортозамещения (например, «Цифровая экономика») обосновываются не только соображениями безопасности, но и необходимостью обеспечить устойчивость и предсказуемость развития страны [8]. Внедрение отечественных решений в госсекторе и критической инфраструктуре преподносится как шаг к созданию управляемой и защищенной национальной цифровой экосистемы,

минимизирующей риски внешнего давления. Это отражает ценность стабильности и контролируемости как основы развития.

4. Наука и образование как стратегический ресурс. Институциональный интерес к наращиванию собственного научно-технологического потенциала отчетливо выражен в документах. Подчеркивается ключевая роль академической науки и высшей школы в обеспечении кадрами (программы типа «Цифровые профессии»), разработке стандартов и проведении экспертизы рисков. Например, необходимость развития отечественной электронной компонентной базы связывается не только с оборонными нуждами, но и с сохранением научно-технологического суверенитета и возможностью готовить специалистов мирового уровня. Наука и образование представлены как критически важные институты для реализации стратегии и обеспечения долгосрочной устойчивости.

5. Связь с миросистемным подходом. Выявленные ценности и интересы напрямую соотносятся со стремлением России изменить свою позицию в глобальной технологической иерархии. Курс на суверенитет и многополярность – это попытка преодолеть статус «полупериферии», зависимой от технологий «центра», и утвердиться в качестве одного из новых самостоятельных центров силы, способных формировать правила и стандарты цифрового взаимодействия наравне с другими. БРИКС и ШОС выступают институциональными платформами для реализации этого стремления к более равноправному месту в миросистеме.

Содержание научно-экспертных публикаций демонстрирует как совпадения, так и нюансы в понимании этих ценностей. Если официальная риторика делает акцент на оборонном и геополитическом аспектах суверенитета и безопасности, то экспертные работы в социологических и политологических изданиях чаще поднимают вопросы социальных последствий:

– доверие. Ученые указывают на необходимость не только создать технологии, но и обеспечить доверие пользователей к отечественным решениям, что требует открытости, удобства и доказанной надежности;

– неравенство. В публикациях подчеркивается, что цифровой суверенитет может усилить региональное и социальное неравенство в доступе к технологиям и защищенности, если не

сопровождается мерами по развитию инфраструктуры и цифровой грамотности на всей территории страны;

– роль науки. Эксперты настаивают на важности независимой научной экспертизы в оценке рисков и эффективности стратегии, подчеркивая, что наука должна быть не только исполнителем, но и критическим аналитиком государственного курса.

Реализация стратегии технологического суверенитета и продвижения многополярного порядка сопряжена с комплексом социальных вызовов, активно обсуждаемых как в официальных документах, так и в научно-экспертной среде. Одновременно институты науки и образования представлены в качестве ключевых акторов, призванных преодолевать такие вызовы, как кадровый дефицит как системный барьер, доверие (технологическое и институциональное), цифровое неравенство как фактор уязвимости.

Наука и образование представлены в официальных документах как «стратегический резерв» и «локомотив» технологического суверенитета. Их роль концептуализируется в нескольких плоскостях:

- генерация кадров;
- разработка стандартов и экспертиза;
- критическая рефлексия (в экспертном поле).

Выявленные вызовы – кадры, доверие, неравенство – являются ярким проявлением социальных рисков (Бек), порождаемых самой стратегией технологической трансформации. Управление этими рисками требует не только технических решений, но и построения доверия (Гидденс) к новым системам (отечественным технологиям) и институтам. Наука выступает здесь как ключевой провайдер экспертного знания, необходимого для осмысления и минимизации этих рисков.

Стратегия России по формированию альтернативного цифрового порядка реализуется через конкретные инициативы в рамках БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [7].

Действующим примером являются регулярные консультации экспертов по информационной безопасности в рамках рабочих групп БРИКС и ШОС, что закреплено в Политике в области

цифровизации и международной информационной безопасности ШОС (2025 г.) [1] и Особенностях политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности (2024 г.) [2].

Эти документы предусматривают обмен опытом и лучшими практиками в области защиты критической инфраструктуры, борьбы с киберпреступностью и выработки общих подходов. Российские предложения по укреплению межгосударственного доверия в цифровой сфере нашли отражение в итоговых декларациях, например, в Декларации саммита БРИКС в Йоханнесбурге «Йоханесбург-2» (2023 г.) [3], где подчеркивается важность ООН как центрального форума для разработки норм поведения, в том числе в киберпространстве.

Россия последовательно продвигает принципы уважения цифрового суверенитета и недопустимости доминирования в документах объединений. Ярким примером является Стратегия экономического партнёрства БРИКС (2015 г.), инициированная при участии РФ и закладывающая основы равноправного партнерства, в которой одним из приоритетных направлений названо сотрудничество в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [4].

В образовательной сфере ключевой реализованной инициативой выступает Сетевой университет ШОС. Согласно соглашению о Сетевом университете ШОС, Россия участвует в подготовке специалистов по критически важным направлениям, включая информационные технологии и безопасность, через совместные магистерские программы ведущих вузов (МГУ, МФТИ, РУДН и др.). Это создает основу для формирования общего образовательного пространства и распространения российских подходов [5].

Несмотря на сложности, сотрудничество в БРИКС/ШОС является стратегическим приоритетом. Успех зависит от укрепления доверия, фокуса на реализуемых проектах и адаптации к разнообразию.

Через БРИКС и ШОС Россия реализует прагматичную комбинацию идеологии цифрового суверенитета и практических шагов по безопасности и подготовке кадров. Социологически

значимым является акцент на доверии как основе сотрудничества и институте образования как инструменте «мягкой силы». Преодоление внутренних противоречий этих объединений требует не только политической воли, но и развития горизонтальных социальных и профессиональных связей между странами-участницами.

Результаты проведенного анализа позволяют осмыслить российскую стратегию через ключевые социологические теории. Стремление к технологической самостоятельности и усилению позиций в рамках БРИКС и ШОС соответствует логике миросистемного подхода. Это можно рассматривать как попытку России изменить свое положение в глобальной технологической иерархии, преодолев статус зависимой «полупериферии» и утвердившись в качестве одного из новых центров влияния, способного участвовать в формировании правил цифрового взаимодействия наравне с традиционными лидерами. Акцент в официальных документах и выступлениях на внешних угрозах для обоснования курса на суверенитет и международную кооперацию наглядно демонстрирует тезис социологии риска о том, что управление глобальными рисками (такими как кибератаки или технологическая зависимость) становится мощным драйвером государственной политики в современном мире.

Ответы на исследовательские вопросы подтверждают, что российская стратегия базируется на устойчивом ценностном фундаменте (безопасность, справедливость, стабильность, развитие науки), однако ее практическая реализация сталкивается с комплексом значимых социальных вызовов, признаваемых как в государственных стратегиях и отчетах, так и в работах научного сообщества. Институты науки и образования концептуализируются как стратегические участники процесса, однако их потенциал в роли независимых аналитиков социальных рисков и разработчиков корректирующих мер требует более полной реализации на практике.

Перспективы формирования многополярного цифрового порядка с ведущей ролью России оцениваются с учетом выявленных факторов. Устойчивость национальной модели зависит от способности системно преодолевать внутренние социальные риски, прежде всего катастрофическую нехватку

высококвалифицированных кадров и углубляющееся цифровое неравенство, которые подрывают основы как технологического суверенитета, так и социальной стабильности.

Потенциал влияния («мягкой силы») через экспорт экспертных моделей, образовательных программ (как в Сетевом университете ШОС) и технологических стандартов признается существенным, однако его реализация требует демонстрации реальной эффективности и конкурентоспособности российских решений на международной арене. Внутренние социальные риски (недоверие, неравенство, трудности адаптации различных групп населения) обсуждаются в работах ученых и аналитиков как серьезные препятствия, однако стратегические документы часто предлагают недостаточно конкретных и системных мер для их решения. Будущее многополярных инициатив в рамках БРИКС и ШОС видится в прагматичной фокусировке на реализуемых проектах в сфере безопасности и подготовки кадров, но их масштаб и влияние будут определяться способностью стран-участниц преодолевать различия в регулировании, конкуренцию национальных ИТ-экосистем и находить устойчивые источники финансирования, опираясь на укрепление доверия и развитие профессиональных связей.

Исследование подтверждает, что стратегия России по формированию многополярного цифрового порядка основана на ценностях безопасности, суверенитета, справедливости и стабильности. Официальные документы формируют соответствующие концепты преимущественно через призму внешних угроз и геополитики. Научные публикации, признавая эти приоритеты, акцентируют критические социальные вызовы: системный дефицит кадров, низкое доверие к отечественным решениям и углубляющееся цифровое неравенство. Эти взаимосвязанные риски угрожают устойчивости стратегии.

Институты науки и образования выступают ключевыми субъектами в преодолении этих вызовов, обеспечивая подготовку специалистов, экспертизу рисков и критическую оценку социальных последствий. Сотрудничество в БРИКС/ШОС остается основным инструментом продвижения многополярности, но его эффективность ограничена различиями в регулировании и конкуренцией интересов.

Успех стратегии зависит не только от технологий, но и от системного решения внутренних социальных проблем – инвестиций в кадры, построения доверия и преодоления цифрового разрыва. Мониторинг этих аспектов и продвижение российской экспертизы на международном уровне являются необходимыми условиями устойчивости и влияния России в формирующемся многополярном цифровом порядке.

Список источников

1. Политика в области цифровизации и международной информационной безопасности Шанхайской организации сотрудничества. ШОС, 2025. URL: https://namib.online/wp-content/uploads/2025/07/Сборник-ШОС.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
2. Особенности политики государств-участников БРИКС в сфере развития ИКТ, обеспечения национальной и международной информационной безопасности. БРИКС, 2024. URL: https://namib.online/wp-content/uploads/2024/05/BRICS.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
3. Йоханнесбургская декларация-II: XV саммит БРИКС (Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 авг. 2023 г.) / БРИКС // Официальный сайт председательства ЮАР в БРИКС 2023. URL: https://www.brics2023.gov.za/johannesburg-ii-declaration/ (дата обращения: 15.06.2025).
4. Стратегия экономического партнерства БРИКС. БРИКС, 2015. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/KT0SBHnIZjOpIuAj2AOXCnszNQA8u7HL.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
5. Соглашение о Сетевом университете Шанхайской организации сотрудничества. ШОС, [2016]. URL: http://government.ru/docs/25163/ (дата обращения: 15.06.2025).
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (Ч. II). Ст. 5351.
7. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Собр. законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
8. О государственной программе Российской Федерации «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 21.07.2020 № 2120 (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства РФ. 2020. № 31 (Ч. II). Ст. 5066.
9. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / пер. с англ. И. Тюриной. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

11. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N. Y.: Academic Press, 1974. 410 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, д-р полит. наук, д-р ист. наук, профессор

Бибилашвили Давид Амиранович, студент КубГУ

Большов Виктор Борисович, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук

Волченко Никита Николаевич, доцент КубГУ, канд. биолог. наук

Голоснов Олег Анатольевич, доцент ДГТУ, канд. социол. наук

Гончарова Наталья Геннадьевна, руководитель Психологической службы, Международный детский центр «Артек»

Донцова Мария Владимировна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук

Ермилова Анна Вячеславовна, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, канд. социол. наук, доцент

Калалва Сабрина Адельевна, студент КубГУ

Кисленко Илья Анатольевич, адъюнкт Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознамённое училище имени генерала армии С.М. Штеменко

Козлов Даниил Олегович, студент магистратуры КубГУ

Комаров Александр Алексеевич, студент Петрозаводского государственного университета

Кантемирова Инна Борисовна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук, доцент

Концевич Галина Евгеньевна, доцент филиала «Ставропольского государственного педагогического института» в г. Железноводске, канд. социол. наук, доцент

Кочкин Антон Андреевич, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД Российской Федерации

Ляушева Светлана Аслановна, профессор кафедры философии и социологии, руководитель лаборатории социологической диагностики ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», д-р филос. наук, профессор

Михайлова Татьяна Александровна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук, доцент

Мукожева Диана Алексеевна, преподаватель кафедры социологии КубГУ

Негруль Светлана Валерьевна, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета, канд. социол. наук, доцент

Новикова Александра Сергеевна, командир отделения Краснодарского университета МВД Российской Федерации

Одинцова Дарья Николаевна, аспирант кафедры социологии КубГУ

Панченко Алексей Олегович, студент КубГУ

Передерий Вероника Анатольевна, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД Российской Федерации, канд. социол. наук, доцент

Ракачев Вадим Николаевич, профессор кафедры социологии КубГУ, д-р ист. наук, доцент

Ракачева Ярослава Владимировна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. ист. наук, доцент

Рожков Александр Юрьевич, профессор кафедры социологии КубГУ, д-р ист. наук, профессор

Рощина Наталья Михайловна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук, доцент

Рунаев Тимофей Александрович, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук

Самаркина Ирина Владимировна, декан факультета управления и психологии КубГУ, заведующий кафедрой политологии и политического управления, д-р полит. наук, доцент

Скворцов Игорь Петрович, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознамённое училище имени генерала армии С.М. Штеменко, д-р филос. наук, профессор

Студеникина Елена Станиславовна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук, доцент

Тухпатуллин Даниэль Ринатович, магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета

Усов Евгений Андреевич, студент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Усова Любовь Викторовна, доцент кафедры социологии КубГУ, канд. социол. наук, доцент

Фадеева Наталья Леонидовна, старший преподаватель Петрозаводского государственного университета

Федоренко Людмила Петровна, доцент филиала КубГУ (Славянск-на-Кубани), канд. социол. наук, доцент

Хагуров Темыр Айтечевич, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор КубГУ, заведующий кафедрой социологии, д-р социол. наук, доцент

Хомченко Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры КубГУ

Хромых Кристина Сергеевна, студент магистратуры КубГУ

Чернова Анна Михайловна, студент магистратуры КубГУ

Шипулин Всеволод Олегович, доцент Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, канд. филос. наук, доцент

Юрченко Инна Вадимовна, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, д-р полит. наук, профессор

Юрченко Виктор Михайлович, профессор кафедры политологии и политического управления КубГУ, д-р филос. наук, профессор

Яковлев Николай Андреевич, адъюнкт Краснодарского высшего военного орденов Жукова и Октябрьской Революции Краснознамённое училище имени генерала армии С.М. Штеменко

Содержание

Хагуров Т.А.
Социология риска и безопасности – 2025:
к вопросу о когнитивной безопасности и её гарантах 3

Баранов А.В.
Российская идентичность студенческой молодёжи Донбасса
(по материалам фокус-групп) 9

Бибилашвили Д.А.
Сектантство, астрология, магизм – основные
угрозы духовной жизни российского общества 17

Большов В.Б.
Выпускник вуза: выбор жизненного пути в условиях
неопределенности 26

Голоснов О.А.
Проблема развития когнитивного социального капитала
как фактора консолидации российского общества 37

Донцова М.В.
Гражданские установки современной молодежи в условиях
общества риска 44

Ермилова А.В.
Методика исследования рисков
в спорте высокого уровня достижений 54

Калалва С.А., Волченко Н.Н.
Протест, поддержка или аполитичность:
комплексные стратегии политического
поведения современной российской молодёжи 59

Калиниченко А.Д.
Исследование деструктивного информационно-психологического
воздействия в социальных сетях и мессенджерах сквозь призму
мирного времени, чрезвычайных ситуаций и военных
конфликтов 67

Кантемирова И.Б.
Краснодарский край в 2023–2024 годах:
социально-экономическая ситуация и региональные риски 75

Кисленко И.А.
Влияние искусственного интеллекта
на информационную безопасность современной России:
генерация фейковых новостей 87

Козлов Д.О.
Алгоритмический риск: влияние систем искусственного
интеллекта на новые формы социальной
несправедливости 96

Концевич Г.Е.
Девиантное и делинквентное поведение молодежи
как фактор рискогенности российского общества 103

Кочкин А.А.
Микросоциологический аспект неформальных практик
следователей ОВД: оценки и риски 112

Ляушева С.А.
Региональные социокультурные ресурсы укрепления
национальной идентичности: рискологический аспект 121

Михайлова Т.А.
Социологический анализ социальных аспектов
экстремального спорта 127

Мукожева Д.А.
Образ будущего России в молодежном сознании:
контур угроз и зона безопасности 130

Негруль С.В., Тухпатуллин Д.Р.
Межкультурное общение студентов как фактор риска и ресурс
социальной безопасности в студенческом общежитии
университета 144

Одинцова Д.Н.
Классические теории молодежи и проблемы их применимости
в отношении стран Центральной Азии 152

Панченко А.В.
Традиционные ценности современной России: потенциал для духовной безопасности, риски и перспективы 159

Передерий В.А., Новикова А.С.
Обратная сторона цифровых технологий: опасность вербовки и вовлечения в террористические организации 168

Ракачев В.Н., Ракачева Я.В.
Миграция как рискогенный фактор современного общества 174

Рожков А.Ю.
«Теория поколений XYZ» как популистский нарратив: риски ментальных ловушек для российской молодежи 183

Рощина Н.М.
Риски материнской ролевой идентичности 195

Рунаев Т.А.
Образ патриота в онлайн-коммуникации глав регионов Юга России: тренды и прогнозы 203

Самаркина И.В., Гончарова Н.Г.
Политико-психологические процессы в новых субъектах РФ: барьеры или катализаторы социокультурной интеграции? 210

Скворцов И.П.
Духовная безопасность: системно-деятельностный аспект 220

Студеникина Е.С.
Некоторые проблемы контроля соблюдения прав инвалидов 225

Усова Л.В., Усов Е.А.
Риски студентов с нарушением слуха в условиях образовательной инклюзии 229

Фадеева Н.Л., Комаров А.А.
Социальные меры поддержки семей как фактор демографической безопасности: по результатам социологического исследования в городе Петрозаводске 235

Федоренко Л.П.
Риски образовательной среды как угроза
безопасности общества 247

Хомченко Е.Д.
Риски современного общества и их влияние
на социальную идентичность 253

Хромых К.С.
Искусственный интеллект и сохранение исторической
памяти: возможности и угрозы 262

Чернова А.М.
Институт отцовства: особенности трансформации
в обществе риска 270

Шипулин В.О.
Национальная безопасность России в контексте
демографических вызовов: социокультурное измерение 279

Юрченко В.М.
Иван Ильин о самобытной российской государственности
и политической элите 288

Юрченко И.В.
Методологические аспекты анализа и пргнозирования
этнополитической ситуации на Юге России в условиях
глобальных трансформаций 293

Яковлев Н.А.
Россия в формировании многополярногоцифрового порядка:
стратегии, достижения, перспективы 299

Сведения об авторах 310

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ И ПОИСК ОТВЕТОВ

Сборник научных трудов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 21.10.2025. Выход в свет 27.10.2025.
Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 19,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 6255.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.